

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

**МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**MOSCOW
JOURNAL OF LINGUISTICS**

Том 9 № 1

Москва

2006

ББК 81.0
М 81

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

С. И. Гиндин (главный редактор)
А. В. Дыбо
Г. Е. Крейдлин
М. А. Кронгауз
Е. В. Муравенко
В. И. Подлесская
С. А. Старостин
З. М. Шаляпина

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2
Институт лингвистики, редакция МЛЖ
Тел.: 973-40-09
Редколлегия: Н. Г. Семенова (зав. ред.),
М.О.Гардер, А.С.Красникова
Наш адрес в Интернете: <http://mjl.rsuh.ru/>

© Авторы статей
© Московский лингвистический журнал, 2006
© Российский государственный гуманитарный университет, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Н.Н.Леонтьева.</i> Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста	5
<i>Е.Е.Степанский</i> (Самара). К методологии изучения языковой концептосферы (на примере эмоциональных концептов в славянских языках)	16
<i>Н.В.Перцов.</i> О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола	29
<i>Н.В.Сухова.</i> Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы в разных коммуникативно-прагматических типах монологических высказываний	51
<i>В.М.Труб.</i> О возможном подходе к семантическому описанию названий частей тела	57
<i>Хай Фэн</i> (Урумчи) Дунганский – самостоятельный язык или вариант диалектов китайского языка?	74

Московские лингвисты: биографии и воспоминания

<i>А. В. Гладкий</i> Из воспоминаний о коллегах	82
<i>Л.В.Драмбян, О.Б. Малевич, Е.К.Семенова, З.М.Шаляпина.</i> Борис Дмитриевич Тихомиров	102

Из лингвистических архивов

К истории количественных методов сравнения переводов с оригиналом. Публикация вторая.

<i>А.М.Финкель.</i> «Ночная песня странника» Гете в русских переводах. <i>Предисловие и подготовка текста С.И.Гиндина</i>	107
---	-----

Ф.Ф.Зелинский о русском стихе и сопоставительной метрике

<i>Петр Мицнер</i> (Варшава). Последняя работа Фаддея Францевича Зелинского	141
<i>Ф. Зелинский.</i> Заметки в области русской просодии и метрики (специально белого стиха) <i>Публикация П. Мицнера</i>	144
<i>С. И. Гиндин.</i> Недостающее звено в истории русского стиховедения	176

Слово прощания

<i>З.М.Шаляпина.</i> Владимир Иванович Любченко	182
---	-----

CONTENTS

Studies

<i>Nina N.Leontieva.</i> Corpus linguistics and systems of automated text understanding	5
<i>E.E.Stefanski</i> (Samara). On Methodology of Research into the Language Concept Area (illustrated by the study of emotional concepts in Slavic languages)	16
<i>N. V. Pertsov.</i> On the inflectional status and peculiarities of reflexive passive verbal forms in Russian	29
<i>N.V.Sukhova.</i> Interrelation between a prosodic nucleus and a kinetic phrase in different communicative and pragmatic types of monologue utterances	51
<i>V.M.Trub.</i> On one possible approach to semantic description of words denoting the parts of body	57
<i>Hai Feng</i> (Urumqi) Is Donggan an independent language or a dialectal variant of Chinese?	74
Linguists of Moscow: biographies and memoirs	
<i>A.V.Gladkij.</i> Remembering my colleagues	82
<i>Larisa Drambyan, Olga Malevich, Elena Semenova, Zoya Shalyapina.</i> Boris Dmitrievich Tikhomirov	102

Linguistic archives

From the history of quantitative methods in translation studies.	
Part 2.	
<i>A.M.Finkel'.</i> Goethe's Wanderers Nachtlied and its Russian translations. <i>Prepared and introduced by S.I. Gindin</i>	107
T. Zielinski On Russian verse and comparative metrics	
<i>Peter Mitzner</i> (Warsaw). The last work of Faddey Frantsevich Zielinski	141
<i>F.Zielinski.</i> Notes on Russian prosody and metrics (specifically of blank verse)	144
<i>S.I.Gindin.</i> The lost ring in the history of Russian verse studies	176
Farewell words	
<i>Zoya M.Shalyapina.</i> Vladimir Ivanovich Lyubchenko	182

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Леонтьева

Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста¹

Корпусная лингвистика (КЛ) – это новая (по крайней мере, для нашей страны) и интенсивно развивающаяся дисциплина. В ней сконцентрировались многие полезные свойства гуманитарных и технических дисциплин, включая и статистику как вспомогательный прием при обработке массивов. КЛ называют новым информационным ресурсом. Но ее статус среди прикладных наук пока не очень ясен. Каких свойств в ней больше – научной дисциплины или работающей системы?

В первом случае встает вопрос о **методе** КЛ как науки. Во втором случае (если мы видим в КЛ больше черт прикладной системы, своего рода системы управления базами данных, совмещающей приемы ручной и автоматической обработки текстовых данных, в том числе их поиск) важны **сфера** использования и **результаты**, реальные или хотя бы планируемые. А может быть, КЛ вообще выполняет только служебную роль – обеспечивает текстовым материалом лингвистов: практиков (составителей словарей) и теоретиков? Тогда это вполне традиционная роль. К тому же соблюдающаяся при формировании самих текстовых корпусов культура внимательного отношения к атрибутам естественного текста (учет жанра, стиля, автора, времени создания текста и других «ре-

¹ Статья представляет собой сжатое изложение доклада на школе молодых ученых «Корпусная лингвистика-2005». Работы частично поддерживаются грантом РГНФ № 04-04-00185а.

Н. Н. Леонтьева

гистров» метаразметки корпуса, см. [Шаров 2003] и др.) обязана филологии как традиционной гуманитарной дисциплине, см. [Гиндин 2003].

Однако масштабы, динамика и успехи КЛ объясняются использованием наработанных компьютерных технологий, это они превратили КЛ в мощный информационный ресурс, сблизивший ее именно с системами. Очевидно, что КЛ вобрала в себя методы нескольких продвинутых типов прикладных систем, объединенных общим названием «системы автоматической обработки текста (АОТ)». В системах АОТ тоже имеются и свои теории, и свои результаты. Рассмотрим, какие разновидности компьютерных систем внесли свой вклад в развитие КЛ.

До сих пор прикладные системы анализа текста развивались по двум главным линиям, условно назовем их **лингвистической и информационной**. Первая реализовалась в основном в системах машинного перевода (СМП), а среди МП в свою очередь способствовала развитию лингвистических теорий и формализмов. Вторая – это анализ в составе разного вида информационно-поисковых систем (ИПС), нужных внешним пользователям-специалистам, заинтересованным в эффективном поиске полезной информации, см. [Захаров 2002] и др. Как же соотносятся друг с другом лингвистический анализ (ЛингвАн) и информационный анализ (ИнфАн) текста?

ИнфАн в информационных системах часто опирается на результаты начального ЛингвАн, однако эти два направления давно развиваются параллельно и, к сожалению, изолированно друг от друга. Это привело к тому, что ни то, ни другое направление не дали пока тех результатов, которые ожидает от них общество. Информационный анализ, не использующий достижений ЛингвАн, вырождается в технически простую задачу поиска нахождение запрошенных цепочек лексем (в том числе терминов) в больших массивах текстов. А детальный лингвистический анализ, не пользующийся достижениями ИнфАн, никак не может выйти за пределы предложения, в целый текст.

Похоже, что КЛ, объединив методы того и другого, дала каждому из них новую перспективу. Из информатики взят и даже расширен масштаб анализа: обработке подлежит не просто целый текст как вожделенная цель ЛингвАн, а массивы, или корпуса, текстовых материалов. Тер-

Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста

мины *индексирование* и *аннотирование* также заимствованы КЛ из информатики, но они приобрели в ней другое значение: как синонимы собственных терминов КЛ – *тэгирование* и *разметка*. Замечу, однако, что эта искусственно внесенная омонимия крайне неудачна, так как *индексирование* и *аннотирование* нужны в КЛ в их исходном информационном значении. Так, частыми запросами к КЛ внешних пользователей будут такие: «*Выдать не весь текст, а только его аннотацию*» или «*Построить результат собственно индексирования текста*» (можно уточнить: такой, который сохраняет только термины, или только существительные / глаголы / именные группы и т.п.).

Из лингвистики кроме приемов быстрого создания словарей, тезаурусов и конкордансов КЛ наследует детальность разбора и различение уровней анализа (морфологический, синтаксический, семантический). Пока в реальном масштабе реализована только морфология; приписывается какая-то информация и каждой текстовой единице, не имеющей морфологии (в системах АПТ этот уровень назван графематическим анализом). Что касается синтаксиса и следующих за ним семантических слоев разметки, то здесь тоже происходит заметное продвижение, см. [Кустова и др. 2004], а также другие материалы, опубликованные в Трудах той же международной конференции. Но, начиная с проблем синтаксической разметки, обостряются вопросы, связанные со статусом и использованием КЛ, – об этом и пойдет речь дальше (в тезисном жанре).

Дело в том, что КЛ остается аморфной дисциплиной, не заявившей о своей цели (ср. прикладные дисциплины, имеющие цели: достижение точности понимания или перевода отдельных предложений при ЛингвоАн или в системах МП, получение новой информации в информационно-поисковых системах, построение базы данных в разных системах искусственного интеллекта и др.). КЛ давно служит для создания разного рода словарей – переводных, авторских, терминологических, специальных, контекстных, статистических. Но помимо выполнения этой очень важной, но все же служебной роли станет ли КЛ центром в круге систем АОТ? Можно ли надеяться, что КЛ обеспечит такую исчерпывающую и достоверную экспертизу текста, на которую смогут опираться

Н. Н. Леонтьева

все другие системы, решающие разные задачи с естественным текстом? Например, сможет ли КЛ дать лингвистическую основу для дальнейшего разбора художественных произведений? Облегчит ли КЛ построение базы данных для включения в нее описаний объектов и ситуаций, данных в тексте? Ответы на эти и многие другие вопросы содержательного характера зависят от успехов прикладной лингвистики и ее теории.

Если уточнить термин АОТ, заменив слово *обработка* на слово **понимание** – **автоматическое понимание текстов** (АПТ) – правильнее было бы связать КЛ как прикладную дисциплину с системами типа АПТ. Понимание отличается от обработки тем, что предполагает наличие воспринимающего субъекта, который ставит разумную цель и формулирует свои требования к результату. Хотя механизм АПТ пока еще не заработал на массивах, создаваемых КЛ, представляется, что воспринимающий субъект и его цели (а это и требования к результату) обязательно должны войти в теоретическую модель и стать компонентами КЛ как системы: ведь все информационные ресурсы так или иначе предназначены для реальных пользователей.

Небольшое изменение терминологии (*АПТ* вместо *АОТ*) требует довольно серьезного уточнения целей и методов КЛ. Мы будем вынуждены определить не только сам термин *АПТ*, но и уровни компьютерного «понимания», и критерии их разделения, и сферы их использования.

Если центральным компонентом КЛ станет система типа АПТ, то КЛ должна быть адаптируема к задачам внешнего пользователя-нелингвиста. Значит, в работу такой системы или модели нужно включить компонент «воспринимающее устройство (ВУ)». Только с этого момента начинается действительно семантический анализ (СемАн), а не семантическая разметка. То, что сейчас многие называют семантикой, – всего лишь заготовка к СемАн. Внешнему пользователю нужны больше результаты постсемантической интерпретации (концептуальный анализ в терминах, используемых человеком, задающим вопросы, извлечение новой информации, выводы из текста и др.). Лингвистический анализ по сравнению с тем, что сейчас достигнуто в прикладных системах, конечно, усложнится, особенно в связи с обострением требований к семантическому уровню понимания.

Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста

Наши ожидания, что синтаксический анализ (СинАн) всегда снимает неоднозначность морфологического, а СемАн снимает неоднозначность СинАн, часто не оправдываются. Нельзя ждать, что хоть какой-то самой изощренной процедурой мы сможем получить для анализируемого текста единственное, правильное, логически непротиворечивое, всех устраивающее семантическое представление. Неуспехи лингвистов на поле семантики вполне объективны и свидетельствуют о том, что такая идеальная постановка цели СемАн мало стыкуется с жизнью. Это и хорошо: ведь понимание всегда неоднозначно (ср. три разных интерпретации одних и тех же ответов Березовского послам из Украины (см. в различных электронных и печатных средствах массовой информации за 9 октября)). Считаю, что важно не только бороться с неоднозначностью, но объяснять ее причины и настраиваться на другие, плюралистические модели понимания.

Теоретических и методологических вопросов относительно характера и «языка» семантического уровня, способного удовлетворять «внешние» запросы, остается очень много. Однако сочетание методов ЛингвАн и ИнфАн позволит создателям прикладных систем решать многие проблемы, которые по отдельности трудно или совсем не решаются, как, например, установление разного рода референтных связей по всему тексту.

В сложных задачах СемАн на помощь приходит контекст целого, который можно учитывать в интерпретации каждой встреченной и локально не снимаемой неоднозначности. Кроме того, фактором, облегчающим анализ целого текста, является ослабление требований к результатам предшествующего этапа, возможность неполного анализа тех предложений, для которых нет лексического словарного обеспечения или которые оказались слишком сложными для синтаксического анализа. Ведь известно, что существующая в любом тексте смысловая избыточность может восполнить локальное «недопонимание».

Пока же в роли пользователей КЛ выступают лишь сами лингвисты. Эту роль никак нельзя недооценивать. Тот простор, который открывает КЛ, просто вынуждает лингвистов при создании и обкатке грамматик выйти за пределы только синтаксического анализа изолированных предложений.

Н. Н. Леонтьева

В конструкциях с родительным падежом, а также в определительных группах синтаксическая разметка, сделанная представителями разных лингвистических школ, скорее всего поставит одно и то же значение связи, ожидая уточнения на семантическом уровне. В случае неоднозначности семантической интерпретации для правильного выбора нужно обратиться к контексту целого: иногда только к заголовку текста, иногда к содержанию всего текста, часто к предметной области, заданный в виде тезауруса или базы данных, а иногда к знанию источника (например, важно знать, вывеска это или объявление в газете).

Так, в следующих пяти примерах формально одинаковые показатели связи двух слов (сущ.+сущ._род.пад.) интерпретированы семантически по-разному:

Метод гидролиза – это или термин предметной области, или СОДЕРЖАНИЕ (*гидролиз, метод*)²

Метод Лагранжа – термин или ИМЯ (*Лагранж, метод*)

Сопротивление проводника – обе интерпретации – технический термин или АГЕНС (*проводник, сопротивление*) – верны, причем несовместимы. Выбрать правильную можно только обратившись к предметной области или теме текста.

Крепеж электрика – или термин (неодуш.), или ОБЪЕКТ(*электрик, крепеж*)

Метиз сантехника – а здесь важно знать, что это вывеска магазина, где продают металлоизделия и сантехнику; соположение слов здесь случайно и не требует синтаксической и семантической интерпретации.

Для следующих примеров читатель может сам построить синтаксическое и семантическое представления и отметить сложности, неоднозначности и противоречия в синтаксической и семантической разметке:

Эти типы стали есть в прокатном цехе;

Чужой опыт непереносим;

Воздух обещает прогреться до +10-12 градусов;

«Как можно прославлять задом наперед?» (Заглавие статьи в «Новой газете»);

² Здесь и ниже используется номенклатура семантических отношений, изложенная в предыдущих работах автора.

Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста

*«Что я слишком часто пьяный
Бабьим летом, бабьим летом» (Окуджава)
Временами дожди, местами грозы. / Временами дожди, местами
сильные.*

Замечу, что автоматический синтаксический анализ этих и других – даже средней трудности – фраз даст большой информационный шум (ошибки и/или много вариантов), и валентная структура мало чем поможет, если учитывать при анализе только синтаксические способы ее выражения.

В связи с этим встает вопрос: нужно ли – после работы синтаксического парсинга и предшествующих ему автоматических процессоров – проводить очень сложную и трудоемкую (часто вручную) процедуру снятия омонимии, тем более что она часто сопровождается теоретически спорными решениями? Размеченные и откорректированные тексты нужны людям, изучающим данный язык или такой категории пользователей, как преподаватели. Но и они в таком исправленном корпусе не смогут найти информацию о том, как нельзя сказать, тем более, почему так нельзя сказать, см. [Fillmore 2004].

А зачем самому лингвисту вычищенный, стерилизованный массив? Нужно ли ему корректировать автоматические результаты или вообще проводить разметку вручную? Ведь лингвисту, особенно прикладному лингвисту, важно видеть истинную картину всех неоднозначностей и других проблем естественного текста, чтобы создавать правила автоматического или автоматизированного их разрешения. Вычищенный сегодня массив синтаксических структур может завтра не пригодиться, если будет применен более мощный СинAn. Та же проблема с семантической разметкой: уточнение семантической классификации и увеличение словаря обеспечит улучшенный результат СемAn на том же исходном тексте/массиве. Что же – еще раз чистить? Ответ пока неясен.

Внешнему пользователю нужен хорошо отлаженный и быстро работающий механизм поиска, причем с разными уточняющими запросами. Возможны разные стратегии поиска: для некоторых запросов синтаксис не нужен, для других достаточен упрощенный СинAn, третий требуют полного или выборочного семантического разбора. Но

Н. Н. Леонтьева

ориентация на реальные запросы реальных пользователей с приемлемыми параметрами скорости вынуждает КЛ как систему функционировать только в полностью автоматическом режиме, без привлечения интер- или постредактора. Для этого нужно разрабатывать словари и грамматики, могущие работать на непрепарированных, реальных массивах. Поэтому основные усилия прикладных лингвистов надо направить на разработку анализа, а не на коррекцию его результатов.

Рабочее место лингвиста должно быть снабжено разными процессорами, с разной семантической силой. Внутренняя дескрипция текста (лингвистические структуры) и внешняя дескрипция (данные о целом тексте: жанр, тема и др.) будут взаимно полезны для разных целей анализа корпусных материалов. При вычислении ответов на вопросы об основном содержании какого-либо текста или о различиях в содержании двух произвольных текстов корпуса потребуется провести полный или близкий к нему СемАн целого текста, чтобы дать полноценный ответ пользователю. Одна из задач СемАн – быстро устанавливать связи со всеми другими источниками информации, позволяющими уточнять построенные структуры. Это позволит, например, при сигнале о неоднозначности или сбое синтаксического разбора фразы из корпуса провести СемАн и вернуть его результаты в СинАн. И в этой задаче слово за лингвистами, за их способностью прийти к соглашению относительно способа представления семантической структуры текста в корпусах, пока же такой способ не найден.

Сделаем некоторые выводы:

1. Понимание – ментальный процесс, его единицами являются **не** слова, а понятия, или концепты. Как определить, что такое концепт, в системах АПТ и КЛ, не залезая в мозги пользователя (ведь материалом КЛ являются – пока – слова)? Как их задать в верbalном виде? Да еще так, чтобы каждый пользователь извлекал свою информацию, свое понимание из одного исходного текстового материала? Сам пользователь не знает словаря и грамматики системы АПТ и не может на них воздействовать. Значит, система АПТ должна работать методом «встречного текста», уметь адаптировать свои структуры к любому из запросов и вопросов, поступивших от внешней интеллектуальной системы. Кроме

Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста

того, есть и собственно лингвистические способы построения значимых сложных единиц.

2. Перечисленные проблемы относятся большей частью к **теории** прикладной лингвистики и АПТ-систем. При переносе центра внимания на запросы внешней системы к корпусу насыщной становится задача включения пользователя, или компонента «воспринимающее устройство», в модель/теорию АПТ. Самой неразработанной частью этой теории остается семантический компонент, в его важнейшей функции – установлении связей со всеми теми источниками информации, которые могут участвовать в поиске ответа на запросы воспринимающего устройства. В каком виде включаются в систему сами эти источники? Решать эти проблемы лучше лингвистам, иначе они будут решены чисто технически, «грубой силой».

3. Назову некоторые позитивные шаги, которые может сделать сейчас лингвистика и конкретно КЛ навстречу такому социальному заказу:

- укрупнение единиц анализа в локальных структурах – построение синтаксических, затем семантических групп; как первый шаг потребуется задать полные списки устойчивых словосочетаний (в основном это сложные предлоги, союзы и наречия), а также терминов, претендующих на статус общеязыковых «понятий» (именные группы);
- выход за пределы предложения в СемАН: доказательство связности текста по основным объектам и установление отношений референции по всему тексту; для этого (а также для необходимого сжатия текста) нужно разработать методы использования смысловой неполноты и избыточности;
 - задание правил и механизмов сравнения содержания текста с тем, что содержится в базе данных, то есть с уже упакованными знаниями; это потребует разработки метаязыка, позволяющего сравнивать разные тексты между собой и тексты с другими источниками информации (заданными тезаурусами, номенклатурами и разными списками).

Список первоочередных задач можно уточнять и расширять. Так, частью программы я считаю задачу концептуализации первичных смысловых отношений, которая необходима для установления регулярных

Н. Н. Леонтьева

связей с разными предметными областями. (Это отдельная тема, требующая специального обсуждения, см. [Леонтьева 2004]).

Решение названных проблем открывает новую перспективу перед прикладной и теоретической лингвистикой, а именно, намечает мостик, связывающий разные источники знаний. Моделировать взаимодействие разнородных систем можно на самом горячем сейчас участке – на механизмах взаимодействия синтаксического и семантического представлений текста. Добротное решение этой задачи поможет снять или свести к минимуму очень трудоемкую и практически невыполнимую для больших текстовых корпусов процедуру ручной коррекции построенных синтаксических и семантических представлений (см. например, [Semecky 2005] и другие работы чешских лингвистов, активно работающих в этой области.

Может показаться, что мы слишком много ждем от КЛ. Но создано ведь уже достаточно наработок, и при серьезном обсуждении и согласованной работе лингвистического сообщества есть шанс, основываясь на КЛ как новом информационном ресурсе, продвинуть развитие разных систем АПТ и тем дать второе дыхание самой корпусной лингвистике.

Литература

Гиндин С.И. Гипертекстовая филологическая система по творчеству В.Я.Брюсова // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 6. № 2. с. 219–226.

Захаров В.П. Информационные системы (документальный поиск). СПб.: Изд. Санкт-Петербург. ун-та, 2002. 187 с.

Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. Национальный корпус русского языка как инструмент семантико-грамматического исследования лексики // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004»: СПб.: Изд. Санкт-Петербург. ун-та, 2004. с. 183–195.

Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста

Леонтьева Н.Н. Роль связей в семантической разметке корпуса текстов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». СПб.: Изд. Санкт-Петерб. ун-та, 2004. С. 196-205.

Шаров С.А. Параметры описания текстов корпуса // Научно-техническая информация. Серия 2. 2003. № 5-6.

Fillmore Ch. J. «Corpus Linguistics» or «Computer-aided armchair linguistics» // Directions in Corpus Linguistics. Berlin, N.-Y., 1992. P. 35-60.

Semecky J. Automatic Assignment of Frame Semantics Using Syntax-Semantics Interface in LFG // The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics. Praha. 2005. № 83. P. 19-46.

E. E. Стефанский

**К методологии изучения языковой концептосферы
(на примере эмоциональных концептов
в славянских языках)**

На рубеже двух тысячелетий в языкоznании происходит смена научных парадигм. Если XIX век был веком сравнительно-исторического языкоznания, а в XX господствовал системно-структурный метод, то в XXI складывается антропоцентрическая парадигма. В центре внимания языковедов оказывается человек как носитель языка, являющийся представителем той или иной культуры.

В рамках этой научной парадигмы сформировались два научных направления: **лингвокультурология**, изучающая язык как носитель определенной национальной ментальности, и **когнитивная лингвистика**, рассматривающая отражение в языке познавательных процессов (см. подробнее [Маслова 2001, с. 5-8])

Объектом исследования в когнитивной лингвистике является **концепт**. Ю.С.Степанов определяет концепт как «сгусток культуры», в виде которого она входит в ментальный мир человека [Степанов 20011, с.43]. Из концептов той или иной культуры, словно из мозаики, складывается **концептосфера** определенного языка, рисующая национальную картину мира.

Термины *концепт* и *понятие* в настоящее время получили четкую дифференциацию. Понятие с это совокупность существенных признаков объекта, отличающих его от сходных объектов. Например, понятие ‘предмет мебели в виде широкой доски на ножках’ включает в себя все

К методологии изучения языковой концептосферы

те признаки, которые отличают стол от другой мебели: стула, кресла, табуретки и т.д. Концепт же с это понятие, погруженное в культуру, концепт всегда национально специфичен даже в том случае, если слова, в которых он вербализовался, оказываются эквивалентами друг друга в переводных словарях.

В этом отношении весьма показательны размышления актрисы Елены Сафоновой о жизни с мужем-швейцарцем в Париже: «Дело не только в чужом языке. Дело в том, что, когда я говорю слово *стол*, я вижу перед собой круглый деревянный стол на четырех ножах с чайными чашками. А когда французы говорят *стол*, они видят стол стеклянный, на одной ножке, но с цветочками. И винить их бессмысленно, они с таким же успехом могут обвинить в этом меня. Они не хуже, они просто другие» (цит. по: [Тер-Минасова 20001, с. 56]).

Исследуя национальную специфичность концептов, А.Вежбицкая убедительно показала различия между русским *друг* и английским *friend*, между английским *sadness* и русскими *грусть* и *печаль*, между словами со значением 'свобода' в латинском, английском, русском и польском языках (см. [Вежбицкая 2001а, 2001б]). Выход подобных исследований за узкие рамки лингвистики, включенность их в общекультурные, гуманитарные процессы обусловил интерес к такого рода проблемам и у писателей. Так, Милан Кундера, чешский писатель, много лет живущий во Франции, являющийся по существу гражданином мира, с одной стороны, не раз обращается в своих художественных произведениях к со-поставлению концептов, относящихся к различным лингвокультурам, а с другой создает своеобразный словарь «Семьдесят три слова» [Кундера: S.a.], где собраны значимые для его творчества концепты.

Вместе с тем три перечисленных научных парадигмы неизбежно co-существуют, накладываясь друг на друга. При исследовании концептосферы близкородственных языков (таких, например, как славянские) лингвист, столкнувшись со специфическим концептом в одном языке, неизбежно должен будет, применяя структурно-семантический подход, искать его соответствие в другом языке либо констатировать наличие лакуны (пустой клетки). Одновременно весьма продуктивным является рассмотрение фонетической и семантической истории корня, являющегося именем дан-

Е. Е. Стефанский

ного концепта. Такой историко-семантический анализ должен быть дополнен культурологическим анализом генезиса данной реалии в истории культуры. И здесь мы уже сталкиваемся с использованием сравнительно-исторического метода в рамках новой научной парадигмы.

В настоящей статье предпринимается попытка показать, как сочетание трех указанных подходов дает возможность всесторонне исследовать славянские концепты, обозначающие человеческие эмоции.

(1) Начнем со специфического чешского концепта *lhost*. Рассуждая о нем в своем романе «Книга смеха и забвения», М.Кундера определяет его как «мучительное состояние, порожденное видом собственного, внезапно обрушившегося убожества» [Кундера 2003а1, с. 178-179]. Поскольку многие концепты существуют в виде культурных сценариев, автор прибегает к описанию ситуаций, в которых возникает эта эмоция, и рассматривает варианты реакций индивида на *lhost*.

В одном случае молодой человек испытывает *lhost*, обнаружив перед любимой девушкой свое неумение хорошо плавать. Он избавляется от этого чувства внезапной агрессией:

«Уязвленный и униженный, он ощущал неодолимое желание ее ударить. “Что с тобой?” – спросила его студентка, и он попенял ей: она же прекрасно знает, что на другой стороне реки водовороты, что запретил ей туда плавать, что она могла утонуть, – и дал ей пощечину. Девушка расплакалась, и он, видя на ее лице слезы, проникся к ней сочувствием, обнял ее, и его *литост* рассеялась» [(Кундера 2003а1, с.177)].

В другом случае, когда противник сильнее, *lhost* снимается провокацией, путем удара исподтишка. Например, ребенка, обучающегося игре на скрипке, учитель попрекает за ошибки, а тот начинает делать их намеренно, чтобы вывести учителя из себя.

Чешский писатель не сомневается, что подобную эмоцию испытывают все люди независимо от национальности, однако вербализовался этот концепт лишь в чешском языке, и Кундера находит объяснение этому факту в истории чехов:

«...Мне приходит на ум, что вовсе не случайно понятие *литости* родилось в Чехии. История чехов, эта история вечных восстаний против сильнейших, череда знаменитых поражений, во многом опреде-

ливших ход мировой истории и обрекших на гибель собственный народ, и есть история *литости*» [Кундера 2003а1, с. 219].

Исследователь, сопоставляющий чешский язык с русским, естественно, поставит вопрос о том, есть ли в русском языке аналог чешской *литости*. В качестве словарного эквивалента чешскому *lhost* в русском языке обычно фигурируют слова *жалость* или *грусть*. Однако эти жалость и грусть особого рода: это грусть от обиды, это жалость к самому себе из-за унижения. В этой связи показательно, что, по мнению Анны А.Зализняк, чешская лексема *lhost* и однокоренные с ней слова могут соотноситься не только с русским словом *жалость*, но и со словом *обида* [Зализняк 2000: 101]. Русисты из Карлова университета в Праге (являющиеся носителями чешского языка), с которыми мне довелось обсуждать этот чешский концепт, отмечали, что у Кундеры описана *lhost*, направленная **на себя**, и это описание весьма точно. В данном случае чешскому слову *lhost* точнее всего соответствует русское *злость*. Если же *lhost*, направлена **на другого**, то в русском языке этому значению соответствует лексема *милосердие*.

Как видим, точного эквивалента этому чешскому слову в русском языке нет. Вместе с тем соответствующий концепт в русской культуре существует, но не вербализовался. Приведем в качестве доказательства фрагмент из романа А.Куприна «Поединок», в котором описана ситуация, аналогичная одной из рассмотренных Кундерой.

В самом начале повести подпоручик Ромашов получает грубый публичный разнос от полковника Шульговича за то, что осмелился вступиться за солдата-татарина, не понимающего по-русски. Этот разнос вызывает у Ромашова обиду. Однако подпоручик не может проявить ответную агрессию в отношении полковника. Одновременно Шульгович делает выговор ротному командиру Ромашова капитану Сливе. Вид человека, который так же несчастен, как и он сам, избавляет Ромашова от *литости* (т.е. жалости к себе), превращая ее в жалость к другому:

«Ромашов поглядел ему вслед, на его унылую, узкую и длинную спину, и вдруг почувствовал, что в его сердце, сквозь горечь недавней обиды и публичного позора, шевелится сожаление к этому одинокому, огрубевшему, никем не любимому человеку» [Куприн1, с. 227].

Е. Е. Стефанский

Случай, когда *лютость* снимается агрессией, демонстрируется хорошо известным русским анекдотом:

Дети хващаются положением своих родителей и подарками, которые те им подарили:

– У меня папа директор завода, он подарил мне игрушечную железную дорогу.

– А у меня папа работает в министерстве, он привез мне из-за границы джинсы.

– А у меня... А мне... А я вам всем сейчас по башке дам!

Переходя к диахронии, лингвист отметит, что чешское *lhost* этимологически родственно русским *лютый*, *лютость*. Именно этим родством объясняется наличие смыслового компонента ‘агрессия’ в анализируемой чешской лексеме. Сравнительно-исторический анализ на этом обычно ставит точку. Однако в рамках новой научной парадигмы здесь начинается самое интересное и продуктивное. Лингвокультуролог поставит вопрос о том, что могло обозначать праславянское **ljutostъ* и какие культурные и ментальные явления отразились в этом древнем славянском концепте. В совместной с С.З.Агранович монографии «Миф в слове: продолжение жизни» (Агранович, Стефанский 20031, с. 88-121) мы попытались ответить на этот вопрос. По нашему мнению, в славянском слове **ljutostъ* вербализовалось синкетическое сочетание жестокости и жалости, агрессивности и милосердия. Эти несовместимые с точки зрения современного человека психологические качества были неразрывно связаны в традиционном обществе и формировались в так называемых «волчье-песьих» союзах – постинициационных объединениях юношей. Пройдя через такое объединение, юноша получал права статусного мужа, а это означало, что он умеет социализировать свою агрессию, обладает способностью к психологическому «переключению кодов», проявляя жестокость по отношению к врагам в «диком поле», тогда как по отношению к членам своей общины его агрессивность обрачивается другой стороной – милосердием, жалостью.

(2) Другой лингвокультурологический этюд М.Кундера посвящает в романе «Невыносимая легкость бытия» соответствиям чешскому слову *soucit* в других языках. Значение этой чешской эмоции лишь весьма приблизительно можно передать по-русски словом *сочувствие*.

К методологии изучения языковой концептосферы

По мнению писателя, в романских языках, где эта эмоция передается словами, обозначающими либо ‘ сострадание’ (см. франц. *compassion*), либо ‘ жалость’ (см. франц. *pitié*, итал. *pietà*), внутренняя форма соответствующих лексем « выражает какое-то худшее, второрядное чувство, имеющее мало общего с любовью. Любить кого-то из сострадания – не значит любить его по-настоящему» [Кундера 2003б: 27-28]. Совершенно другая внутренняя форма у обозначений этой эмоции в славянских и германских языках, приставка со значением совместности присоединяется к слову « чувство» (см. чешск. *soucít*,польск. *współczucie*, нем. *Mitgefühl*, шведск. *medkänsla*).

« Тайная сила этимологии этого слова, – пишет Кундера, – озаряет его иным светом и придает ему более широкий смысл: сочувствовать (или же иметь сочувствие) – значит не только уметь жить несчастью другого, но и разделять с ним любое иное чувство: радость, тревогу, счастье, боль. Такого рода « сочувствие» <...> означает, стало быть, максимальную способность эмоционального воображения, искусство эмоциональной телепатии. В иерархии чувств это чувство самое высокое» [Кундера 2003б1, с.27-28].

Таким образом, чешское ***soucít*** означает не просто ***сострадание*** в постигшем несчастье, а ***чуткость***, т.е. способность разделять и радость, и горе. Таким образом, в родственных русском и чешском языках словообразовательная структура имен одного и того же концепта оказывается различной.

(3) Но есть в чешском языке концепт, который не только не вербализовался в русском языке, но и не сформировался в русской ментальности. Эмоциональные концепты в М.Кундеры в рассказе « *Faleňně autostop* » (из цикла « Смешные любови») взаимодействуют с концептами пространственными. Так, эмоции стыда и страха, переживаемые героями этого рассказа, тесно связаны с особым чешским концептом ***soukromí*** ‘ частная жизнь’ (букв. ‘то, что отделено кромкой’), не имеющим однозначного соответствия в русском языке и пока не сформированным в русской лингвокультуре.

М. Кундера показывает, что несвобода его героев в интимной и психологической сфере является следствием общей несвободы личности в условиях тоталитарного государства.

Е. Е. Стефанский

Героиня рассказывает не только *с опаской (sъzkostlivostн)* воспринимает свое тело и относится к молодому человеку, но и вообще не отличается ни крепкими нервами, ни уверенностью в себе и потому живет под властью *тревог и страхов (propadala snadtoъzkostem i strachu)*, вызванных тяжелой сверхурочной работой, нервозной обстановкой и болезнью матери. Во многом сходное состояние ее друга Кундера изображает уже с помощью развернутой метафоры дороги, «по которой гонят его, где все его видят, с которой он не может свернуть» [Кундера 20011, с. 75].

Точно так же, как девушке кажется, что мужчины на улице, глядящие на ее грудь, тем самым «опустошают и уголок *сокровеннейшей жизни (kus nejajpmjlynnho soukromn)*», принадлежащий только ей и ее любимому» [Кундера 20011, с. 81], так и молодой человек, вынужденный, чтобы заказать номер в Татрах, обзавестись ходатайством своего предприятия, не спускавшего с него своего недреманного ока, не чувствует освобождения даже в отпуске.

Главная причина такого состояния – регламентация жизни, *вездесущая душа (ulъiduršítopb dílye)* общества, следящего за индивидом; и в конечном счете отсутствие того, что по-английски называется *privacy*, по-чешски – *soukromn* (ср. с тем же корнем в русском языке *укромный, скромный*), а в русской лингвокультуре, вследствие ее коллективизма¹, имеет лишь приблизительное обозначение – *личная, частная жизнь*.

Для чехов, вовлеченных через католичество в мир западной культуры, основанной на внимании к личности, формирование концепта *soukromn* вполне естественно. Показательно, что он имеет однословное соответствие во всех западноевропейских языках. В русской же культуре, основанной на культе коллектива, формирование этого концепта пока невозможно. *Soukromn / privacy* русского человека нарушается постоянно и ежечасно: воспетыми в детской песенке бабушками-старушками на скамеечке у подъезда, мимо которых он вынужден каждый вечер проходить, как сквозь строй; вездесущими соседями, которые, заглядывая к нему под разными предлогами, интересуются, как он живет,

¹ О коллективизме русской и индивидуализме западной лингвокультуры см. [Тер-Минасова 20001, с.207-214].

К методологии изучения языковой концептосферы

и даже строками поэта, мечтавшего о мире, в котором можно жить «единым человечьим общежитьем». **Privacy** европейца отражено не только в английской поговорке «Мой дом с мой крепость», но и в том, что Европа объединяется не по модели «общежитья» или «коммуналки», а по модели уютных национальных квартир.

(4) Блестящий лингвокультурологический анализ немецкого концепта *Angst* (обозначающего особый вид страха, источники которого неизвестны и непонятны людям), предпринятый А.Вежбицкой, оставил без ответа вопрос о том, существует ли нечто подобное в загадочной славянской душе. В данной работе Вежбицкой [Вежбицкая 2001а, с. 44-125] вскользь упомянут лишь русский язык, где противопоставление обычного и экзистенциального страха выражается словами *страх* и *тревога*. Однако русская лексема *тревога* является в известной степени стилистически ограниченной (книжной). В русской психологической терминологии для обозначения экзистенциального страха выработался термин *плавающая тревога*. Общеупотребительного же обозначения для такого вида страха в русском языке не существует.

Вместе с тем в чешском и польском языках такие обозначения имеются. Прежде всего это польск. *lęk* и чешск. *lęk*, восходящие к праславянскому **lök*. Показательно, что польское *lęk* толкуется в словаре под редакцией M.Szymczaka как чувство тревоги, боязни чего-то; особый вид страха, чувство которого наступает без явных внешних опасностей и причин, а источники таятся во внутренних конфликтах, имеющих невротический характер [Siownik 1981, т. 2, с. 29].

Иrrациональный характер страха, обозначаемого польским *lęk* и его производными, подтверждается коннотациями и лексической сочетаемостью данной лексемы. Так, типичные контексты, приводимые в польском толковом словаре, свидетельствуют о том, что субстантив *lęk* и глагол *lękąć się* обозначают страх, вызываемый не какой-либо конкретной опасностью, а различного рода фобиями: боязнью болезни, смерти, несчастья, неизвестности, замкнутого пространства, темноты, одиночества, будущего (см. *lęk przed chorobą*, *łymierci*, *biedą*, *nieznaniem*; *lęk przestrzeni*; *lękąć się ciemności*, *samotności*; *lękąć się o jutro*, *o przyszłość*). Показательны определения, используемые обычно при сло-

Е. Е. Стефанский

ве *lkk: paniczny, wrodzony lkk* — ‘панический, врожденный страх’. Кроме того, корень *-lkk-* применяется в медицинском термине, обозначающем болезненный, патологический страх: *stan lkkowy* — ‘навязчивое состояние необъяснимого страха, фобия’ [Siownik 1981, т. 2, с. 29].

В чешском языке, кроме того, для обозначения иррационального страха существует слово *ъzkost* ‘подавленность, тревога, боязнь’, которое мотивировано параметрическим прилагательным *ъzk * ‘узкий’ и тем самым с точки зрения своей этимологии сближается с нем. *Angst*.

См., например:

Jenom e navzdory rozumu, iracionalita  zkosti uvedla trumperistu do paniky. Napadlo ho,  e je Rуж ena se vlezemi domluvlena. [Kundera 1997, с. 54].

Вопреки разуму иррациональность страха повергла трубача в **панику**. Он подумал было, что Ружена со всеми договорилась. [Кундера 2003в, с. 62].

Интересно, что метафорическая модель сдавливания, узости пространства для обозначения эмоциональной оценки используется в повести Куприна «Поединок». Так, рассказывая о стремлении молодых офицеров «обучать своих денщиков разным диковинным, необыкновенным вещам», автор объясняет это скучой и **узостью замкнутой жизни**. [Куприн, с. 236]. Куприн использует и антоним «узости жизни», который сейчас очень употребителен в молодежном жаргоне: эти занятия офицеров он называет *оттяжкой* (ср. с тем же корнем др-русск. *туга*² ‘печаль, грусть, тоска’).

В этом плане показателен следующий контекст из «Поединка», где метафорическая модель сдавливания прямо маркирует эмоцию страха:

«Гнев такой недосягаемо высокой особы, как корпусной командир, вдруг **придавил** общей тяжестью и офицера и солдата, обезли-
чил и уравнял их и сделал в одинаковой степени **испуганными, рас-
терянными и жалкими**» [Куприн, с. 369].

Иррациональный страх может переходить в *тоску*. Эмоция тоски оказывается своеобразным семантическим «мостиком», связывающим

² Это слово с теми же значениями до сих пор сохраняется в сербском языке.

К методологии изучения языковой концептосферы

между собой функционально-семантические поля со значением «страха» и «печали». Показательно, что русская эмоция *тоска* обычно толкуется как «душевная тревога, соединенная с грустью» [Ожегов, с. 656]. Объем значения русской лексемы *тоска* несколько шире, чем польского *tksknota* «uczucie īalu, wywoiane roziNokNо z kimъ, brakiem lub utratNо kogoNь, czegoNь». [Siownik 1981, т. 3, с. 502]. — «чувство печали (скорби), вызванное разлукой с кем-то, отсутствием или утратой кого-то, чего-то». Как видно из словарного толкования, в семантике этой польской лексемы отсутствует семантический компонент, обозначающий иррациональный страх. Поэтому если источник или объект тоски не назван или непонятен из более широкого контекста, то русскому *тоска* соответствует в польском тексте не лексема *tksknota*, а слова *īa!*, *smutek*, обозначающие ‘грусть, печаль’, а также *nierokuj*, *lkk*, передающие ‘беспокойство’, ‘тревогу’, ‘боязнь’, ‘безотчетный страх’, которыми генетически сопровождалась скорбь по умершему. Ср.:

Najczksciej, rozumie sik, byia mowa o **tksknotach** tuiaczki, niewygodach īoinierskiego īycia albo o bitwach [Прус, с. 113].

Чаще всего, разумеется, речь шла о **тоске** по родине, о тяготах солдатского жития или о битвах [Прус, с. 142].

С удивлением, **тоской** и ужасом начинал Ромашов понимать, что судьба ежедневно и тесно сталкивает его с сотнями этих серых Хлебниковых [Куприн, с. 390].

Ze zdziwieniem, **smutkiem** i przeraieniaem zaczynai Romaszow rozumiej, īe los co dziec styka go blisko z setkami tych szarych Chlebnikowyw [Куприн, с. 272].

Byiem we Wioszcz, Francji, Niemczech, nawet w Anglii, a wszkdie nkkaia mnie bieda i īeria **tksknota** za krajem [Прус, с. 108].

[Я] был и в Италии, и во Франции, и в Германии, и даже в Англии – и всюду преследовали меня бедствия и терзала **тоска** по родине. [Прус, с. 135-136].

В смертельной **тоске**, отправлявшей душу в начале болезни, Кузьма бредил снегирем, Клашой, Воронежем, но даже в бреду не покидала его мысль – сказать кому-то, чтобы хоть в одном сжалелись над ним – не хоронили в Колодезях. [Бунин, с. 95]

Е. Е. Стефанский

W ńymiertelnym **Ikki**, zatruwającym mu duszk na pocz±tku choroby, Ku¶ma bredzii o ńypieguice, o Kiawdii, o Woronieju, ale nawet w malignie nie opuszczaja go myny, iï musi powiedziek komiñ, iebu chój w tym wypadku ulitowali siê nad nim i nie pochowali go w Koidezi [Bunin, c. 183].

Таким образом, к множеству выявленных А. Вежбицкой семантических компонентов, составляющих русский концепт *тоска* (см. [Wierzbicka, 1990]), следует добавить состояние иррационального страха.

Как отмечает Н.А. Красавский, «анализ значений немецкого слова *Angst* обнаруживает корреляцию физического, физиологического и ментального мира человека (ср. формы современных лексем *die Enge* ‘узость’ и *die Angst* ‘страх’). Мифологическое сознание концептуально не различает причину возникновения эмоции и формы ее переживания» [Красавский, 2001, с. 346]. Этимология проанализированных лексем, обозначающих экзистенциальный страх в русском, польском и чешском языках, также обнаруживает семантическую связь с формой переживания эмоций.

Страх может вызывать у человека или животного желание спрятаться, затаиться. Прячась, живое существо замирает, цепнеет. Биологически это проявляется в падении давления и снижении температуры. Характерна в этой связи этимология слов, восходящих к праславянскому корню **Ik*k. Его древнейшим его значением было ‘гнуться, сгибаться’. Ср. в русском языке однокоренные слова (*Самарская*) *Лука*, *излучина*, *Лукоморье*, *лук* ‘оружие’, а также *лукавить* ‘говоря, изворачиваться’. На этой базе развилось значение ‘сжиматься от страха’³, а затем – ‘бояться, пугаться’. Чешское *žkost* и его производные мотивированы прилагательным *žk*é, и, следовательно, эта чешская эмоция этимологически связана с идеей скатия. Наконец, русская лексема *тоска*, которую обычно считают родственной с словам *тощий*, *тщетный*, по мнению некоторых лингвистов, «скорее является (так думал еще В.И.Даль) родственным (с перегласовой *ъ/u*) *тискать*. *Тоска* буквально — ‘стеснение’ (в груди), ‘грусть’» [Шанский, Боброва, 1994, с. 320].

³ Характерна в этой связи этимология слова *страх*, известного всем славянским языкам, которое родственно литовскому *stregti* ‘сжиматься, цепнеть’ [Шанский, Боброва, 1994, с. 305].

* * *

Эпиграфом к своему словарю «Семьдесят три слова» Милан Кундера избрал слова Иосифа Бродского: «Меня постоянно спрашивают, на каком языке я думаю и вижу сны. Сны человеку снятся, отвечаю я, и мыслит он – мыслями. Язык становится реальностью, только когда решаешь этими вещами с кем-то поделиться». В сущности это эпиграф к новой научной парадигме в лингвистике, в центре внимания которой оказывается говорящий и мыслящий человек, погруженный в ту или иную культуру.

Литература

- Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни. Самара: Изд-во СаГА, 2003.
- Бунин И.А. Деревня // Бунин И.А. Собр. соч. В 5 тт. М.: Правда, 1956, Т.2, С. 9- 109.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001 б.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики. М.: Языки славянской культуры, 2001 а.
- Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С.101-118.
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.
- Кундера М. Смешные любови / Пер. Н.Шульгиной. СПб: Азбука, 2001.
- Кундера М. Книга смеха и забвения / Пер. Н.Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003а.
- Кундера М. Невыносимая легкость бытия / Пер. Н.Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003б.
- Кундера М. Вальс на прощание / Пер. Н.Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003в.
- Кундера М. Семьдесят три слова / Пер. Н.Санниковой. // www.magazines.russ.ru/ural [S.a.]

Е. Е. Стефанский

Куприн А.И. Поединок // Куприн А.И. Собр. соч. В 5 тт. М.: Правда, 1982. Т. 2 С. 216-439.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 20-е. М.: Русский язык, 1988.

Прус Б. Кукла. М.: ЭКСМО, 2003.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд 2-е, испр. и доп. М., 2001.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛО-BO/SLOVO, 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. Изд. 2-е. М., 1986-1987.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

Bunin I. Węź. Warszawa: Czytelnik, 1979.

Kundera M. Smiąły lęski. Brno: Atlantis, 2000.

Kundera M. Valink na rozloumenou. Brno: Atlantis, 1997.

Kuprin A. Pojedynek. Warszawa: Czytelnik, 1980.

Prus B. Lalka. Kraków: Zielona Sowa, 2002.

Siownik języka polskiego / Red. naukowy M.Szymczak. W 3 tt. Warszawa: PWN, 1981.

Wierzbicka A. Dusz (soul), toska (yearning), sud'ba (fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie jazykow slowiackich. Bielsk, 1990. S.13-32.

H. B. Перцов

**О словоизменительном статусе
и особенностях словоизменения
возвратных страдательных форм русского глагола¹**

Памяти друга Сергея Старостина

**1. Статус возвратных страдательных форм с точки зрения
противопоставления словоизменения и словообразования**

Возвратные страдательные формы (ВСФ) русского глагола относятся к той области языка, которую можно назвать, пользуясь выражением А. А. Зализняка, «областью сгущения сложности». С этим связан и спорный статус этих форм с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования. Подобно случаю видовых пар (считать их члены формам одного слова или разными словами?), по поводу каждого из противоположных решений имеются свои *pro* и *contra*. Поэтому в этом вопросе нет единства мнений.

Обычно статус ВСФ с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования только декларируется без какой-либо аргументации. В последней академической грамматике [Русская грамматика 1980, с. 456, §1115; 616, §1463] принятая словообразовательная трактовка ВСФ, а о категории залога говорится, что она носит «смешанный характер»: страдательные причастия на *-м*, *-н*, *-т* принадлежат к словоизменению, а возвратные страдательные формы – к словообразованию. Словообразовательная трактовка ВСФ поддерживается также в [РЯЭ 1997, с. 134]. Словоизменительная трактовка проведена в

¹ Настоящая работа примыкает к статье [Перцов 2003]. Обе работы представляют собой части единого исследования.

[Исаchenko 1960, с. 374-375; Буланин 1976, с. 130; Зализняк 1977, с. 6-7; Веренк 1985, с. 291; Молошная 2001, с. 75-76]. Подробную и развернутую аргументацию мы находим в книге [Янко-Триницкая 1962] (далее сокращенно [Янко-Триницкая 1962]), решительно отстаивающей словообразовательную трактовку ВСФ [Янко-Триницкая: 1962, с.12-24].

Обосновывается это тем, что ВСФ не обладают теми свойствами, которые в [Янко-Триницкая] сочтены для словоизменения строго обязательными. К числу таких свойств отнесены следующие (их обозначения посредством литеры «Я» с номерами привнесены мною – Н.П.): Я1 – регулярность; Я2 – невыводимость одной формы из другой (по поводу словоизменительных форм в большинстве случаев нельзя сказать, что одна из них выводится по форме или значению из другой; разные словоизменительные формы, как правило, в отношении выводимости равноправны, в словообразовании же дериват обычно выводится из мотивирующего слова и в формальном, и в содержательном аспекте); Я3 – тождество всей суммы лексических значений у всех словоизменительных форм одной категории (в силу нарушения этого свойства из словоизменения в [Янко-Триницкая 1962] выведено даже мн. число существительных); Я4 – выполнение формами словоизменения различных синтаксических функций в предложении. Дополнительными аргументами в пользу словообразовательного статуса ВСФ в [Янко-Триницкая 1962] являются следующие два: Я5 – формальное тождество показателя ВСФ – постфиксa *-ся/-сь* – с показателем явно словообразовательных значений, выражаемых нестрадательными возвратными формами глагола, каковое тождество не характерно для словоизменения в русском языке; Я6 – дублирование в ВСФ всей системы словоизменения у соотносительных невозвратных форм.

Построение Н.А. Янко-Триницкой – при всей его основательности – страдает общим недостатком всех односторонних подходов к определению статуса языковых единиц: учитывается только часть релевантных свойств, причем лишь те из них, которые благоприятствуют только одной из альтернативных трактовок. Между тем градуальный характер языковых единиц склоняет к использованию гибких многофакторных шкал.

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

В работах [Перцов 1996, 2001] был выдвинут принцип многофакторности при установлении словоизменительно-словообразовательного статуса языковой единицы: единицу следует испытывать относительно определенной совокупности предварительно выделенных эвристических критериев противопоставления словоизменения и словообразования (сокращенно – ЭКПСС) и решать вопрос о ее статусе в соответствии с суммарным удельным весом каждого из двух полюсов шкалы. Был предложен перечень ЭКПСС (идентифицируемых посредством литеры «К» с номерами), по которому в [Перцов 2001, с. 132–138] были тестированы русские видовые суффиксальные пары, что выявило в отношении вида количественное преимущество словоизменения, но оказалось недостаточным для категорического вывода о словоизменительном статусе вида в силу словаобразовательной весомости у одних критериев и неясности применения у других. Промежуточный характер вида остался непоколебленным. Что же касается ВСФ, для них аналогичное тестирование дает более явное преимущество словоизменения, что будет продемонстрировано ниже.

Свойство регулярности Я1 соответствует в наборе ЭКПСС критерию продуктивности К6, а свойство выполнения разных синтаксических функций (Я4) – критерию связи с синтаксисом К8 (см. ниже). В моем наборе, к сожалению, отсутствуют критерии, соответствующие свойствам Я2, Я3 и Я5 из приведенного выше перечня свойств в [Янко-Триницкая 1962], – свойствам невыводимости, тождества суммы лексических значений и формального тождества показателей. Что же касается Я6, мне представляется, что его использование при установлении словоизменительно-словообразовательного статуса единицы вообще неправомерно: непонятно, почему нужно требовать, чтобы совокупность форм слова не распадалась на две коррелятивные подпарадигмы (или даже большее их число).

Далее возвратная страдательность в русском языке будет подвергнута тестированию по критериям из основного перечня ЭКПСС в [Перцов 2001, с. 94–103] – так, как это было сделано для вида; при этом ниже будут учтены три упомянутых свойства из [Янко-Триницкая 1962] – Я2, Я3 и Я5, – которые будут даны также в виде бинарных критериальных

оппозиций. Всего используется 17 критериев. Критерий идентифицируется литерой «К» или «Я» с номером; после идентификатора дается пара значений соответствующего признака, разделяемых косой чертой (в некоторых случаях этой паре предшествует общее название признака). Значение признака, данное первым, благоприятствует словоизменительной трактовке ВСФ, а значение, данное вторым, – их словообразательной трактовке. После этого через тире указывается одно из четырех: С/И – критерий отдает преимущество словоизменению для ВСФ; С/О – критерий отдает преимущество словообразованию для ВСФ; ?(С/О) – критерий отдает малое преимущество словообразованию; ? – критерий нерелевантен или вопрос о результате его применения неясен.

К1. Категориальность: склонность к вхождению / к невхождению в состав категории противопоставленных единиц – ?

К2. Коррелятивность: наличие (почти) у всех единиц коррелятов / наличие большого числа единиц без коррелятов – ?

К3. Обязательность: склонность к вхождению / к невхождению в состав обязательной категории – ?

Три первых критерия порождают неясность в отношении ВСФ – вследствие неясности по первому критерию К1. Страдательность в сфере возвратных форм тесно переплетена с их другими значениями, не всегда четко отделена от них; вопрос о ее категориальном статусе остается неясным. Критерии К2 и К3 применяются к категориальным единицам, обладающим первым значением по критерию К1. Поскольку К1 дает неясность, таковыми оказываются и следующие два критерия.

К4. Композиционность (семантическая аддитивность, «прозрачность») значения / отсутствие композиционности – ?

Здесь можно было бы отдать некоторое преимущество словоизменению – посредством пометы ?(С/И), – принимая во внимание то обстоятельство, что самое значение страдательности может быть задано достаточно четко (возможная формулировка этого значения – ‘постановка второго семантического актанта на место синтаксического субъекта’ – дана в [Перцов 2003, разд. 2.2]). Однако в силу запутанности вопроса об отделении страдательности от прочих возвратных значений автор

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

предпочитает и в данном случае уклониться от оценки действия критерия относительно ВСФ.

K5. Абстрактность / конкретность – С/И

Страдательность обладает весьма высокой степенью абстрактности.

K6. Продуктивность: склонность к свободному / к избирательному присоединению к знакам некоторого класса – ?(С/О)

Этому критерию, как сказано было выше, среди свойств, указанных в [Янко-Триницкая 1962] в качестве необходимых для словоизменения, соответствует свойство регулярности Я1, которое для ВСФ не выполняется. Всё же автор не решается отдать здесь безоговорочное преимущество словообразованию. Страдательность релевантна только для переходных глагольных лексем, у большинства из которых есть возвратные формы со страдательным значением². Исключения имеются, причем отнюдь не в малом числе; такие исключения непредсказуемы; кроме того, в пределах одной переходной глагольной вокабулы у одной лексемы могут быть ВСФ, а у другой нет (о лексических и синтаксических запретах в пассивной конструкции см. [Апресян 2002, с. 14, 22–26]).

K7. Объем сочетаемости: склонность к относительно широкой / к относительно ограниченной сочетаемости – С/И

Чисто количественный объем класса единиц, к которым присоединяется страдательное значение, весьма велик – это большинство переходных глаголов; поэтому здесь победа словоизменения безоговорочна.

K8. Большая / меньшая связь с синтаксисом – С/И

Страдательность по своей природе синтаксична: это мена синтаксических позиций актантов. Отмечу, что синтаксическое свойство Я4, соответствующее данному критерию («<...> формы словоизменения <...> служат для выражения различных отношений между словами в речи, иными словами, выполняют различные синтаксические функции

² Ср. [Виноградов 1947, с. 649]: «<...> возвратно-страдательное значение потенциально заложено в каждой возвратной форме, восходящей к переходным глаголам, кроме глаголов с обще-возвратным и – иногда также – с возвратно-взаимным значением (ср. *радоваться, беспокоиться, драться, ссориться* и т.п.)».

в предложении» [Янко-Триницкая 1962, с. 17]) благоприятствует именно словоизменительной, а не словообразовательной трактовке ВСФ, ибо синтаксические функции соотносительных невозвратных форм и ВСФ как раз «служат для выражения различных отношений между словами в речи».

K9. Склонность к сохранению / к изменению части речи исходного знака – С/И

Соотносительные невозвратные и возвратные формы принадлежат к одной и той же части речи.

K10. Меньшая / большая склонность к соединению с лексическим значением – С/И

Страдательность кумулятивно с лексическим значением – без участия морфов *-ся/-сь* – не выражается никогда. (Здесь, конечно, исключаются лексические конверсивы – типа СЛЕДОВАТЬ ~ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ.)

K11. Меньшая / большая склонность к фразеологизации – ?

С одной стороны, о фразеологизации в сфере страдательности в собственном смысле говорить, кажется, не приходится; с другой стороны, запутанность картины соотношения разных значений возвратных глаголов препятствует какому-либо однозначному решению по данному критерию.

K12. Большая / меньшая стандартность выражения – С/И

Здесь победа словоизменения очевидна: возвратность, а стало быть и возвратная страдательность, выражается морфами *-ся/-сь*.

K13. Более / менее отдаленное расположение показателей данного значения относительно корня – С/И

Показатель возвратности удален от корня еще более, чем лично-числовые окончания – несомненные словоизменительные показатели; поэтому и здесь преимущество получает словоизменение.

K14. Невозможность / возможность повторного вхождения значения в состав означаемого словоформы – С/И

Страдательность фигурирует в суммарном означаемом словоформы ровно один раз (повторное вхождение страдательности – напри-

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

мер, за счет соположения двух вхождений аффикса *-ся* с результатом **-сяся* – означало бы возвращение к значению исходной формы). Это предопределяет победу словоизменения по критерию К14.

Я2. Невыводимость / выводимость одной формы из другой – С/О

Возвратная страдательная форма выводится из соотносительной невозвратной и в плане выражения (внешне отличаясь от соотносительной невозвратной на морф *-ся* или *-сь*), и в плане содержания (меняя расположение синтаксических актантов относительно глагола строго определенным образом).

Я3. Тождество / нетождество всей совокупности лексических значений у соотносительных форм – С/О

В пределах вокабулы совокупности лексических значений соотносительных невозвратной и возвратной форм часто разнятся: одни лексемы невозвратной вокабулы могут иметь соотносительные ВСФ, а другие нет. См., например, [Янко-Триницкая 1962, с. 23], где иллюстрируются подобные несоответствия; например, вокабула *КОПТИТЬ* имеет переходные и непереходные лексемы, а ВСФ *КОПТИТЬСЯ* соотносится только с переходными.

Я5. Отсутствие / наличие формального тождества показателя тестируемого значения и некоторого явного словообразовательного показателя – С/О

Все возвратные глаголы образуются одинаково стандартным образом, причем в отношении всех значений возвратных глаголов, кроме страдательного, их словообразовательная природа сомнению не подвергается. Подобное единство формальных средств и обеспечивает победу словообразования по данному критерию.

Теперь можно подвести итоги тестирования по 17-ти перечисленным критериям:

С/И – преимущество словоизменения	8
С/О – преимущество словообразования	3
?(С/О) – малое преимущество словообразования	1
? – неясность	5

Мы видим, что численное преимущество словоизменительной трактовки ВСФ довольно значительно: из 12 релевантных критериев две трети ориентированы в пользу словоизменения. Правда, словообразованию благоприятствуют свойства ВСФ, отвечающие довольно «весомым» критериям: нерегулярность; выводимость из невозвратных форм; расхождение во многих случаях суммы лексических значений у ВСФ и у исходных невозвратных вокабул; совпадение формальных показателей у ВСФ и у возвратных глаголов с другими значениями. Тем не менее словоизменительная трактовка получает дополнительную поддержку со стороны общей системы форм русского глагола. А именно – в ее пользу имеются системные соображения, связанные с сопоставлением невозвратных страдательных причастий (ЧИТАЕМЫЙ, ЧИТАННЫЙ) с другими причастиями (ЧИТАЮЩИЙ, ЧИТАЮЩИЙСЯ, ЧИТАВШИЙ, ЧИТАВШИЙСЯ), а также с непричастными формами глагола. Эти соображения имеют реальный вес только при признании причастий формами глагола, а не отдельными лексемами, т. е. при отнесении причастий к сфере словоизменения, а не словообразования, что принимается отнюдь не безоговорочно в русистике. Поэтому сначала я продемонстрирую отрицательные стороны словообразовательной трактовки причастий, а тем самым – целесообразность их словоизменительной трактовки.

При словообразовательной трактовке причастий у глагольной лексемы окажется несколько причастных производных лексем – до четырех, если любые видовые корреляты относить к разным лексемам; до пяти, если префиксальные видовые корреляты (ПРОЧИТАТЬ ~ ЧИТАТЬ) относить к разным лексемам, а суффиксальные (УКРАСИТЬ ~ УКРАШАТЬ) – к одной; до шести, если любые видовые корреляты относить к одной лексеме; см. материал, где возвратные причастия заключены в скобки:

ЧИТАТЬ : ЧИТАЮЩИЙ ~ ЧИТАВШИЙ ~ ЧИТАЕМЫЙ (ЧИТАЮЩИЙСЯ) ~
ЧИТАННЫЙ (ЧИТАВШИЙСЯ)
ПРОЧИТАТЬ : ПРОЧИТАВШИЙ ~ ПРОЧИТАННЫЙ (ПРОЧИТАВШИЙСЯ)
УКРАШАТЬ : УКРАШАЮЩИЙ ~ УКРАШАВШИЙ ~ УКРАШАЕМЫЙ
(УКРАШАВШИЙСЯ)
УКРАСИТЬ : УКРАСИВШИЙ ~ УКРАШЕННЫЙ (УКРАСИВШИЙСЯ)

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

При учете и возвратных причастий соответствующая тройка чисел окажется такой: шесть, семь и девять. Из этого видно неприятное последствие словообразовательной трактовки причастий, порождающей изрядное число производных отглагольных лексем. Можно, правда, попытаться его хотя бы отчасти преодолеть, собирая некоторые причастные формы в единую отглагольную лексему и привлекая для их квалификации по меньшей мере грамматическую категорию времени – чтобы различить, скажем, такие формы, как читающий и читавший, в составе гипотетической причастной лексемы читающий. Но тогда по поводу такой производной лексемы возникает естественный вопрос о средствах выражения соответствующего словообразовательного значения: суффиксы *-ющ* и *-вш* для этого не подходят, ибо не являются алломорфами – они имеют разное означаемое. Если искусственно разбить их означаемые на компоненты словообразовательный (с дериватом ‘причастность’) и словоизменительный (для *-ющ* – ‘наст. время’, для *-вш* – ‘прош. время’), тогда это будет единственный случай в русском языке кумуляции в одном грамматическом знаке словоизменительных и словообразовательных значений. Автор этих строк не видит выхода из указанных сложностей грамматического описания при принятии словообразовательной трактовки причастий. Правда, у словоизменительной трактовки причастий тоже находят «теневую сторону» – переход формы слова в другую часть речи, что скорее характерно для словообразования (см. критерий К9 выше). Мне не представляется этот контр-аргумент весомым: лексема может, принадлежа к одной части речи, иметь манифестации в других – в рамках так называемой «категории репрезентации», предложенной А.И. Смирницким [Смирницкий 1959, с. 245 сл.] (ей посвящена отдельная глава в [Молошная 2001, с. 77–89]).

Теперь обратимся к обещанным выше системным соображениям. Возьмем словоформу *раскуплена* – страд. причастие прош. времени сов. вида, являющееся формой глагола, – и рассмотрим соотношение между предложениями:

Публика раскупит <раскупила> книгу ~ Книга будет <была> раскуплена публикой ~ Книга раскупится <раскупилась> публикой

Эти предложения (квази)синонимичны; во втором и третьем предложениях (квази)синонимичные глагольные формы обе имеют страдательное значение, а семантические актанты занимают одни и те же синтаксические позиции. Если относить ВСФ к словообразованию, тогда получается, что страдательность, закрепленная за глагольной формой и состоящая в изменении синтаксических позиций актантов, в одном случае (*будет <была> раскуплена*) выполняется формой одной лексемы, а в другом (*раскупится <раскупилась>*) – формой другой, производной, лексемы, причем в первом случае страдательность окажется словоизменительным значением, а во втором – внутренней принадлежностью лексемы (как род для существительного). Аналогичное расхождение обнаруживается у причастий в атрибутивной функции: *быстро раскупаемая книга ~ быстро раскупляющаяся книга, быстро раскупленная книга ~ быстро раскупившаяся книга*; в этих парах словосочетаний – при словообразовательной трактовке ВСФ – причастия оказываются формами разных глагольных лексем, причем страдательность для форм в первых словосочетаниях пар является словоизменительным значением, а для вторых – внутренней принадлежностью лексемы.

Рассмотрим случай редких глаголов несовершенного вида, имеющих невозвратное страдательное причастие прошедшего времени, типа ЧИТАТЬ с причастием ЧИТАННЫЙ. Можно составить семантическую пропорцию между тройками форм:

читающий : читанный : читавшийся = раскупивший : раскупленный : раскупившийся

Представляется, что решение о принадлежности к одной или к разным лексемам – а, стало быть, к словоизменению или к словообразованию – для словоформ первой и второй тройки должно быть одним и тем же; (квази)синонимия форм ЧИТАННЫЙ и ЧИТАВШИЙСЯ противятся отнесению их к разным лексемам.

Количественная победа словоизменения по критериям и изложенные системные соображения перевешивают чашу весов в сторону словоизменительной трактовки ВСФ. Поэтому мне представляется, что страдательность в сфере возвратных форм следует более уверенно числить по ведомству словоизменения, чем категорию вида (промежу-

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

точный характер которой с точки зрения противопоставления словоизменения и словообразования, как было сказано выше, подтвержден тестированием по ЭКПСС).

2. Вопрос об ограниченности словоизменения у возвратных страдательных форм

Нередко в лингвистической литературе говорится об ограниченности формообразования для русских возвратных страдательных глаголов. Содержательная сводка типов таких ограничений дана в [Янко-Триницкая 1962, с. 139–148], и автор настоящей работы следует далее этой сводке. Н.А. Янко-Триницкая оспаривает мнение об отсутствии в русском языке форм возвратного перфективного пассива (*тираж раскупится посетителями выставки*), иллюстрируя такие формы большим количеством примеров; в работе [Перцов 2003] автор присоединяется к точке зрения Янко-Триницкой, добавляя к ее материалу собственные примеры и наблюдения.

Ниже мы будем рассматривать ВСФ и совершенного, и несовершенного вида. Н.А. Янко-Триницкая указывает следующие формы, признанные в некоторых работах несуществующими для ВСФ: 1) повелительное наклонение, 2) «лица речи» – 1-е и 2-е лицо презенса, 3) инфинитив, 4) деепричастие. В сфере возвратной страдательности крайне редко отвергается инфинитив (Янко-Триницкая упоминает в данной связи А.А. Шахматова и [ГРЯ 1953, с. 506]); чаще отвергаются (но тоже редко) – «лица речи» ([Виноградов 1947, с. 639; Исаченко 1960, с. 361; Зализняк 1977]); еще чаще – деепричастие; наконец, факты признания статуса возвратного страдательного императива мне неизвестны. Сама Янко-Триницкая категорически отвергает только возвратный страдательный императив, а для остальных форм приводит убедительные аргументы и примеры в пользу признания их ограниченного существования в русской грамматике. Автор этих строк готов пойти еще дальше и, руководствуясь определенными методологическими принципами морфологического описания, признать морфологическое существование для

Н. В. Перцов

всех указанных «сомнительных» форм (включая императив) у возвратных страдательных глаголов³.

Принципы, о которых идет речь, суть следующие: принцип разграничения грамматических и семантических факторов (принцип РГС) и принцип шкалирования.

Принцип РГС:

в морфологическом описании при оценке предполагаемой невозможности некоторой формы или затруднительности ее образования необходимо различать собственно морфологические и семантические факторы.

Принцип шкалирования:

в морфологическом описании следует различать степени (или типы) морфологического существования, выделяя по меньшей мере три степени на шкале существования: нормальные, полноценные формы – формы затрудненные, редкие, маргинальные или потенциальные – формы неправильные, недопустимые или возможные лишь в игровых целях.

Принцип РГС был уже практически воплощен в теоретическом предисловии к словарю [Зализняк 1977] по отношению к некоторым ранее отвергаемым формам в русском языке (*нейтралитеты, оловянен, со слов и др.*), но не был сформулирован в этом предисловии явным образом. Принцип шкалирования, как мне кажется, тоже может быть введен к [Зализняк 1977], в котором используется набор грамматических помет, отражающих предположительность или затруднительность образования определенных форм (предположительность образования мн. ч. от *борьба, мусор*, кратк. формы муж. рода от *весенний, клюквенный*; затруднительность кратк. форм типа *геройска, делова, компаратива* от *гулкий, страдат. причастия прош. времени* от глаголов *навыдумывать, увязить, толкнуть* и др.).

³ «Лица речи» и деепричастие для ВСФ не отвергаются безоговорочно всеми; в частности, их ограниченные права признаны в [Русский язык 1997, с. 134] (словарная статья **Залог**, автор И.С. Улуханов).

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

* * *

Теперь обратимся к анализу четырех типов форм, указанных в начале данного раздела.

Обосновать морфологическое существование ВСФ для «лиц речи» и инфинитива (случаи 2 и 3) труда не составляет: для этого достаточно обратиться к богатым иллюстрациям в книге Н.А. Янко-Триницкой, в которой приведено 19 бесспорных примеров для первых двух лиц презенса (с. 143–145) и 21 пример для инфинитива, из которых 15 представляются бесспорными (с. 145–147); процитируем некоторые из них:

Когда я пришлю вам контракт подлинный – предложите Вы этой фирме издать полное собрание моих сочинений. Я здесь очень читаюсь – «Фома» на-днях вышел 17-м изданием (А. М. Горький).

На работу? – переспросила мать, не веря ушам своим, – не поспеешь, что ли? Спал бы, гудки будут – разбудишься (В. Родной).

Вы обвиняетесь в злостном саботаже (К. Федин).

Новый двигатель отличается удобным воздушным охлаждением, плавным ходом, он может легко запускаться и работать в лютые морозы (из газет 1959 г.).

[Тарас] узнав о тех нападениях, которым подвергалась его жена, пожелал арестоваться, чтобы защищать ее, и с Нижнего ехал как арестант, вместе с заключенными (Л. Н. Толстой).

Его доход с земли уменьшился почти наполовину, но был с избытком достаточен для Нехлюдова, особенно с прибавлением суммы, которую он получил за проданный лес и которая должна была выручиться за продажу инвентаря (Л. Н. Толстой).

Теперь рассмотрим более трудные случаи, т. е. феномены соединения возвратной страдательности с грамматическим значением императива (случай 1) и деепричастия (случай 4). Возьмем конкретные потенциальные словоформы [?]проглатыва́йся, [?]проглатыва́йтесь(-ка) и [?]проглатыва́ясь, [?]проглатыва́вшись. Возвратные финитные словоформы соответствующей глагольной лексемы – проглатыва́ется, проглатыва́лся и т. п. – интерпретируются однозначно как страдательные (для них нет омонимичных нестрадательных возвратных глаголов); так

же должны интерпретироваться и наши потенциальные словоформы – в случае признания их грамматических «прав». Фактором сомнительности для подобных императивных форм является исключительно странность самого факта побуждения адресата к реализации некоторой ситуации, которая совершенно не обусловлена его волей. Собственно же морфологических препятствий для образования форм типа *проглатывайся* нет никаких. Н. А. Янко-Триницкая отмечает:

«...значение страдательного глагола таково, что совместить его с грамматическим значением форм повелительного наклонения трудно, поскольку трудно себе представить обращенное к собеседнику побуждение совершить действие, которое не зависит от воли и желания собеседника, а является только отражением воздействия, получаемого извне. <...> нельзя отсутствие форм повелительного наклонения считать характерной особенностью только возвратных глаголов страдательного значения: глаголы невозвратные, а также сопоставимые возвратные, лексическое значение которых связано с пассивностью, также лишены форм повелительного наклонения, например, глаголы: *слыть, кишеть, изобиловать, нравиться, понадобиться, годиться* и др.» [Янко-Триницкая 1962, с. 139-140]

Приведенная цитата ярко иллюстрирует проявление принципа РГС: императивы указанного типа подпадают под его видение. Поэтому, с моей точки зрения, и формы типа *проглатывайся*, и формы типа *слыши, изобилуй, киши* и т. п. вполне допускают приданье им статуса потенциального существования в русской морфологии – совершенно так же, как такой статус придан в [Зализняк 1977] – при неявной опоре на принцип РГС – формам существительных мн. числа типа *нейтралитеты*, формам относительных прилагательных типа *квартирен* или *квартирнее* и др., тем более что «оправдывающие» контексты для указанных императивов подбираются легче, чем для *квартирен* или *квартирнее*.

Отвергая страдательный перфективный императив, Янко-Триницкая всё же указывает – со ссылкой на книгу 1915 г. В. Чернышева (который в свою очередь ссылается на академика Грота) [Янко-Триницкая 1962, с. 140 примеч. 53] – любопытный пример такой формы у Державина: Благословись. Репнин, потомством; она привлекает также данные фольклора –

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

*Повись, рыбка, и маленькая, и большая; Рубись, дерево, и крикое, и пря-
мое – и приводит строки из современного ей поэта Дубровина (1955 г.) с
«внеимперативным» глаголом: Предо мной мечта-невеста появляется
опять... Я прошу ее: – Не надо, не мечтайся, отойди. К этому материалу
я могу добавить интересный пример непринужденного неожиданного им-
ператива от глагола СНИТЬСЯ (равно как и примеры форм 1-го лица от него)
из «Мастера и Маргариты» Булгакова (глава 21 «Полет»):*

Мальчик поглядел лукаво куда-то в сторону и спросил:
– А ты где, тетя?
– А меня нету, – ответила Маргарита, – я тебе снюсь.
– Я так и думал, – сказал мальчик.
– Ты ложись, – приказала Маргарита, – подложи руку под щеку, а
я тебе буду сниться.
– Ну, снись, снись, – согласился мальчик и тотчас улегся и руку
подложил под щеку.

Наконец, следует учитывать также употребления императива (или, если угодно, формы, омонимичной императиву, – см., впрочем, аргументацию в [Перцов 2001, с. 227–229] в пользу сохранения некоторых черт инварианта императива в таких случаях) в контексте условных придаточных предложений, какой, как представляется, вовсе не противопоказан ВСФ и, в частности, формам возвратного перфективного пассива (даже в сопровождении агента в твор. падеже): *Пишись эта книга лет двадцать назад, многое в ней было бы по-другому; Напишись эта книга лет двадцать назад, ее появление стало бы событием; Напишись такая книга другим человеком, к ней не отнеслись бы столь отрицательно*⁴. Отвергая морфологическое существование императива для ВСФ, мы тем самым оставляем такие употребления за бортом языковой реальности.

Что касается возвратных страдательных деепричастий, «здесь нет противоречия между лексическим значением глагола и грамматическим значением формы», как справедливо указано в [Янко-Триниц-

⁴ На возможность таких употреблений страдательных перфективных форм мое внимание обратил М. И. Шапир, которому я обязан приведенными важными примерами со словоформами *пишись* и *напишись*.

кая 1962, с. 148]. Факторы затрудненности носят здесь неясный характер. Автор этих строк не помнит случаев употребления подобных форм в своей практике носителя языка (адресанта или адресата устного или письменного текста). Из шести фраз, приводимых в [Янко-Триницкая 1962, с. 148] для иллюстрации их допустимости, мне представляется бесспорным лишь один пример:

Теперь наступали сумерки; даль начинала уже пропадать, заслоняясь густым, сизым мраком (Д. Григорович).

Однако, если сопоставить возможности «встраивания» в игровой, юмористический или «поэтический» контекст для окказиональных деепричастий такого рода, с одной стороны, и для кратких форм или форм компаратива у многих относительных прилагательных, с другой, то следует признать, что акции форм первого рода, во всяком случае, не ниже. Степени синтаксико-стилистической странности, шероховатости – пусть даже дефектности – искусственных фраз с деепричастием *проглатываясь* (допустим, *Судорожно проглатываясь <проглатывавшись> на ходу, пища раздражает <раздражала> желудок*) и с краткой формой *квартирен* или компаративом *квартирнее* (допустим, *Оба этих вопроса носили явно квартирный характер, однако первый вопрос «квартирен» в большей степени, чем второй <первый вопрос «квартирнее» второго>*) не разнятся настолько, чтобы отвергать первые формы и признавать вторые. Обсуждаемые деепричастия потенциальны не в меньшей степени, нежели обсуждаемые прилагательные. Если вторые признаются в качестве потенциально существующих, тогда нет оснований отвергать в качестве таковых и первые.

Следует обратить внимание на некоторую непоследовательность трактовки тех или иных странных или затрудненных форм в словаре [Зализняк 1977]. С одной стороны, как говорилось выше, этот словарь допускает – с неявной опорой на принцип РГС – ряд нередко отвергаемых форм слов – типа *нейтралитеты*, *квартирен*, *интегрален*, *киши*, *слыви* и др.; с другой стороны, он отказывает в морфологическом существовании некоторым формам, степень странности или затрудненности которых представляется ничуть не большей, чем странность или затрудненность указанных форм. К числу таких отвергаемых форм отно-

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

сятся возвратные пассивные императивы и пассивные деепричастия (см. [Зализняк 1977, с. 85, 87]), в защиту морфологических «прав» которых выступает автор этих строк.

Обращусь к еще одной цитате из [Янко-Триницкая 1962, с. 148], в которой мне самому хотелось бы заменить предпоследнее слово «несколько» на «весьма»:

«Рассмотрев возможность образования различных форм словоизменения от возвратных глаголов страдательного значения, можно сделать вывод, что отмечаемая в литературе ущербность системы словоизменения возвратных глаголов страдательного значения несколько преувеличена».

Предвижу следующее возражение: исходя из сформулированных методологических принципов, автор высказывает излишний «морфологический либерализм» по отношению к тем формам, которые во многих источниках признаны несуществующими (или почти несуществующими), а это некоторым образом «засоряет» русскую морфологию малоупотребительными, странными или причудливыми словоформами. Такое «засорение» может быть нежелательным, скажем, в компьютерной лингвистике, в программах проверки правописания, которые (при соответствующем «либеральном» морфологическом обеспечении) будут пропускать (не будут помечать цветовым выделением) редкие или практические неупотребительные словоформы – например, *честностей, нейтралитеты* (вместо *нейтралитета* – литеры *а* и *ы* близки на клавиатуре), *квартирны* (вместо *квартирный* – не набрана последняя буква), *квартирнее* (вместо *квартирное* – о и е близки на клавиатуре), *изобилуй(те), годи(те)сь, проглатывайся(-ка), проглатывайтесь(-ка)*, *проглатывааясь, проглатывавшись* и т. п. Этот весьма серьезный контраргумент не должен быть оставлен без внимания. Ответ на него вытекает из принципа шкалирования.

В соответствии с этим принципом потенциальные формы не приравниваются к нормальным, поскольку он предписывает разные виды морфологического – и вообще языкового – существования. Предлагается различать по меньшей мере три таких разновидности морфологических единиц: 1) нормальные полноценные; 2) потенциальные, не на-

рушающие определенных закономерностей системы языка; 3) отклоняющиеся от закономерностей такого рода. Единицы, перечисленные в предыдущем абзаце (с курсивным выделением), автор относит к разновидности 2, и туда же представляется разумным отнести все случаи, помеченные в словарных статьях [Зализняк 1977] как «предположительные» или «затрудненные», – скажем, краткие «немужские» формы таких лексем, как ГОЛУБОЙ или СЕЛЬСКИЙ: *голуба, голубо⁵, голубы, сельска, сельско, сельски*. Для выделения единиц разновидности 2 их можно было бы помечать особым символом – например, надстрочным кружком ° (который иногда в лингвистической литературе используется для различных целей): °честностей, °нейтралитеты, °квартирны, °проглатываюсь и т. п. К третьей разновидности автор отнес бы словоизменительные окказионализмы типа *центрее* (в смысле ‘более близко к центру’) и, скажем, большинство тех форм, которые в словарных статьях [Зализняк 1977] поданы как несуществующие: например, кратк. формы муж. рода *голуб, *делов, *волев, *городск, компаратив от прилагательных на -ский типа *сельскее (‘более сельский’) и т. п.

Автор допускает, что здесь возможно – для разных целей – более дробное членение языковых единиц, выделение подвидов внутри второй и третьей разновидности (однако слишком дробная классификация, как мне кажется, нежелательна). Существен сам принцип шкалы – различия степеней языковой правильности / неправильности, с ее полярными полюсами и промежуточными точками. Замечу, что именно этот важный и плодотворный принцип, отвечающий внутреннему свойству градуальности в языке, был принят в системе нормативных помет словаря [Орфоэпический словарь 1983, с. 5-7], различающей разные степени орфоэпической приемлемости словоформ: «доп.» (допустимо), «доп. устар.» (допустимо устаревающее), «не рек.» (не рекомендуется), «не рек. устар.» (не рекомендуется устаревающее), «неправ.» (неправильно), «грубо неправ.» (грубо неправильно)⁶.

⁵ Ср. у Хлебникова: *Будет небо голубо, / А пока же нам бо-бо* (стихотворение «Море»).

⁶ «Все многообразие языковых фактов не укладывается в простое противопоставление норма – не норма. Сколько-нибудь адекватное отражение

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

Тогда становится ясным возражение на компьютерно-лингвистический контр-аргумент: в лингвистическое обеспечение программы корректировки орфографии мы можем заложить средства различения разных типов орфографических отклонений от нормы, а в саму программу – во-первых, средства разного цветового выделения для разных типов и, во-вторых, возможность отключать нежелательные для пользователя опции орфографической корректировки. Дело зависит от целей, вкусов, желаний и даже настроения пользователя: он может пожелать объединить потенциальные формы с реальными – тогда потенциальные формы (типа *квартирнее*) вообще не должны никак выделяться на экране; может пожелать трактовать их наравне с явными орфографическими ошибками – тогда они будут выделяться, причем одинаково с последними; все такие альтернативы можно внедрить в программу проверки орфографии.

3. Заключение

Основные выводы работы могут быть резюмированы следующим образом.

- Возвратные страдательные формы ведут себя неодинаково с точки зрения эвристических критериев противопоставления словоизменения и словообразования, однако количественный перевес словоизменительно ориентированных критериев и системные соображения о связи ВСФ и страдательных причастий на *-м* и *-н / -т* обеспечивают преимущество словоизменительной трактовки таких форм.
- В силу принципа разграничения грамматических и семантических факторов и принципа шкалирования следует признать допустимы реального положения вещей невозможно без выделения некоторой шкалы нормативности [Орфоэпический словарь 1983: 5]. Добавлю, что равноправность соответствующих норме вариантов отмечается в этом словаре посредством постановки союза «и» между вариантами, а закрепленность варианта за некоторой сферой функционирования языка или профессиональной сферой – многообразными пометами типа «в поэтич. речи возмож.», «в профессион. речи», «у химиков», «у музыкантов» и т. п. Что ж, русисты-морфологи могут в данном случае позавидовать русистам-«орфоэпистам»!

Н. В. Перцов

ми в качестве потенциальных те возвратные страдательные формы, которые нередко отвергаются, – формы императива и деепричастия. Формы же 1-го и 2-го лица презенса у таких глаголов должны быть признаны реальными.*

Литература

Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: Лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 10–29.

Веренк Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на -ся // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 286-302.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976.

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.–Л., 1947.

Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1953.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. [Последнее 4-е издание, испр. и доп., 2003.]

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.

Молошная Т. Н. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983.

Перцов Н. В. Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ, 1996, №4. С. 39-61.

Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкоznания, 2003, № 4, с. 43–71.

Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

* В ноябре 2002 г. по тематике работы в Институте языкоznания РАН был прочитан доклад, слушателям которого автор благодарен за заинтересованное обсуждение и критику.

О словоизменительном статусе ... форм русского глагола

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Петроград, 1915.

Постскриптум

На последней стадии подготовки настоящей работы мне хотелось бы высказаться в связи с только что появившейся в печати статьей акад. Ю. Д. Апресяна «Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике», опубликованной в сборнике «Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского» (Отв. ред. А. П. Володин.– М.: Знак, 2004. С. 20–35).

В ней на стр. 26–27 автор полемизирует с точкой зрения, положительно ориентированной по отношению к формам возвратного перфективного пассива (ВПП) – типа *Всё это заботонируется, Тираж раскупится публикой* и т. п., – т. е. признающей их маргинальное существование в языке и грамматике. Такая точка зрения отстаивается, в частности, в моей работе [Перцов 2003], где дается подробная аргументация в ее пользу. Ю. Д. Апресян, считая эту точку зрения «безусловно ошибочной», опирается на следующие соображения. Во-первых, свидетельствующие в её пользу примеры форм ВПП, он подводит под одну из трех рубрик: «нарушение современной нормы», «языковая игра» или «ошибка интерпретации». Во-вторых, он говорит, что употребление форм ВПП преимущественно ограничено «глаголами со значением покрытия поверхности, заполнения объема и антонимичными им значениями». Надо сказать, примеры с глаголами последнего типа, приводимые Ю.Д. Апресяном, не относятся ни к одной из трех указанных им рубрик. Не относятся к ним и примеры, содержащиеся в [Перцов 2003], и не обсуждаемые Ю. Д. Апресяном, которые большинство респондентов проведенного мной опроса признали приемлемыми: *Мы хотим знать, раскулятся ли имеющиеся печатные экземпляры теми, у кого есть рукописи* (по поводу этой фразы 11 из 13-ти респондентов высказались в пользу ее полной корректности); *Мы передали подсчеты компьютерной программе – и смета составилась за какие-нибудь четверть часа*. В моей работе даются – с частичной опорой на работы В. И. Гавриловой 1998 и 2001 гг. – и другие примеры такого рода (см. [Перцов 2003, с. 45–46]), и среди них нет ни одного с глаголом '(анти)покрытия' / '(анти)заполнения'.

Н. В. Перцов

Ю. Д. Апресян не касается также данных о колебании нормы в области ВПП, полученных в ходе упомянутого опроса: «<...> в данной области русской грамматики нет установившейся твердой нормы: мнения и суждения разных информантов по поводу фраз с ВПП иногда расходятся существенным образом» [Перцов 2003, с. 46]. Из этих данных следует, что при оценке той или иной фразы с ВПП рискованно опираться только на собственное языковое чутье, как это делает Ю. Д. Апресян. Скажем, цитируя – вслед за [Янко-Триницкая 1962, с. 133] и [Перцов 2003, с. 67] – пример из письма Н. А. Островского *<Комедия> готова. К понедельнику перепишется, во вторник пошлется, в среду будет у вас*, он без оговорок относит его к языковой игре (с. 27), что вовсе не очевидно. Для языкового чутья автора этих строк и нескольких информантов, к которым я обращался после знакомства со статьёй Ю. Д. Апресяна, языковой игры (и отклонения от нормы) здесь нет, а есть некоторая языковая непринужденность («игривость», как выскажался один из моих респондентов), небрежность или разговорность.

Повторю сказанное ранее в [Перцов 2003]: ограниченность употребления форм ВПП и их принадлежность к непринужденно-разговорному стилю не должны восприниматься как категорические аргументы против их существования в языке и грамматике (скажем, теми же свойствами обладают формы вокатива *Вань, Саш, тёть* и т. п., против существования и «правового» грамматического статуса которых никто не возражает).

Октябрь 2004 г.

H. B. Сухова

**Взаимодействие просодического ядра
и кинетической фразы в разных коммуникативно-
прагматических типах монологических
высказываний**

Введение

В последние десятилетия проблемы взаимодействия языковых средств с невербальными явлениями занимают важное место в психо-, социо- и собственно лингвистических исследованиях. В работах А. Кендана, Г.Е. Крейдлина, В.П. Конецкой и др. изложены основные направления изучения речежестового [D. McNeill, J. Cassell, K.-E. McCullough 1994] взаимодействия, которые можно классифицировать как эволюционное, когнитивное и функциональное.

Эволюционное направление выявило важные особенности, которые характеризуют взаимодействие речевого и невербального поведения в онто- и филогенезе. В частности было выявлено, что у детей на ранних этапах развития языкового мышления и становления языковой компетенции невербальные формы функционируют отдельно от языковых. Однако в коммуникации взрослых эти формы действуют совместно и целенаправленно.

Когнитивное направление показало, что взаимодействие речевого и жестового высказываний начинается на этапе постановки *речевой цели*. Несмотря на то, что и речь, и жест являются формами ментальной репрезентации, механизмы и способы передачи значений у вербального и невербального элементов разные.

Н. В. Сухова

Функциональное направление занимается непосредственно *невербальным общением* (поведением), под которым понимается функционирование разных кинетических форм (жесты, выражения лица, позы, т.д.) и других составляющих знакового коммуникативного поведения человека в пространстве и во времени в коммуникативном акте.

Настоящая работа выполнена в рамках когнитивно-функционального подхода и посвящена описанию основных способов функционального взаимодействия просодических и кинетических средств в **коммуникативно-прагматических типах**¹ монологических высказываний. Более конкретно, рассматриваются случаи совместной реализации **просодических ядер**² и **кинетических фраз**³ на ядерном участке синтагмы.

Материалом являются два оригинальных документальных фильма производства Великобритании, общей продолжительностью 5 часов 48 минут. Исследование проводилось на 80 звуковых фрагментах из фильма «Diana. Princess of Wales – Her Life» и **283** звуковых фрагмента из фильма «Churchill – A Video Biography». Общее время звучания – **180** минут.

В данной статье мы опираемся на следующие теоретические предпосылки. Речевое высказывание всегда сопровождается жестовым высказыванием. В любом речевом высказывании выделяется просодическое ядро. Просодическое ядро и сопровождающие его кинетические жесты тесно взаимодействуют на уровне синтагмы.

При исследовании подобного взаимодействия существенной оказывается принадлежность высказывания к разным коммуникативно-прагматическим типам. Другими словами, разные целеустановки высказываний влияют на функционирование просодических ядер и кинетических фраз в синтагмах. Предположительно, цель высказывания определяет последующее взаимодействие речи и жестов в коммуникативном акте. Цель высказывания и всего коммуникативного акта формирует значение будущего высказывания. Значение высказывания переда-

¹ Тип высказывания с определенной целеустановкой.

² Последовательность предударного, ядерного и заударного слогов.

³ Комплекс жестов, принадлежащих разным кинетическим формам (жесты головы, выражения лица, телодвижения, жесты рук и позы), функционирующий как фраза.

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

ется в том числе и с помощью просодических и кинетических средств.

Остановимся подробнее на понятиях *просодическое ядро, кинетическая фраза и коммуникативно-прагматический тип*.

Просодическое ядро

В структуре общего тонального контура высказывания выделяются сегменты с разной функциональной нагрузкой. Наибольшая информативность присуща участкам, совпадающим с расположением опорных точек мысли – субъекта и предиката. Ядерный сегмент, то есть предикат мысли, оказывается наиболее значимым. В синтагме выделяется слово, несущее ядерный тон – *ядерное слово*. Также выделяется *ядерный слог* – ударный слог слова, который воспринимается как самый важный в смысловом отношении.

Ядерный слог является ключевым компонентом трехсложной последовательности, образующей просодическое ядро. *Просодическое ядро*, в нашей интерпретации, – это перцептивно и семантически выделенный участок синтагмы, состоящий из предударного, ядерного и заударного слогов.

В данной работе такое понимание ядра объясняется тем, что:

1) просодическая выделенность конкретного участка высказывания определяется не столько параметрами ядерного слога, сколько совокупностью характеристик ближайшего окружения. Релевантными элементами считаются также предударный и заударный слоги (С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова 2001);

2) жестовая фраза, сопровождающая ядро, реализуется не только на ядерном слоге, а на всем участке просодического ядра. Поэтому предударный и заударный слоги в совокупности с ядерным слогом и составляют тот речевой отрезок, который сопровождается *кинетической выделенностью*.

В работе акцент сделан на просодическую выделенность ядра синтагмы в монологическом высказывании.

Под просодической выделенностью понимается выделение слога на уровне синтагмы с помощью всех акустических параметров (частоты основного тона, интенсивности и длительности). Подфункция выделенности / невыделенности входит в состав конститутивных функций и соотно-

Н. В. Сухова

сится с функцией передачи смысловых отношений, то есть просодия указывает на связь элементов внутри одного высказывания и на связь высказанной мысли с соответствующим объектом действительности.

Кинетическая фраза

Просодическое ядро сопровождается *кинетической (жестовой) фразой*, которая состоит из комплекса кинетических жестов. Мы рассматриваем жесты рук, движения головы, корпуса (телодвижения и позы) и выражения лица. Главной составляющей жестов выражения лица можно считать взгляд. Жесты обладают характеристиками, которые можно сгруппировать так: амплитуда, сила воспроизведения, скорость и направление (см. табл. 1):

Таблица 1
Характеристики форм кинетического поведения

Характеристики жестов	Формы кинетического поведения			
	Руки (Р) ⁴	Голова (Г)	Выражение лица (ВЛ)	Корпус тела: телодвижения (ТД), позы (П)
Амплитуда	большая/ малая (б/м)	большая/ малая	большая/ малая	большая/ малая
Сила воспроизведения	сильный/ слабый (с/сл)	сильный/ слабый	сильный/ слабый	сильный/ слабый
Скорость	быстрый/ медленный (бр/мд)	быстрый/ медленный	быстрый/ медленный	быстрый/ медленный
Направление	вперед (от себя), назад (к себе), влево, вправо	вперед, назад, влево, вправо	(взгляд) вперед, назад, влево, вправо	вперед, назад, влево, вправо

Так, жесты характеризуются рядом параметров, которые варьируют в зависимости от степени их интенсивности. Изменяясь во времени и в пространстве, активный рабочий орган жеста достигает некой максимальной точки интенсивности, при условии, что изначально он находится в состоянии покоя. При этом необходимо учитывать, что в процессе производства *жест любой интенсивности* проходит фазу экскурсии, фазу воспроизведения и фазу рекурсии. Схематично реализацию жеста можно показать следующим образом:

⁴ В скобках указаны условные обозначения, принятые в работе.

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

1)интенсивность:

состояние покоя → жест слабой интенсивности → жест средней интенсивности → жест сильной интенсивности → *жест максимальной интенсивности*;

2)фазы:

экскурсия → *пик* → *рекурсия*.

Так, все вышеуказанные жестовые характеристики имеют две экстремальные точки: исходную и максимальную (см. табл. 2).

Компоненты жестовой фразы, кинетические жесты любой интенсивности, могут быть кинетически выделенными. Под *кинетической выделенностью* понимается значимое и видимое изменение положения и характеристик активных рабочих органов жеста. В данной статье рассматриваются кинетически выделенные жесты, сопровождающие просодическое ядро синтагмы. Выделенность жестов фиксируется по ревантным характеристикам и в соответствии с положением активного рабочего органа жеста на шкале интенсивности (ближе к точке покоя или к максимуму).

Таким образом, взаимодействие речежестовых элементов проявляется на уровне просодической и кинетической выделенности, которая, как говорилось выше, определяется не только параметрами и характеристиками ядерного гласного, но также и особенностями ближайшего окружения. Так, жестовая вершина, или самый проминантный жест в составе кинетической фразы, может находиться в разных положениях по отношению к ядерному гласному. Рассмотрим пики жестов и просодические ядра на примерах из эпизода *Donovan 2*⁵. Жестовый пик может:

а)совпадать с *ядерным* слогом, например:

...and she knew that sometimes⁶ ...

Кинетически выделенное сильное и быстрое движение головой появляется точно на ядерном слоге *some-*;

б)совпадать с *предударным* слогом, например:

...it was her most essential...

⁵ *Donovan 2* – эпизод из фильма «Diana. Princess of Wales – Her life». Эпизоды названы по именам участников, в них представленных, и пронумерованы по порядку.

⁶ Подчеркнуто ядерное слово.

Таблица 2.
Исходная и максимальная точки исполнения кинетических жестов

	Характеристика жеста	Формы кинетического поведения				
		руки	голова	выражения лица(глаза)	телодвижения	позы
исходная точка	Амплитуда	(горизонтальное движение) руки (кисти рук) находятся близко к телу на уровне груди	голова находится прямо, в состоянии покоя	глаза смотрят прямо, в объектив камеры)	корпус прямо	1) руки спокойно лежат на коленях; 2) руки сложены на груди; 3) корпус откинут назад на спинку сиденья; 4) корпус наклонен слегка вперед;
	Сила воспроизведения	(вертикальное движение) руки (кисти рук) находятся на уровне груди	голова находится прямо, в состоянии покоя	глаза смотрят прямо, в объектив камеры)	корпус прямо	1) руки спокойно лежат на коленях; 2) руки сложены на груди; 3) корпус откинут назад на спинку сиденья; 4) корпус наклонен слегка вперед;
Скорость		активный орган жеста находится в состоянии покоя				
Направление		активный орган жеста находится в состоянии покоя				
максимальная точка	Амплитуда	(горизонтальное движение) рука (кисть руки) максимально вытянута вперед или в стороны	голова отклонение взгляда максимально на вправо, влево, вперед, назад	отклонение взгляда максимально на влево, вправо, вверх, вниз	отклонение корпуса максимально на влево, вправо, вперед, назад	отклонение от исходных позиций максимально влево, вправо, вперед, назад
	Сила воспроизведения	(сильное вертикальное движение) 1) рука (кисть руки) находится на уровне лица; 2) рука (кисть руки) находится чуть ниже пояса	сильное движение головой вправо, влево, вперед, назад при максимальном отклонении от исходной точки	сильное движение глазами влево, вправо, вверх, вниз при максимальном отклонении от исходной точки	сильное движение корпусом влево, вправо, вперед, назад при максимальном отклонении от исходной точки	сильное движение корпусом влево, вправо, вперед, назад при максимальном отклонении от исходной точки

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

	Скорость	изменение положения активного органа жеста с малой или большой скоростью
	Направление	движение активного органа жеста влево, вправо, вперед, назад движение глаза-ми влево, вправо, вверх, вниз движение активного органа жеста влево, вправо, вперед, назад

Сильное и широкое по амплитуде движение головой сопровождает предударный слог es-;

б) совпадать с **заударным** слогом, например:

...but I do not think she reckoned...

Слабое и узкое по амплитуде телодвижение сопровождает заударную часть просодического ядра – ckoned.

Коммуникативно-прагматические типы

Главным критерием выделения **коммуникативно-прагматических типов** можно считать коммуникативную целеустановку, являющуюся порождающим стимулом высказывания. В общих чертах (подробнее см. [Рябцева 1994]), субъект речи высказываетя, когда имеет *целью*:

- 1) сообщить новую информацию, которой он располагает;
- 2) вовлечь адресата в изменения внешнего мира – прагматической ситуации;
- 3) выразить свое отношение к миру и изменениям в нем – свою эмоциональную или рациональную реакцию на происходящее.

Более конкретно общие целеустановки были рассмотрены И.Е. Галочкиной [Галочкина 1985] как реализации коммуникативно-прагматических типов высказываний. Исследование показало, что коммуникативно-прагматические типы разного рода высказываний образуют определенные зоны выражения сигнifikативного значения, имеющие центрально-периферийное строение. Выделяются четыре основные зоны: сообщения (см. пункт 1), побуждения (см. пункт 2), оценки (см. пункт 3), фактические высказывания. Также существует пятая, промежуточная, зона вопросов, характеризующаяся синкетизмом, то есть способностью сочетать в себе элементы значения других зон. Центр составляют типы с четко выраженным значением, а периферию – с несколькими значениями.

Опираясь на вышеуказанную классификацию коммуникативно-прагматических типов, а также на функционально-смысловую класси-

Н. В. Сухова

ификацию монологов, можно выделить общую коммуникативно-прагматическую *типовую* монологических высказываний:

- а)сообщения: *повествование, описание, рассуждение;*
- б)побуждения;
- в)оценки.

Рассмотрим конкретные реализации коммуникативно-прагматических типов в нашем экспериментальном материале.

Все монологические эпизоды, состоящие из нескольких монологических высказываний, составляют единые смысловые блоки. Смысловое наполнение эпизодов варьируется. Высказывания внутри одного эпизода содержат разноплановую информацию. Однако с помощью кластерного анализа оказалось возможным выделить несколько смысловых блоков в эпизодах (см. табл. 3).

**Таблица 3
Выражение сигнификативного значения в высказываниях
коммуникативно-прагматических типов сообщение и оценка**

Значения высказывания	Цель высказывания (в коммуникативно-прагматических типах)			
	Сообщение		Оценка	
Повествование A ⁷	Описание B	Рассуждение C	Оценка D	
Сигнификативное:				
1 точка зрения	+	-	-	+
2 люди	+	+	+	+
3 окружение/ атмосфера	+	+	+	+
4 действия	+	+	+	+
5 события	+	+	+	+
6 чувства	+	+	+	+
7 мнения	-	+	+	+
Прагматическое:				
эмоционально:	+	+	+	+
положительно	+	+	+	+
негативно	+	+	+	+
неймоционально	+	+	+	+

⁷ Обозначения введены для удобства обработки данных.

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

Каждый смысловой блок характеризуется: сигнifikативным значением (*что*); прагматическим значением (*как*) и целью высказывания (*зачем, с какой целью*). Эти три параметра важны для понимания функционирования блоков как коммуникативно-прагматических типов высказывания в ситуации монологического типа общения.

Цель высказывания является тем логическим основанием, которое, опираясь на *сигнifikативное значение*, объединяет все значения высказывания. Цель формирует тип высказывания. В условиях монологической коммуникативной ситуации встречается тип *сообщение и оценка*⁸ (см. табл. 3). *Прагматическое значение* высказываний выражается эмоционально (положительно/ негативно)/ неэмоционально (см. табл. 3).

Например, рассмотрим высказывание (эпизод *Devorik 5*⁹), которое имеет следующую форму:

In New York in December...and there was a picture of her in the magazine, an old picture, I asked what happened to your wedding dress and...she said "I hope the moths, the insects, reduced a bit the volume of the dress..." .

Семантическая структура содержит сигнifikативное значение будущего высказывания – *ситуацию*. Из анализа семантической структуры выводится и цель высказывания – *описать ситуацию*. Так, и семантическая структура, и коммуникативная цель предопределили коммуникативно-прагматический тип этого высказывания – *сообщение* (описание ситуации – В5). Прагматическое значение – *положительно эмоциональное*.

Взаимодействие кинетически выделенных жестов и просодических ядер в высказываниях коммуникативно-прагматического типа сообщение.

Тип *сообщение* в экспериментальном материале представлен тремя видами высказываний: повествование (А), описание (В), рассуждение (С)¹⁰.

⁸ Побуждения как прагматический тип в монологах тоже встречается, однако нами он не изучался.

⁹ *Devorik 5* – эпизод из фильма «Diana. Princess of Wales – Her life».

¹⁰ Подробнее см. в Таблице 3.

Н. В. Сухова

Тип *сообщение* в чистом виде представлен в экспериментальном материале 13% случаев. Смешанный вид *повествование-описание* составляют 10%. По 1,5% приходится на *описание и повествование-описание-рассуждение*. В Таблице 4 отражены сигнifikативные значения, выделенные в монологических высказываниях, которые объясняются общей целевой установкой документальных фильмов: необходимо максимально информативно рассказать и описать то, что происходило с главными героями.

Прагматическое значение высказываний определялось по оппозиции эмоционально (положительно/ негативно) и неэмоционально. Все высказывания типа *сообщение* были отмечены как положительно эмоциональные.

В коммуникативно-прагматическом типе *сообщение* используются в той или иной степени все кинетические жесты (Табл. 5).

Таблица 4

Сигнifikативное значение в коммуникативно-прагматических видах *повествование, описание, рассуждение*

Вид высказываний коммуникативно-прагматического типа сообщение		Количество эпизодов, где встречаются виды высказываний коммуникативно-прагматического типа сообщение (в %)	Цель высказываний разных видов и их сигнifikативное значение
Повествование-описание (AB)	10%	Пересказать слова других Рассказать о событии Рассказать о чувствах Рассказать об окружении/ атмосфере Описать людей Описать события Описать чувства	
Описание (B)	1,5%	Описать людей Описать чувства	
Повествование-описание-рассуждение (ABC)	1,5%	Рассказать о людях Рассказать о чувствах Описать людей	

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

Таблица 5
Реализация просодических ядер
и выделенных кинетических жестов в типе сообщение

Кинетически выделенные жесты, сопровождающие просодические ядра	Количество эпизодов типа сообщение (в %)
Выражения лица	100
Голова	100
Руки	75
Телодвижения	62,5
Позы	25

Таким образом, в коммуникативно- pragmaticальном типе сообщение по частотности употребления выделенные кинетические жесты, сопровождающие ядра, можно расположить следующим образом: **выражения лица – жесты головы – жесты рук – телодвижения – позы**. Из этих жестов состоят невербально-просодические комплексы, функционирующие в данном типе. Под **невербально-просодическим комплексом** понимается жестовая фраза и просодическое ядро, совместно функционирующие в синтагме.

В коммуникативно- pragmaticальном типе сообщение речежестовое взаимодействие на уровне просодического ядра и сопровождающей его жестовой фразы основывается на целеустановке высказываний. Так как высказывания являются по большей части *повествованиями-описаниями*, то их цель можно определить так: описать или рассказать о событии, действии, людях, чувствах и т.д.

Следовательно, для выражения целей используются просодические и невербальные элементы в виде невербально-просодических комплексов. Следует еще раз подчеркнуть, что, с одной стороны, в комплекс входит просодическое ядро, обладающее семантической значимостью и pragmaticальным значением (см. семантику тонов в работах [Васильева и др. 1980, Cruttenden 1986, Crystal 1995, Веренинова 1996, Соколова и др. 1996] и др.), с другой стороны – жестовая фраза, состоящая из жестов головы, выражений лица, а также жестов рук и телодвижений.

В высказываниях выделительная функция ядерного тона накладывается и активизирует выделительную функцию сопровождающей его жестовой фразы. Жесты повторяют часть сигнifikативного значения просодического элемента, усиливают семантическую и просодическую проминантность слова, а также способствуют выражению разных состояний говорящего.

Например, рассмотрим эпизод *Soames 3*¹¹.

...One of them was trying to thrust my father under...the train¹² | which was arriving at the station | but my mother hit her hard with an umbrella.

Эпизод относится к коммуникативно-прагматическому типу *сообщение*. Целью высказывания является желание *рассказать* о произшествии на железнодорожной станции. Тогда У. Черчилля пытались столкнуть с края платформы под проходящий поезд, но его жена вовремя ударила ту женщину зонтиком и спасла У. Черчиллю жизнь.

Таким образом, **сигнifikативным значением** высказывания можно считать *событие*, которое произошло с У. Черчиллем. Миссис Соумз (дочь премьер-министра) описывает произшествие объективно, без своих оценок.

Просодические ядра и сопровождающие их кинетические фразы выражают сигнifikативное значение этого высказывания следующим образом. Слоги, которые несут на себе ядерный тон, выделяются в синтагмах по показателям ЧОТ и интенсивности. Кроме того, опорные ядерные слова являются ключевыми в семантическом отношении. Кинетически выделенная жестовая фраза усиливает семантическую и просодическую значимость ядерных слов и ядерных участков в целом.

Так, просодическое ядро с опорой на слово train сопровождается слабым движением рук, сильным движением головы вправо, взгляд направлен вниз, слабым телодвижением, поза расслабленная. **Невербально-просодический комплекс** образован ядром и движениями головы, изменениями выражения лица, телодвижениями, жестами рук и позой.

Просодическое ядро с опорой на слово arriving сопровождается сильным движением рук, заметным движением головы, изменением

¹¹ *Soames 3* – пизод из фильма «Churchill – A Video Biography».

¹² Подчеркнуты ядерные слова.

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

выражения лица и телодвижением. **Невербально-просодический комплекс** образован ядром и жестами головы, изменениями выражения лица, телодвижениями и жестами рук.

Просодическое ядро с опорой на слово hit сопровождается слабым движением рук, заметным изменением выражения лица, слабым телодвижением. **Невербально-просодический комплекс** образован ядром и изменением выражения лица, телодвижениями и жестами рук.

Просодическое ядро с опорой на слово umbrella сопровождается слабым движением рук, заметным изменением выражения лица (выразительный взгляд, улыбка) и незначительным изменением позы. **Невербально-просодический комплекс** образован ядром и изменением выражения лица, жестами рук и изменением позы.

Таким образом, функционирующие невербально-просодические комплексы усиливают семантическую и просодическую проминантность ядерного участка, что в свою очередь способствует успешному осуществлению общего коммуникативно-прагматического замысла высказывания, выражению его цели и передачи его значения.

Взаимодействие кинетически выделенных жестов и просодических ядер в высказываниях коммуникативно-прагматического типа *сообщение-оценка*

В монологических высказываниях, которые мы изучали, наблюдается 87% случаев, которые можно отнести к коммуникативно-прагматическому типу *сообщение-оценка*. Это смешанный тип, располагающийся не в центральной, но близкой к центру зоне коммуникативно-прагматических типов. **Сигнifikативное значение** формируется под влиянием одновременно двух целеустановок говорящего:

- 1) сообщить новую информацию, которой он располагает;
- 2) выразить свое отношение к миру и изменениям в нем – свою эмоциональную или рациональную реакцию на происходящее.

Сигнifikативные значения, которые встречаются в материале, были систематизированы на основании определенных смысловых блоков (см. Табл. 3). Монологические эпизоды, относящиеся к коммуникативно-прагматическому типу *сообщение-оценка*, содержат высказыва-

Н. В. Сухова

ния следующих видов: повествование, описание, рассуждение и оценка. В эпизодах *сообщение-оценка* находим 25% случаев *повествование-описание-рассуждение-оценка*; 18% случаев *описание-рассуждение-оценка*; 14% случаев *повествование-описание-оценка*; 12% случаев *описание-оценка*; 8% случаев *повествование-оценка*; 6% случаев *повествование-рассуждение-оценка*; 4% случаев *рассуждение-оценка*.

Таблица 6
Виды высказываний коммуникативно-прагматического
типа сообщение-оценка

Вид высказываний коммуникативно-прагматического типа сообщение-оценка	Количество эпизодов, где встречаются виды высказываний коммуникативно-прагматического типа сообщение-оценка (в %)
Повествование-описание-рассуждение-оценка (ABCD)	25
Повествование-описание-оценка (ABD)	14
Повествование-рассуждение-оценка (ACD)	6
Описание-рассуждение-оценка (BCD)	18
Повествование-оценка (AD)	8
Описание-оценка (BD)	12
Рассуждение-оценка (CD)	4

В высказываниях коммуникативно-прагматического типа *сообщение-оценка* превалируют высказывания следующих видов: *повествование-описание-рассуждение-оценка*, *повествование-описание-оценка*, а также *описание-оценка*. Очевидным оказывается факт, что относительно постоянноими видами, или наиболее частотными элементами, и в чистом, и в смешанном типе являются высказывания-повествования и высказывания-описания.

Чаще всего встречаются высказывания, в которых переплелись все виды: *повествование*, *описание*, *рассуждение* и *оценка* (25%). Участники фильмов прибегали к таким формам выражения своих целей и общих целей фильма, чтобы рассказать и описать события, людей, а также дать свою оценку тому, что происходило, выразить свое отношение к ситуации, к содержанию своего высказывания и к себе.

Прагматическое значение в основном характеризовалось положительной эмоциональностью, однако в 13% случаев оно было выражено отрицательно.

Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы...

В смешанном типе *сообщение-оценка* чаще всего встречаются значимые изменения *выражения лица* – 94% (таб. 7). Также, существенно использование *жестов головы* (92%). Далее по частотности употребления следуют изменения *телодвижений* (75%), *жесты рук* (52%) и изменения *поз* (13%).

Таблица 7

Реализация просодических ядер и выделенных кинетических жестов в типе *сообщение-оценка*

Кинетически выделенные жесты, сопровождающие просодические ядра	Количество эпизодов типа <i>сообщение-оценка</i> (в %)
Выражения лица	94
Голова	92
Телодвижения	75
Руки	52
Позы	13

Результаты экспериментального анализа показывают, что в высказываниях типа *сообщение-оценка* ядро сопровождается изменениями **выражения лица, жестами головы, телодвижениями, жестами рук и позами** (элементы даны в порядке убывания частотности их употребления). Ядро и эти жесты образуют невербально-просодические комплексы.

Жестовые фразы в высказываниях типа *сообщение* характеризуются более частым, по сравнению с типом *сообщение-оценка*, использованием коммуникативно значимых выделенных жестов рук. Различия в составе невербально-просодических комплексов в коммуникативно-прагматических типах *сообщение* и *сообщение-оценка* объясняются: 1) разными целеустановками высказываний этих типов; 2) разными сигнifikативно-прагматическими значениями высказываний. Так подтверждается выдвинутая в начале исследования гипотеза о том, что просодическое ядро, с опорой на ядерное слово, и выделенная кинетическая фраза взаимодействуют уже на этапе ориентировки и формирования речежестового высказывания.

Литература

- Васильев В.А., Каманская А.Р., Лукина Н.Д., Маслова Л.П., Торсуева Е.И.* Фонетика английского языка. Нормативный курс. – М.: Высшая школа, 1980. – 256 с.
- Веренинова Ж.Б.* Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка. – М.: МГЛУ, 1996. – 171 с.
- Галочкина И.Е.* Роль интонации в формировании pragматических типов высказываний. Дисс... канд. филол. наук. – М., 1985. – 186 с.
- Кодзасов С.В., Криевнова О.Ф.* Общая фонетика. Учебник. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
- Конецкая В.П.* Социология коммуникации. Учебник. – М.: Междунар. Унив-т бизнеса и управления «Братья Каич», 1997. – 302 с.
- Крейдлин Г.Е.* Кинесика // Словарь языка русских жестов / *Григорьев С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* – М.-Вена, 2001. – С. 166-254.
- Рябцева Н.К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82-93.
- Соколова М.А., Гинтворт К.П., Тихонова И.С., Тихонова Р.М.* Теоретическая фонетика английского языка. – М., 1996. – 284 с.
- Cruttenden A.* Intonation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 241 p.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
- Kendon A.* On Gesture: Its Complementary Relationship with Speech // Nonverbal Behavior and Communication. Second Edition / Ed. A.W. Siegman, S. Feldstein. – London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1987. – P.65-97.
- McNeill D., Cassell J., McCullough K.-E.* Communicative Effects Speech-Mismatched of Gestures // *Research on Language and Social Interaction* 27(3). London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1994. – P. 223-237.
- Schegloff E.A.* On Some Gestures' Relation to Talk // Structures of Social Actions. Studies in Conversational Analysis. Ed. M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge University Press, 1986. – P. 266-296.

B. M. Труб

**О возможном подходе
к семантическому описанию частей тела**

В отличие от «артефактов», предполагающих их разнообразное функциональное использование человеком (ср. [Рахилина 1994]), части тела человека (животного), будучи неотделимыми, в норме не могут как-то использоваться другими людьми. Поэтому на возможности функционального использования объекта другим лицом, никак нельзя опереться при оценке размера той или иной части тела.

Зато части тела, и в частности, их форма, доступны со стороны. А, как убедительно показано в работе [Рахилина 1994], в оценке размеров того или иного объекта активно задействовано представление о его форме. Поэтому естественно считать, что оценка размеров частей тела также существенно связана с их формой. Тем самым параметрические словосочетания, оценивающие их размеры, должны на «презумптивном уровне» учитывать и характер их формы. При этом разные органы могут иметь разные **опорные аналоги** формы.

Важно подчеркнуть, что часто именно избирательная сочетаемость с прилагательными частной параметрической оценки проливает свет на базовый аналог формы, свойственной той или иной части тела. Говоря о том, что какая-либо часть тела является *длинной* (или *короткой*), *широкой* (или *узкой*), *высокой* (или *низкой*), *толстой* (или *тонкой*), мы тем самым констатируем, как эта характеристика соотносится с **нормой** соответствующего измерения для **объектов определенной формы – цилиндрической, прямоугольной, шарообразной** и т.д. Естественно, что

В. М. Труб

у разных органов эти нормы различны. Например, норма длины существенно варьируется для разных органов, подобных цилиндуру: для рук она одна, для ног – другая, для шеи – третья, для пальцев – четвертая. Кроме того существенно и представление о «материальных» признаках объекта, таких, как твердость / мягкость, монолитность / пустотелость внутренней структуры и. т.д.

Например, *ноги, руки, шея, пальцы, хвост, хобот*, осознаваемые «как не имеющие фиксированного положения в пространстве» [Рахилина 1994], могут квалифицироваться как аналоги «палок» или лежащих «столбов-колонн» – трехмерных цилиндрических объектов, у которых одно из горизонтальных измерений существенно превосходит другие, а «круглый» поперечник имеет сплошную (монолитную) внутреннюю структуру. Если условный срез трехмерного объекта имеет форму круга (или квадрата), то оцениваться могут только два, (а не три) измерения – длина (высота) и ширина (толщина). Эти общие свойства рук (за вычетом) кистей, ног (за вычетом стоп), шеи и пальцев, по-видимому, объясняют общность их «параметрической» сочетаемости:

*длинные (короткие) руки (ноги, пальцы), длинная (короткая) шея;
толстые (тонкие) руки (ноги, пальцы), толстая (тонкая) шея .*

Заметим, что в подобных случаях сплошной поперечник трехмерного объекта воспринимается как имеющий именно толщину, но не ширину. Поэтому невозможны словосочетания типа **широкие (узкие) руки (ноги, пальцы...)*. А то, что эти объекты осознаются как не имеющие фиксированного положения в пространстве, делает невозможными сочетания вида **высокие руки (ноги, пальцы...)*. В то же время, в отличие от конечностей человека, лапы животных (собак, кошек, львов и т.д.) имеют четкую вертикальную ориентацию. Поэтому вполне приемлемы и *высокие (низкие) лапы*.

В работе [Рахилина 1994] справедливо отмечается, что если пару *высокий лоб – широкий лоб* сопоставить с парой *низкий лоб – узкий лоб*, то «становится очевидным, что в этом случае разными способами измеряется одно и то же». Как представляется, опорным аналогом лба является двумерный прямоугольник, по форме приближающийся к квадрату, т.е. имеющий приблизительно одинаковые стороны. Видимо, это

О возможном подходе к семантическому описанию частей тела

обстоятельство и объясняет синонимию перечисленных пар. Естественно полагать, что в подобных словосочетаниях оценивается не какое-то одно измерение (ширина или высота), а вся **площадь** соответствующего прямоугольника. Таким образом, *высокий (широкий) лоб* – это лоб, площадь которого превосходит «норматив площади» для лба, а *узкий (низкий) лоб* – лоб, площадь которого меньше этого норматива.

Подобные параметрические описания (по крайней мере, описание лба) не могут быть аксиологически нейтральными. Например, трудно представить, чтобы описание типа *узкий (низкий) лоб* имело функцию положительной характеристики. Оценочный характер таких словосочетаний особенно ярко проявляется в украинском языке, где русскому слову *лоб* соответствует два аксиологически маркированных коррелята – *чоло* (с положительной коннотацией – ср. также рус. книжное *чело*) и *лоб* (с негативной коннотацией). Поэтому в украинском языке возможны только такие словосочетания, в которых оценочные характеристики носителя свойства и самого свойства не противоречат друг другу, ср. естественность *високе (широке чоло)* и недопустимость **низьке (вузьке) чоло*. С другой стороны, является естественным *низький (вузький) лоб* и неприемлемым **високий (широкий) лоб*.

Затылок (переходный участок между задней частью головы и шеей) также воспринимается как прямоугольник – ср. *широкий затылок* и *узкий затылок*. Показательно, что обозначения подобных частей тела принципиально несовместимы с параметрическими характеристиками, свойственными трехмерным объектам: **толстый (тонкий) лоб*, **толстый (тонкий) затылок...*

Опорным аналогом мужской груди также является единый двумерный объект типа прямоугольника с приблизительно равными сторонами, т.е. близкий к квадрату. Поэтому обычно оценивается только одно его фасадное измерение – *широкая грудь / узкая грудь*, которое также оценивает степень отклонения площади прямоугольника от соответствующего пропорционального норматива для площади груди. Но может быть и *впалая грудь*.

Опорным аналогом формы локтей, колен и в определенной степени подбородка является внешняя поверхность «полушарного» объекта

В. М. Труб

со сплошной и твердой внутренней структурой. Локоть и колено - это «полушарные объекты», образуемые при сгибе руки или ноги.

Опорным аналогом формы женской груди служат парные полушарные объекты со сплошной и мягкой внутренней структурой. Параметрические прилагательные оценивают их объем в целом, а не только их внешнюю поверхность. Словосочетания *полная грудь*, *пышная грудь* – указывают на превышение пропорционально нормативного объема полушарий, сопровождающееся одобрительной оценкой говорящего. *Высокая грудь* – это указание на большую величину радиуса полушарий, имеющих идеально правильную форму. *Плоская грудь* – указание на недостаточную (меньше пропорциональной нормы) величину радиуса полушарий.

Напротив, опорным аналогом щек являются только внешние поверхности полушарных объектов с пустотелой внутренней структурой. Эти полушария могут быть большими – *пухлые щёки* или маленькими – *впадлые щеки*.

К частям, которые перестают быть собой при увеличении или уменьшении определенных параметров, применима, как правило, только одна из противоположных оценок по соответствующему параметру:

- *толстый зад* / **тонкий зад*;
- *широкая поясница* (укр. *широкий поперек*) / **узкая поясница* (укр. **вузький поперек*);
- *тонкая талия* (укр. *тонкий стан*) / **толстая талия* (укр. **тovстий стан*);
- *узкая талия* / **широкая талия*; (*широкая талия* перестает быть талией);
- *толстые бедра* (укр. *тovсті стегна*) / **тонкие бедра* (укр. **тонкі стегна*), но *широкие бедра* (укр. *широкі стегна*) / *узкие бедра* (укр. *вузькі стегна*);
- *толстый мизинец* (укр. *тovстий мізинець*) / **тонкий мизинец* (укр. **тонкий мізинець*).

Однако невозможность «прямой» сочетаемости одного из «опорных» параметрических прилагательных с названием той или иной части тела отнюдь не означает того, что этот объект вообще не может быть

О возможном подходе к семантическому описанию частей тела

оценен с точки зрения данного параметра. Дело в том, что значения многих параметров при определенных объектах могут выражаться только (или большей частью) идиоматично. Примеры:

- **длинные глаза, но продолговатые глаза* (укр. **довгі очі, но довгасті очі*);
- **длинное лицо, но продолговое лицо*; (укр. **довге обличчя, но довгасте обличчя*);
- **тонкое обличчя* (в противопоставлении *твое обличчя*), но *худоряве обличчя* (русск. **тонкое лицо, но худощавое лицо*);
- *тонкое лицо* (*тонкое обличчя*) указывает, скорее, на тонкие черты лица;
- **толстая грудь, но пышная грудь*; (укр. ?*твоя груди, но пишні груди*);
- **маленькие зубы, но мелкие зубы*; (укр. **маленькі зуби, но дрібні зуби*);
- ?*большие плечи, но могучие плечи*; (укр. ?*великі плечі (рамена), но могутні плечі (рамена)*);
- ?*маленькие плечи, но тонкие плечи*; (укр. ?*маленькі плечі, но тонкі плечі*);
- ?*толстые щёки, но пухлые щёки*; (укр. ?*твоя щоки, но пухкі щоки*);
- **тонкие щеки, но впалые щеки* (**тонкі щоки, но запалі щоки*);
- ?*узкий подбородок, но острый подбородок*; (укр. ?*вузьке підборідя, но гостре підборідя*); большой подбородок может быть описан и как *массивный подбородок*;
- **тонкие колени, но острые колени*) (укр. **тонкі коліна, но гострі коліна*) и т.д.

Заметим, что в качестве идиоматического выражения параметрической оценки при определенных объектах могут использоваться и некоторые «опорные» прилагательные, которые в этих случаях переосмысляются (употребляются переносно) – ср. *тонкие плечи*, где *тонкий* противопоставлено не *толстому*, а *большому*.

В то же время следует отметить, что не все части тела имеют четкий аналог формы. Как мы видели, руки (за вычетом кистей), ноги (за

В. М. Труб

вычетом стоп), шея, пальцы четко соотносятся с объектами цилиндрической формы; лоб, затылок, грудная клетка – с прямоугольниками, приближающимися к квадрату; голова – с шаром, а женская грудь и ягодицы – с полушариями. При этом как бы не изменялись параметрические характеристики этих органов (*большой – маленький, длинный – короткий, широкий – узкий, толстый – тонкий*), представление о «формообразующем аналоге» остается неизменным.

В то же время, например, живот не имеет однозначного (постоянного) аналога формы. Так, большой живот может восприниматься как часть шарообразного объекта со сплошной мягкой внутренней структурой (недаром в подобных ситуациях говорят об *округлившемся животе*). Но так ни в коей мере нельзя сказать о худом (впалом) животе, который не имеет ничего общего с шарообразностью. Аналогично, большие (*пухлые*) щеки уподобляются пустотелым полушарным объектам. Но это абсолютно не касается *впалых* щек.

Таким образом, следует различать части тела, имеющие универсальные, постоянные аналоги формы, и, с другой стороны, такие, которые лишь ситуативно могут быть уподоблены определенной геометрической фигуре или её фрагменту.

* * *

В заключение остановимся вкратце на соотношении параметрических оценок, применимых к двум существительным, обозначающим человеческое тело в целом: *тело* (укр. *тіло*) и *фигура* (укр. *постать*) в их основных значениях. Выделяются четыре основных значения слова *фигура*, а именно: *фигура1* – как указание на чье-то тело, и в отличие от других возможных значений: *фигура2* как компонент аксиологической оценки сложения тела (У нее *хорошая, красивая фигура*), *фигура3* как указание на живописное или скульптурное изображение *фигуры1* (На постаменте *возвышалась фигура вождя*) и *фигура4* как указание на место в карьерной иерархии или в определенной области (науки, искусства и т.д.): Он стал *крупной (заметной, значительной...)* *фигурой*.

О возможном подходе к семантическому описанию частей тела

Тело (tіло) может быть *живым и мертвым, фигура1* (укр. *постать*) – только живой. Тело может непосредственно испытывать ощущения его «хозяина», *фигура1* – не может, ср. *Боль пронизала все тело* (*Біль пройняв усе тіло*) и **Боль пронизала всю фигуру* (**Біль пройняв усю постать*).

Фигура1 существует только в восприятии наблюдателя. Тело же может как воспринимать само себя, так и наблюдать другими: *Он любовался ее телом*. Заметим, что во фразе *Он любовался ее фигурой* реализуется другое значение – *фигура 2*. С другой стороны, фигура может активно интродуцироваться в восприятие наблюдателя, а тело – нет: ср. *Из-за угла появились две фигуры* (*З-за рогу виринули дві постаті*) и **Из-за угла появились два тела* (**З-за рогу виринули два тіла*). Визуальное восприятие живого тела предполагает, что оно является полностью или частично обнаженным, для мертвого же тела, как и для *фигуры1*, признак обнаженности / необнаженности вообще нерелевантен. Различна и параметрическая дистрибуция этих обозначений: – ср. *Он увидел чью-то высокую фигуру* (*Він побачив чиюсь високу постать*) и **Он увидел чье-то высокое тело* (**Він побачив чиєсь високе тіло*).

Литература

Рахилина Е.В. Семантика размера // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994. С. 58-81.

Хай Фэн

**Дунганский – самостоятельный язык
или вариант диалектов китайского языка?
Введение в проблему**

Изучением дунганского языка занимались в основном советские ученые. Китайские ученые в силу исторических причин раньше не очень уделяли внимание этому вопросу. В последние годы в связи с ростом интереса китайских ученых к среднеазиатским дунганам стали появляться работы, посвященные разным аспектам дунганского языка. Многие из них привлекли всеобщее внимание. При изучении дунганского языка китайские лингвисты используют те же методы, что и при описании диалектов. Ху Чжэнхуа опубликовал много статей, посвященных особенностям китайского языка. Ван Сэнь занимался изучением грамматики. В последние два года вышли две монографии, специально посвященные комплексному изучению дунганского языка [Хай Фэн 2003; Линь Тао 2003].

Между тем вопрос о статусе дунганского языка, считать ли его отдельным языком или измененной формой диалекта китайского языка, до сих пор остается открытым. Современные статьи по дунганскому языку в основном основаны на работах советских ученых, а также на работах современных российских, киргизских, узбекских и казахских авторов. Некоторые ученые считают, что дунганская языка является отдельным языком. Так, например, Ю. Цунвазо писал о взглядах А.А. Драгунова: «Одним из первых исследователей языка советских дунган является известный ученик А.А. Драгунов. Им опубликован ряд трудов, посвященных грамматической системе дунганского языка. В статье “Дунганская языка”, написан-

Дунганский – самостоятельный язык или вариант ... китайского языка?

ной совместно с Е.А.Драгуновой¹, он приводит впервые весьма ценные сведения по фонетике и морфологии дунганского языка. На основе многочисленных фактов он пришел к совершенно правильным и весьма важным выводам об отличии дунганского языка от китайского. “Сопоставление этих двух языков, – пишет А.А.Драгунов, – очень поучительно, так как показывает нам, что расхождение между ними отнюдь не ограничивается областью словаря, а идет гораздо глубже. Оно затрагивает и фонетическую, и грамматическую систему этих языков и дает все основания рассматривать язык советских дунган не как один из диалектных вариантов китайского языка, а как самостоятельную лингвистическую величину, качественно от него отличную” [Цунвазо 1964, с.63].

Концепция Драгунова оказала большое влияние на все дальнейшее изучение дунганского языка. Сходной точки зрения придерживаются многие современные исследователи, в частности, М. Имазов, с которым автор данной статьи неоднократно обсуждала этот вопрос. Подобное мнение разделяют сегодня и некоторые российские ученые. Так, А.Мусорин в своей статье отмечает: «Различные диалекты китайского не приобретают статуса самостоятельных языков, несмотря на то, что взаимопонимание между их носителями совершенно невозможно. Приобретению ими статуса самостоятельных языков препятствует, с одной стороны, наличие единого общекитайского литературного письменного языка (в прошлом – вэньянь, сейчас – путунхуа), с другой стороны – отсутствие в местах распространения тех или иных диалектов локальных письменных литературных норм. Здесь в качестве примера интересно привести дунганийский (хуэйский) язык. Будучи первоначально одним из северокитайских диалектов, дунганийский сумел сформировать свою собственную литературно-письменную традицию, отличную от общекитайской, и стать отдельным языком. Это было обусловлено тем, что дунгание, в отличие от собственно китайцев, были мусульманами и пользовались в течение многих веков не китайской иероглифической, но арабской графикой» [Мусорин 2001].

Но высказывается и другая точка зрения. Так, С.Е.Яхонтов¹ отмечает, что «к китайской ветви относится дунганийский язык; разговорный язык дунган входит в состав северной группы китайских диалектов».

¹ Речь идет о статье: [Драгунов, Драгунова 1937].

Хай Фэн

[Яхонтов 1990, с.226-227]. О.И.Завьялова, проанализировав особенности дунганского языка, отнесла его к китайскому диалекту Ганьсу [Завьялова 1979].

Таким образом, некоторые ученые считают дунганский язык одним из диалектов китайского языка, имея в виду в первую очередь разговорный язык. Китайские ученые также предлагают свое решение этой проблемы.

Если рассматривать дунганский язык с точки зрения его структуры, то, более чем столетнее развитие в ином, не китайском, языковом окружении не привело к ее коренному изменению. Дунганский язык продолжает сохранять структурные особенности северо-западных диалектов китайского языка. В то же время под влиянием русского, киргизского, казахского, узбекского и других языков в нем произошли определенные перемены, и современный дунганский язык заметно отличается как от общегосударственного языка путунхуа, так и от северо-западных диалектов, на которых говорят представители народности хуэй. Исходя из этого, мы будем считать дунганский язык вариантом диалектов китайского языка, распространенным за пределами Китая.

Ниже приводятся факты, позволяющие нам считать дунганский язык именно диалектом, а не отдельным языком.

1. Исторические факты

Дунгане, проживающие в Средней Азии, этнически относятся к народности хуэй. Особенностью этой народности является то, что хотя ее предки говорили на арабском или персидском языке, сейчас в Китае родным языком для ее представителей является китайский язык. Конечно, в их языке сохранилось небольшое количество арабских и персидских слов, но оно не настолько велико, чтобы считать язык народности хуэй отдельным языком. В Китае люди народности хуэй говорят на том же диалекте, что остальные жители района, где они проживают. Это общепризнанный языковой факт, который не позволяет считать язык, на котором говорят люди народности хуэй, проживающие в Китае, отдельным языком. Правда, они используют арабскую письменность, но в общеобразовательных учреждениях обучение осуществляется только на

Дунганский – самостоятельный язык или вариант ... китайского языка?

китайском языке. Поэтому арабскую графику, используемую только в религиозной сфере, для лучшего понимания основ ислама (хуэйцы – мусульмане), нельзя считать национальной хуэйской письменностью.

Среднеазиатские дунгANE считаются потомками хуэйцев, приехавших из северо-западного Китая. Вначале они говорили на северо-западных диалектах. Поскольку после переселения это были единственныЕ носители китайского языка, то у коренного среднеазиатского населения сложилось представление, что только дунгANE говорят на этом языке, и что этот язык используется только дунганами. Однако на самом деле, представление о том, что язык дунгANE – это язык только этой национальной группы, является не совсем верным. На этом языке до сих пор говорят несколько миллионов человек, проживающих на северо-западе Китая.

2. Этнографические и лингвистические критерии

При квалификации идиома в качестве самостоятельного языка учитываются как лингвистические, так и этнографические данные. С точки зрения этнографии, когда говорится об отдельном языке, в большей степени учитываются социальные факторы, например, политическая ситуация, национальное самосознание, отношение других народностей, исторические факты и многое другое. Если же мы используем чисто лингвистические критерии, то необходимо исходить только из структуры языка. Другими словами, для того, чтобы с уверенностью утверждать, что данный идиом является отдельным языком, в первую очередь необходимо основываться на его лексических, фонетических, морфологических и др. особенностях. Конечно, нужно учитывать и социальный фактор, например, исторические контакты и т.п.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем привести большое количество реальных фактов, свидетельствующих о том, что дунганский и китайский язык составляют одно целое. Доказательства, свидетельствующие об обратном, привести крайне трудно, и это при том, что современный путунхуа несколько отличается от дунганского языка. Другими словами, между ними больше сходств, чем различий, и это не позволяет считать дунганский отдельным языком. Мы можем только счи-

Хай Фэн

тать его особым вариантом китайских диалектов, распространенным за пределами Китая. Мы называем его вариантом китайского языка в первую очередь потому, что, хотя в ходе исторического развития он претерпел некоторые специфические изменения, они являются весьма незначительными.

Конечно, с точки зрения этнографии, дунгане – это один из малых народов бывшего Советского Союза, где их язык получил официальное название – дунганская языка. Такое название вполне объяснимо, и с точки зрения этнографии оно абсолютно верно, но оно не может изменить основные особенности самого языка.

3. Язык и письменность

Как уже отмечалось выше, некоторые ученые считают наличие письменности важным критерием для признания языка отдельным образованием. Мы признаем, что наличие собственной письменности играет важную роль, но это не единственный критерий, с помощью которого определяется статус языка. Так, один и тот же язык на протяжении своего развития может использовать разные письменные системы. Например, дунгане использовали латиницу, потом перешли на кириллицу, при желании они могли бы перейти и на иероглифику. Существует множество других языков, которые в разное время имели разную графическую репрезентацию, при этом язык оставался одним и тем же. Например, современные казахи, киргизы, уйгуры и другие народности, проживающие в Китае и Средней Азии, используют разную письменность: в Китае - арабскую, а в Средней Азии – кириллицу. Но это не является основанием для выделения двух казахских или двух киргизских языков.

4. Общность дунганскоого языка и современных северо-западных диалектов китайского языка

4.1. Фонетическая система дунганскоого языка сохранила основные черты фонетической системы северо-западных диалектов китайского языка, в том числе правила сочетания согласных и гласных, систему тонов и фонетические изменения. Система фонетичес-

Дунганский – самостоятельный язык или вариант ... китайского языка?

ких соответствий дунганского и путунхуа такая же, как и между путунхуа и северо-западными диалектами. Так, система тонов дунганско- го языка совпадает с системой тонов говора Ланьчжоу в провинции Ганьсу. Система гласных и согласных также почти полностью совпадает [Хай Фэн 2003, с. 31-76].

4.2. Грамматические конструкции дунганского языка также совпадают с говором Ланьчжоу провинции Ганьсу, например, предложения с предлогом *ba*, конструкции со вспомогательными глаголами и т.д.

4.3. Отличительной чертой лексики дунганского языка является то, что она полностью или почти полностью совпадает с базовой лексикой северо-западных диалектов, что свидетельствует об их тесной родственной связи [Хай Фэн 2003, с. 115-148]. Это также дает основания для того, считать дунганский язык одним из северо-западных диалектов китайского языка. Встречающиеся в дунганском языке заимствования из тюркских языков присутствуют и в северо-западных диалектах, например, в Синьцзяне. К таким заимствованиям относится, например, *rīyazi* «репчатый лук», *lang* «лепешка» и др. Кроме того, в дунганском языке также сохранились заимствования из персидского и арабского языков, которые, впрочем, присутствуют и в речи хуэйцев, проживающих в других районах Китая.

Таким образом, дунганский язык сохранил много общего с северо-западными китайскими диалектами, так что дунгане и китайцы, говорящие на этих диалектах, могут свободно общаться на бытовом уровне, и даже говорящие на путунхуа могут понять речь дунган. Самым главным является то, что сами дунгане считают, что они говорят на северо-восточных диалектах (см. об этом в [Хай Фэн 2003]). В настоящее время с ростом числа контактов дунган с китайцами растет и уверенность дунган в правомерности такого утверждения.

В то же время, говоря об общности языков, нельзя забывать о тех изменениях, которые произошли в дунганском языке за более чем вековой период самостоятельного развития. Поэтому мы называем дунгanskий язык именно вариантом китайского языка, распространенным за пределами Китая.

5. Некоторые характерные изменения, присущие дунганскому языку

В последние пятьдесят лет в дунганском языке произошли некоторые изменения, которые не имеют аналогов в северо-западных диалектах. Особенно это касается литературного языка. Более тщательный анализ таких явлений будет возможен только по прошествии некоторого времени. Приведем лишь некоторые примеры.

В системе согласных дунганского языка появилась фонема [r]. Ввиду большого количества заимствований из русского языка эта фонема стала частью фонетической системы, но встречается только в заимствованных словах, например, *метро*, *ветеран* и т.д.

В дунганском языке существует большое количество лексических заимствований из русского языка, которые относятся к разным областям знаний, например, *анализ*, *архив*, *проект*, *клуб*, *юбилей*, *канал*, *лифт*, *орден*, *аэропорт*, *паспорт*, *посольство*, *доктор*, *кандидат*, *президент*.

В дунганском языке есть также заимствования из тюркских языков, в основном из киргизского и казахского, например, *щирдахи* «ковер», *комуз* «комуз» (музыкальный инструмент), *бажа* «свойяк».

Влияние русского языка проявилось и на грамматике. Так, для современного письменного дунганского языка характерны синтаксические конструкции, свойственные русскому языку. Вот несколько примеров, в которых построение фразы калькирует русское и неприемлемо с точки зрения нормативного китайского языка.

1. рус. Вчера меня выписали из больницы
дун. Зүэр ба вэ да бинийянни щечуләли.
букв. перев. Вчера предл я из больница выписать пр.вр.
кит. Zuótān wo chū yuàn le
букв. перев. Вчера я выйти больница част

2. рус. Сейчас мы передаем слово иностранным гостям
дун. Хазыр вәму ба хуа жонги вәгүй ләли ки
букв. перев. Сейчас мы предл речь передать заграница приехать гость
кит. Xiànzài wǒmen qǐng wàiguó kèren shuō huà
букв. перев. Сейчас мы просить иностранный гость говорить речь

Дунганский – самостоятельный язык или вариант ... китайского языка?

Эта особенность дунганского языка отмечалась многими советскими учеными, например, А. Калимов приводит такой пример:

3. рус.	В июле 1943 года я прибыл в город Чернигов
дун.	Да июль 1943 нян во доли город Черниговли
букв. перев.	В июль 1943 год я прибыть <u>пр.вр.</u> город Чернигов <u>част</u>
кит.	1943 nian qī yuè wǒ dàole Qiē' ērnīgēfū chéng
1943 год семь месяц я прибыть <u>пр.вр.</u> Чернигов город
В июле 1943 года я прибыл в город Чернигов.

[Калимов 1957, с.165]

Сейчас в Китае все больше людей проявляют интерес к дунганскому языку. Мы верим, что в дальнейшем появится больше работ, посвященных этой теме, и сотрудничество между российскими и китайскими учеными будет успешно развиваться в этой области.

Автор выражает искреннюю благодарность О.М. Мазо за ценные замечания и поддержку во время написания данной работы.

Литература

- Драгунов А.А., Драгунова Е.А. Дунганский язык // Записки института востоковедения АН СССР. 1937. Т.4.
- Завьялова О.И. Диалект Ганьсу. М., 1979.
- Калимов М. Об особенностях некоторых существительных в дунганском языке // Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР. 1957. Вып. 4
- Мусорин А. Что такое отдельный язык // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск. 2001. №1.
- Цунвазо Ю. Заметки о некоторых модификаторах в дунганском языке // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе. 1964
- Яхонтов С.Е. Китайско-тибетские языки // Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990
- Линь Тао. Чжунъя дунганьюй яньцзю. Гонконг, 2003
- Хай Фэн. Чжунъя дунгань юйянь яньцзю. Синьцзян дасюэ, 2003

A. B. Гладкий

Из воспоминаний о коллегах

По образованию и первоначальным научным интересам я «чистый» математик, но еще с детства меня не меньше, чем математические закономерности, интересовали закономерности языка. И когда в конце 50-х гг. я узнал, что у нас появились лингвисты, стремящиеся выработать точные методы исследования строения языка и осознавшие, что у их науки могут быть точки соприкосновения с математикой, я познакомился с некоторыми из них и начал с ними сотрудничать, одновременно занимаясь с их помощью лингвистическим самообразованием. Новое направление в лингвистике развивалось на моих глазах и даже при моем участии, хотя и довольно скромном. (Я помогал коллегам-лингвистам уточнять понятия и формулировать определения, а со временем у меня появились и собственные лингвистические идеи.) И мне хотелось бы сейчас вспомнить нескольких уже ушедших от нас коллег, которые так или иначе способствовали развитию этого направления. Ведь наука рождается и живет не только благодаря особенно выдающимся ученым, чьи имена упоминаются в учебниках. Она создается коллективным трудом, хотя и не таким, как на фабрике: каждый участник этого труда работает самостоятельно, и для такой работы необходим талант. А в конечном счете в очень многих случаях важны не только и не столько конкретные «достижения» данного участника, сколько его вклад в создание особой атмосферы, без которой развитие науки невозможно. Кроме единичных исключительных случаев, без такой атмосферы не обходились и самые выдающиеся ученыe. Это, конечно, азбучная истина, но о ней слишком часто забывают.

Из воспоминаний о коллегах

Вспомнить мне хочется, естественно, о тех коллегах, которые не только внесли вклад в создание общей атмосферы, но и повлияли на меня самого, хотя степень моего знакомства с ними и с их работами была очень разной.

1. Константин Иосифович Бабицкий

О нем я уже писал: в 1994 г. в «Известиях РАН» (Серия литературы и языка, Т. 53, № 3) вышла небольшая статья «Мастер остается жить (судьба Константина Бабицкого)», написанная совместно Ю. С. Мартемьяновым и мной. (Мог ли я тогда подумать, что мне придется писать воспоминания о Юре Мартемьянове, который был, как и Костя, моложе меня!) Но к тому, что написано в этой статье, мне хотелось бы кое-что добавить. Некоторые повторения будут при этом неизбежны.

Я познакомился с Константином Иосифовичем в 63-м или 64-м году (точнее припомнить не могу), но до этого много слышал о нем от И. А. Мельчука и читал его работы, которые мне очень нравились. Особенno привлекательна была в них ясность и четкость во всем – в постановке вопросов, в ходе мысли, в языке, – нередко соединявшаяся с образностью. Одну из его работ я прореферировал для реферативного журнала «Математика» (в нем существовал тогда раздел, посвященный математической лингвистике и смежным вопросам), и реферат почему-то так понравился автору, что он специально приехал в Новосибирск, чтобы со мной познакомиться. После этого мы встречались едва ли не каждый раз, когда я приезжал в Москву, но по-настоящему подружились позже, уже после его ареста и ссылки.

В ссылке, в поселке Красный Затон под Сыктывкаром, Костю часто навещали московские друзья. Я из Новосибирска ни разу туда не добирался, но у меня завязалась с ним переписка на лингвистические темы. В 1967 г., незадолго до известных событий, резко изменивших жизнь этого многосторонне одаренного человека, вышла его статья «О видах сложности предложений», богатая оригинальными идеями. Меня она

¹ Эти воспоминания опубликованы в «Московском лингвистическом журнале» (2004, Т. 8, № 1.).

А. В. Гладкий

очень заинтересовала, и когда он прибыл к месту ссылки и стала возможна переписка, я стал посыпать ему свои комментарии; он отвечал комментариями к комментариям, за ними следовали комментарии 2-го порядка, и т. д. А так как я на всякий случай писал письма под копирку, у меня образовалась целая папка его и моих писем о видах сложности предложений. Эта переписка нас сблизила, и после его возвращения из ссылки мы встретились в Москве, где я довольно часто бывал, уже настоящими друзьями.

Костина жизнь после ссылки была очень трудной. На прежнюю работу, в Институт русского языка, его, разумеется, не взяли, но и все следующие попытки найти работу в Москве неизменно оканчивались неудачей; иначе и не могло быть, потому что он считал себя обязанным сообщать при поступлении на работу, что выразил протест против ввода советских войск в Чехословакию. Костя готов был заняться и физическим трудом (он давно увлекался ручными работами и в ссылке работал столяром на судоверфи, отказавшись от предложенной ему инженерной должности), но и на такую работу его не брали. Пришлось перебиваться случайными заработками. Например, он вдвоем с одним из своих товарищей построил от фундамента до крыши добротный дом в подмосковном дачном поселке. (Я видел этот дом, когда он был уже почти готов.) И только в 1974 г. его взяли на работу – не в Москве, а в сельской местности под Кинешмой, в музее-усадьбе А. Н. Островского «Щелыково». На самом деле это был прежде всего дом отдыха для театральных деятелей, при котором на правах бедного родственника существовал музей. Но в музее была должность директора, которую недолго до того занял энтузиаст (фамилия его была Бочкин, имени и отчества, к сожалению, не могу припомнить), с большим усердием пополнявший фонды музея и пригласивший на работу нескольких московских интеллигентов, в том числе Костю Бабицкого. Костя поехал туда охотно: он любил тихую, спокойную жизнь, любил уединение, любил северную русскую природу, столичная суeta его утомляла. В музее он числился художником, выполняя на самом деле мелкие ремонтные работы. Купил дом в заброшенной деревне Куряево в 3 км от музея, куда зимой можно было добраться только на лыжах (там оставалось всего

Из воспоминаний о коллегах

три дома, в остальных двух люди жили только летом), перевез туда свои книги и картотеки, обзавелся хозяйством и собирался это хозяйство значительно расширить. И не переставал заниматься наукой. Идеальную жизнь он представлял себе так: «Землю попашет, попишет стихи».

В это время я два раза к нему приезжал – в 1975 и в 1976 г., – и оба эти приезда стали важными событиями в моей жизни. В то время я думал над новым способом описания синтаксических структур; «формальная» часть была уже довольно давно готова, а в решении задачи о принципах лингвистической интерпретации я уже несколько лет не мог сдвинуться с места. Я знал, что о способах описания синтаксических структур думает и Костя, и одинокая изба в лесу посреди благословенной тишины оказалась самым подходящим местом для обсуждения научных проблем. Выяснилось, что его конструкции были очень похожи на мои, и хотя мы пришли к ним разными путями и основная идея лингвистической интерпретации была у него совсем другая, после нескольких дней, проведенных в беседах с Костей, моя работа сдвинулась с мертвой точки, и в следующий приезд я уже смог в общих чертах рассказать ему о ней. Опять мы с утра до поздней ночи говорили о синтаксических структурах, и эти беседы тоже дали мне очень много.

К сожалению, спокойная жизнь продолжалась недолго. Начальство «музея-усадьбы» не любило Бочкова, и в 1977 г. ему пришлось уйти. Вскоре уволили Костю и стали всячески выживать его из Щелыкова. Снова пришлось перебиваться случайными заработками, и вдобавок ко всему сгорел дом. (Не исключено, что его подожгли.) Но уезжать Костя не хотел. Купил дом в другой деревне, еще раз обзавелся хозяйством и продолжал заниматься наукой. В 1980 г. его приняли на работу кочегаром. Но к нему уже подкрадывалась неизлечимая болезнь – синдром Альцгеймера. Жизнь в деревне стала ему слишком тяжела, и в 1984 г. пришлось вернуться в Москву, где он прожил еще девять лет, пытаясь сопротивляться усилившейся болезни.

В кратком очерке может поместиться лишь немногое из того, что хотелось бы мне рассказать об этом самобытном, цельном, независимом и основательном человеке. Вот, пожалуй, самое главное.

Прежде всего: несмотря на то, что идеи К. И. Бабицкого оказали

А. В. Гладкий

большое влияние – в чем я не сомневаюсь – не только на меня, и его лингвистические работы способствовали созданию той атмосферы, о которой я писал выше, уже одним тем, что заметно усиливали тенденцию в сторону ясности и четкости (а ей противостояла тогда довольно сильная противоположная тенденция), его работы не были оценены по достоинству. Главную причину этого я склонен видеть в их оригинальности и самобытности. В науке, как и в жизни, он всегда был «сам по себе», ни за кем не следовал, на кого не оглядывался. Например, в его статье «О видах сложности предложений», о которой я уже упоминал, был предложен новый плодотворный подход к трансформационному описанию синтаксиса предложения, значительно отличавшийся от всех бывших тогда «в ходу» и, вероятно, именно поэтому не получивший широкого отклика. Я убежден, что эта работа не потеряла актуальности и сейчас, и было бы захватывающе интересно заново осмыслить ее, изложить на более современном языке и посмотреть, какие можно вывести из нее следствия. Но кто же возьмется это сделать в эпоху всеобщей спешки и равнения на моду, проявляющегося в науке точно так же, как во всех прочих областях жизни? (Константину Иосифовичу никогда не было дела ни до какой моды; спешки он не выносил, всякую работу делал неторопливо и обстоятельно.)

Лично на меня (думаю, что и на многих других тоже) Константин Иосифович оказал очень большое влияние не только в научном, но и в человеческом плане – прежде всего своим примером, своими человеческими качествами. Главным из них была внутренняя свобода и независимость. Самым ярким проявлением внутренней независимости была гражданская позиция, которую в августе 68-го открыто, решительно и бесстрашно занял этот человек, никогда не стремившийся быть на виду и не имевший ни малейшей склонности к политике и вообще к общественной деятельности. (Потом он никогда об этом не жалел, но и не гордился – для него это было просто естественное поведение.) Но независимость проявлялась и во всех его поступках, в большом и в малом, и не могла не производить сильного впечатления на тех, кто знал его близко.

Не менее впечатляющей была другая его черта – основательность и любовь к порядку. Его кудряевский дом поразил меня тем, как там все

Из воспоминаний о коллегах

было продумано, рассчитано и хорошо приспособлено и для хозяйства, и для научных занятий. Все было сделано собственными руками, и сделаноочно, добротно. Для каждого хозяйственного дела у него была своя «методика», благодаря чему он, никогда не торопясь, успевал со всем управляться. Нечего и говорить, что та же основательность и упорядоченность чувствовалась в его научных работах.

А кроме всего прочего – Костя был очень мудрым человеком. Во всех его суждениях проявлялась та же самобытность и независимость, и беседы с ним заставили меня о многом задуматься. Таких бесед «о жизни» было немало и в Кудряеве, и в Москве, и в Якутске: там мы с ним летом 1972 г. участвовали в работе самодеятельной «стройбригады», ремонтировавшей столовую (возглавлял ее бывший учитель новосибирской физматшколы, уволенный в 1968 г. за подписание письма в защиту Гинзбурга и Галанского и зарабатывавший разными оригинальными способами, в том числе организацией «стройбригад»; в 1972 г. ему пришло в голову набрать бригаду из рафинированных интеллигентов).

В заключение вернусь к демонстрации 25 августа 1968 г. Тогда многие убежденные противники режима считали ее бессмысленной: разве может иметь какое-нибудь политическое значение демонстрация, продолжавшаяся не больше пяти минут, в которой участвовали всего семь человек? Но со временем стало ясно, что на самом деле значение ее в истории страны было очень велико. За полвека тоталитарного правления в души людей глубоко проник страх перед всемогущей и вездесущей карательной системой; он приобрел силу инстинкта, и даже люди, проявившие подлинную храбрость и мужество на поле боя, боялись карательной системы не меньше других. Конечно, после смерти Сталина карательные органы уже не так чудовищно свирепствовали, но в середине 60-х началось новое «завинчивание гаек». И вот в такой обстановке все увидели: есть люди, которые не боятся. Сначала их было всего семеро, но они подали пример другим. В этом и состоит историческое значение дня 25 августа: он стал началом конца эпохи всеобщего страха. Тогда этого никто предвидеть не мог, но, вспоминая сейчас Костю, мы не должны забывать, что он был одним из первых людей в нашей стране, переставших бояться всемогущей власти.

2. Феликс Абрамович Дрейзин

После появления точных методов описания синтаксической структуры предложения стало возможно, в частности, систематическое изучение синтаксической омонимии. (Раньше в грамматиках и лингвистических работах отмечались лишь отдельные случаи этого широко распространенного явления, и не было никаких попыток их обобщить.) Первыми лингвистами, начавшими изучать синтаксическую омонимию как самостоятельную проблему, были Л. Н. Иорданская и Ф. А. Дрейзин.

С Феликсом Дрейзином я познакомился в начале 1963 г. Незадолго до того в нескольких советских университетах возникли отделения «математической лингвистики» и «машинного перевода». В Москве было собрано совещание по вопросам преподавания математики лингвистам, и я тоже на него приехал. В перерыве ко мне подошел незнакомый молодой человек и попросил прочесть его статьи, напечатанные в трудах Ташкентского университета. Это был Феликс Дрейзин. Я прочел его работы в тот же день, хотя вообще читаю медленно: они были посвящены интересовавшим меня вопросам синтаксиса и очень ясно написаны. Он рассказал мне, что собирается поступать в аспирантуру в Москве и хотел бы потом работать в Новосибирском университете, где я тогда неофициально руководил очень маленьким отделением математической лингвистики. Не только его работы, но и он сам произвел на меня очень хорошее впечатление, и мы договорились, что будем поддерживать связь, а ближе к окончанию срока его аспирантуры я начну «пробивать» его кандидатуру в НГУ.

«Пробить» ее в 66-м г. оказалось не просто, хотя преподаватель лингвистических дисциплин был нам очень нужен. (В 1964/65 учебном году их преподавала Л. И. Богораз, а после ареста ее мужа Ю. М. Даниэля она вернулась в Москву.) Но все же это удалось, и в сентябре 1966 г. Феликс начал преподавать в НГУ. Мы быстро подружились. Как раз в то время я пережил тяжелый кризис, и не знаю, что со мной было бы, если бы не его поддержка. Он много рассказывал о себе. Родился он на Северном Кавказе, а в 1939-м их семья – отец, мать, четырехлетний Феликс и совсем маленькая сестренка – перебралась в Ташкент. Детство

Из воспоминаний о коллегах

у него было очень трудное. Мать долго болела и рано умерла, отец был тяжелый невротик. Только когда отец после нескольких лет вдовства женился на женщине из простой семьи – Феликсу было тогда 15, – стало немного полегче. «Только тогда мы с сестрой узнали вкус борща» – рассказывал он. Но он хорошо учился, способности у него были прекрасные, все ему было интересно. Об учителях он не рассказывал, за одним исключением – у него была очень хорошая учительница литературы. (Хорошие учителя не были редкостью в те времена.) И его школьная подготовка оказалась вполне достаточной, чтобы поступить на филологический факультет МГУ (на русское отделение). Сначала он собирался заняться литературоведением – особенно интересовало его творчество Достоевского, – но скоро понял, что там идеологические рамки чересчур стеснительны. И как раз тогда возникла «точная лингвистика», которая его сразу увлекла – точное мышление было близко ему по складу ума.

Еще студентом Феликс женился на своей однокурснице и после окончания университета поступил на работу в один из московских НИИ, где занимались автоматической переработкой языковой информации. Но довольно скоро семья распалась; Феликс уехал в Узбекистан и несколько месяцев преподавал русский язык и литературу в узбекской школе в каком-то кишлаке. Он хорошо владел узбекским языком, и ему легко было разглядеть феодальные порядки, господствовавшие не только в колхозе, но и в школе. Порядки эти были ему невыносимы; он вернулся в Ташкент, и его приняли на работу в университетский вычислительный центр. Там он мог спокойно заниматься лингвистикой, но очень не хватало научной среды.

В Новосибирске Феликс прожил два года, и за это время я успел хорошо его узнать. Это был многосторонне одаренный и очень яркий человек. Не получив систематического математического образования, он тем не менее читал монографии по математической логике и теории алгоритмов, рассчитанные на специалистов, понимал там все и замечал неточности. (Особенно ярко его математические способности проявились при изучении семантики Монтегю – об этом я еще скажу.) Блестящие способности были у него к изучению языков. В Ташкенте можно было спокойно жить, не зная ни слова по-узбекски, что и делали почти

А. В. Гладкий

все тамошние русские, а Феликс не только овладел этим языком практически, но основательно изучил его грамматику и преподавал его потом в НГУ. (Учебный план, который составили мы с И. А. Мельчуком, – за все время существования отделения он так и не был утвержден никакой официальной инстанцией, – предусматривал обязательное изучение хотя бы одного неиндоевропейского языка.) Позже он очень быстро овладел армянским, потом ивритом (после четырех месяцев пребывания в учебном центре для репатриантов в Израиле ему предложили остаться там в качестве преподавателя языка), потом выучил древнегреческий, и это далеко не все. Очень любил музыку и живопись, салмоушкой выучился играть на фортепиано, был очень эрудирован и очень многим интересовался. Но самое большое впечатление производила на меня тщательность, с которой Феликс готовился к занятиям. Он мог сидеть над одной лекцией несколько дней, поднимая гору литературы.

Характер у Феликса был такой же независимый, как у Кости Бабицкого, но в остальном их характеры были противоположны. Феликс был импульсивен, скор на решения, часто совершал опрометчивые поступки, легко наживал себе врагов. Трудно сказать, сколько времени продержался бы он в НГУ, если бы не письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова, которое весной 1968 г. подписали в новосибирском Академгородке 46 человек – научные сотрудники, преподаватели и аспиранты. Мы с Феликсом были в их числе. С «подписантами» расправлялись по-разному в зависимости от их статуса и отношения к ним начальства и коллег. Научных сотрудников заставляли в той или иной форме каяться; сделали это не все, и не всех нераскаявшихся уволили (меня, например, в Институте математики оставили в покое). Но преподавателей университета и физматшколы выгнали с работы всех, даже не ставя вопроса о покаянии: преподавание любого предмета считалось идеологической работой. (Когда на заседании совета факультета Феликсу объявили о предстоящем увольнении и он спросил, по какой статье кодекса законов о труде, председатель совета В. А. Аврорин – член-корреспондент АН СССР, крупный специалист по тунгuso-манчжурским языкам – ответил: «Найдем статью!». Как тут было не вспомнить определение тоталитарной системы – принадлежащее тому же Феликсу – как

системы, в которой любое учреждение может выполнять карательные функции.)

Новая работа для Феликса нашлась в Ереване, в вычислительном центре Академии наук Армении. Это был не первый случай, когда там брали на работу «неблагонадежных». Армения ему очень нравилась, но в лаборатории, куда он попал, атмосфера была затхлая – «местечковая», как он говорил, – никакой серьезной работой там не занимались, а зав. лабораторией навязывался Феликсу в соавторы. Подлаживаться к этой атмосфере он не мог и не хотел; вскоре отношения с коллегами по лаборатории стали напряженными. Долго выдержать этого он не смог и через три года вернулся в Новосибирск, но уже не в Академгородок. (За несколько месяцев до отъезда в Ереван Феликс во второй раз женился; жена поехала с ним, но года через полтора они разъехались, а еще через полтора года съехались снова.) Там он прожил еще два года, перебиваясь случайными заработками, а в 1973 г. уехал в Израиль – один, жена уезжать из Союза не захотела. С тех пор мы больше не виделись, и знал я о его жизни только по письмам. Но письма его, часто довольно длинные, были великолепны. Феликс был очень умен и очень наблюдателен, и у него был несомненный литературный талант. Известный московский лингвист, с которым он дружил, говорил ему: «Когда мне будет нечего есть, я издам твои письма».

Найти работу в Израиле оказалось трудно. Один советский лингвист, приехавший туда раньше и успевший получить место профессора, постарался заранее настроить против Феликса всех, от кого это могло зависеть. (Главный его довод состоял в том, что «Дрейзин принадлежит к школе Мельчука», которую этот человек ненавидел. Это было неверно, но я подозреваю, что был и другой мотив: как-то раз в Москве мы с Феликсом попали на его доклад, весьма претенциозный и совершенно бессодержательный, и без обиняков высказали свое мнение. Я остался вне пределов его досягаемости, а Феликсу он получил возможность отомстить.) В конце концов его взяли в некий «религиозный университет» – не на преподавательскую работу, а в исследовательскую лабораторию. Там была такая же «местечковая» атмосфера, как в Ереване, и опять начальник навязывался в соавторы. Само собой, Фе-

А. В. Гладкий

ликс недолго продержался и там. Он уехал с семьей в Лондон (в Израиле он в третий раз женился – кажется, очень удачно) и год работал переводчиком и диктором русской службы Би-Би-Си. Там его ценили и относились к нему хорошо, Лондон ему нравился, но работа – нудная, изматывающая, рассчитанная по секундам и состоявшая почти исключительно в спешном переводе и чтении чужих материалов, написанных в такой же спешке, – была не по нему. Он подал на конкурс на преподавательскую должность на кафедру славистики Эдмонтонского университета в Канаде и был принят. Второй и последний раз в жизни Феликс получил возможность преподавать лингвистические дисциплины в университете.

Именно в это время возникла вторая и последняя наша с ним совместная работа. (Первая – подробная рецензия на книгу Н. Д. Андреева «Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании» – была написана в 1967 или 1968 г. и напечатана в «Известиях АН СССР».) Еще до переезда в Канаду Феликс начал знакомиться с работами представителей возникшей в 70-е годы в Америке лингвистической школы, пользовавшейся чрезвычайно сложным аппаратом формальной семантики Монтея, основанным на интенсиональной логике. У него возникло подозрение, что предмет их занятий мало связан с естественным языком, и он стал изучать этот аппарат с целью «разоблачить» не понравившееся ему направление. Результат оказался неожиданным: разбравшись в аппарате формальной семантики, он написал мне: «Я ее признал». Вскоре после того он написал, пользуясь «монтеистским» аппаратом, статью о семантике русского отрицания и стал присыпать мне, один за другим, варианты этой статьи (он постоянно перерабатывал и дорабатывал ее), сопровождая их одной и той же просьбой: присоединиться к его работе. Но я не владел аппаратом и не мог даже прочесть статью. Наконец – это было, если не ошибаюсь, в 1978 г. – в Калинин, где я тогда работал, переехал А. Я. Диковский, уже в значительной степени освоивший этот аппарат, и мы устроили маленький семинар по изучению работ Монтея. В семинаре участвовали также М. И. Канович – очень сильный математик, первоклассный специалист по математической логике, – и еще двое или трое коллег, тоже ло-

Из воспоминаний о коллегах

гики. Работали мы ровно год, и только тогда я оценил в полной мере математические способности Феликса: он овладел этим сложнейшим аппаратом в одиночку, без всякой посторонней помощи! Когда я разобрался, наконец, в работе об отрицании, она мне очень понравилась. Тема была мне очень близка – как раз тогда я много думал о семантике «логических слов» естественного языка, – и мне сразу захотелось «включиться». Живое обсуждение было невозможно, оставалось написать еще один вариант и послать Феликсу. Так как посыпал по почте за границу рукописи научных работ не разрешалось, я писал письма (разумеется, от руки), начинавшиеся примерно так: «Дорогой Феликс! Размышляя о твоей статье, я подумал, что...» и таким образом по частям переспал весь текст. Перерабатывать статью дальше Феликс не захотел и опубликовал ее в том виде, какой она приобрела после моей переработки, в *Wiener Slawistischer Almanach* (Bd. 11, 1983). Я кое-что уточнил, кое-что видоизменил, кое-что добавил, но все главные идеи и конструкции этой работы принадлежат Феликсу. Одно из самых существенных изменений состояло в том, что все формулы интенсиональной логики я перевел на русский язык и снабдил статью приложением, содержавшим параллельное «формульное» изложение. Впрочем, я сомневался, стоит ли его включать в статью, и отдал решение этого вопроса на усмотрение соавтора, а он предпочел не включать.

Эта работа, к сожалению, осталась в нашей стране почти неизвестной: выпуск альманаха, в котором она появилась, был посвящен И. А. Мельчуку (по случаю его 50-летия), и в тех немногих советских библиотеках, которые его получили, он попал в спецхран – не по политическим соображениям, а из-за весьма фривольной статьи о юбиляре А. К. Жолковского. (Научного содержания эта статья не имела; не будучи сторонником цензуры, я все же думаю, что подобные сочинения следует публиковать не в научных изданиях, а где-нибудь еще.) Но ранние работы Феликса, посвященные явлению проективности, и в особенности его работы о синтаксической омонимии сыграли немалую роль в развитии формальной теории синтаксиса в СССР. Работая над разделом о синтаксической омонимии книги о синтаксических структурах, я постоянно обращался к его исследованиям.

А. В. Гладкий

О дальнейшей жизни Феликса я знаю не очень много. В Эдмонтоне он тоже пришелся не ко двору – его невзлюбил заведующий кафедрой. Подробности мне неизвестны, но во всяком случае после истечения первого срока его не переизбрали на следующий. (Потом я стороной узнал, что ему предпочли другого эмигранта из России, бывшего певца, вряд ли имевшего раньше какое-нибудь отношение к науке.) Феликс с семьей (у него были уже два сына) перебрался в США и поступил на работу в какое-то учреждение, занимавшееся автоматическим переводом или автоматическим анализом текстов. В это время наша переписка прервалась, и дальше я узнавал о нем только из третьих рук. Главное, что мне рассказывали о его последних годах – что неприятностей стало еще больше. По-видимому, нервы его все больше расшатывались, а потом обнаружилась запущенная болезнь сердца, от которой он скончался в возрасте пятидесяти одного года.

Остается сказать еще несколько слов о характере Феликса. Я уже сказал, что он легко наживал себе врагов. Но он вовсе не был охотником до ссор и конфликтов. Просто у него была обостренная чувствительность к непорядочности, фальши, пустопорожнему важничанью, которая не могла не проявляться так или иначе, хотел он этого или нет. «Устраиваться» и приспособливаться у него не было ни склонности, ни умения. Не все нравилось ему и в нашем кругу; на некоторых его деятелей он писал меткие и язвительные эпиграммы. (Не знаю, показывал ли он их кому-нибудь, кроме меня.) А к нему в этом кругу установилось несколько ироническое отношение (почему, не знаю; может быть, из-за его склонности к самоиронии), и его это обижало, но вида он не показывал. И вообще Феликс не открывал свою душу окружающим. Большинству он казался легким, беззаботным, даже легкомысленным человеком; даже от его друзей можно было услышать невероятно преувеличенные рассказы о его эксцентрических выходках. На самом же деле это был человек тончайшей душевной организации, постоянно размышляющий, глубоко чувствующий и ранимый. Мне он был очень дорог, и очень хотелось бы рассказать подробнее, какой это был замечательный человек, но такая задача мне, увы, не по силам.

3. Сергей Яковлевич Фитиалов

Как и я, Сергей Яковлевич был одним из тех математиков, которые в конце 50-х и начале 60-х гг. пришли на помощь лингвистам, занявшимся автоматическим переводом и стремившимся выработать точные методы исследования языка. Он работал и над теоретическими, и над прикладными задачами. От прикладных задач я всегда был далек, но теоретические исследования С. Я. относились к области, в которой работал и я – теории синтаксических структур. Одновременно с И. Лесерфом и М. И. Белецким и независимо от них он ввел понятия *проективности* и *слабой проективности*, и именно ему принадлежат те формулировки определений этих понятий, которые стали потом общепринятыми. Он же предложил очень удобную точную меру «громоздкости» синтаксической структуры, которую я назвал впоследствии степенью гнездования дерева подчинения.

До 1969 г. я знал С. Я. почти исключительно по работам. В Ленинграде, где он жил, я бывал редко и встречал его только несколько раз на конференциях. А в 1969 году он написал мне, что хотел бы переехать в Новосибирск. (Потом я узнал, что он пережил тяжелый кризис, потом подружился с очень хорошей девушкой, они решили пожениться, но в Ленинграде им негде было жить.) Это было очень кстати: университетское начальство после «письма сорока шести» не благоволило к отделению математической лингвистики, набор был прекращен, и единственным способом продлить хотя бы на какое-то время его существование было предложить кандидатуру нового руководителя, не замеченного в неблагонадежных поступках. Не помню уже каким образом, но мне удалось договориться с начальством о возобновлении приема при условии смены руководителя, и я с большим удовольствием передал руководство С. Я. (Впрочем, никакой официальной должности руководителя отделения не существовало.) Ему дали маленькую однокомнатную квартиру; вскоре приехала его невеста

Наташа, они поженились, и у них родился сын Ваня.

И С. Я., и Наташа были мне очень симпатичны, и я часто заходил к ним на чашку чаю. У них было как-то особенно тепло и спокойно. Начав

А. В. Гладкий

сейчас писать о С. Я., я задумался – почему с ним было так хорошо? Прежде всего, у нас были одинаковые представления о жизни – о том, как надо жить. (На такие темы мы никогда не говорили, но это было само собой ясно из самых обыденных разговоров, а понял я это только сейчас, когда стал вспоминать.) Наши научные интересы во многом пересекались. К тому же С. Я. был интересным собеседником (и хорошо пел, аккомпанируя себе на гитаре). Но важнее всего было, наверное, то, что он был настоящим интеллигентом, без малейшей доли снобизма и научного карьеризма. (Того и другого в «ученой» среде Академгородка было предостаточно.) Когда Феликс Дрейзин вернулся в Новосибирск, я привел его в гости к Фитиаловым; мы провели вчетвером чудесный вечер, а когда мы с Феликсом попрощались с хозяевами и вышли на улицу, Феликс в восторге воскликнул: «Старый русский интеллигент!»

В то время я работал над книгой о формальных грамматиках и языках и часто делился с С. Я. возникавшими у меня соображениями и вопросами. У него тоже возникали по поводу моей книги разные соображения и вопросы; одна из теорем, вошедших в 7-ю главу книги, была ответом на вопрос, поставленный С. Я. Сам он также интенсивно работал; в Новосибирске он завершил работу над кандидатской диссертацией (и там же ее защитил).

В 1972 г. Фитиаловы вернулись в Ленинград. С. Я. был принят на работу в университет и получил квартиру в Старом Петергофе; там у них родилась дочка Лена. В том же году уехал из Новосибирска и я; наездая изредка в Ленинград из Калинина и потом из Москвы, я каждый раз находил время добраться до Старого Петергофа, и там было так же хорошо, как когда-то в маленькой квартирке в Академгородке. Но в начале 90-х у меня неожиданно возникло множество новых дел и забот – такого рода, каких прежде невозможно было себе представить; наезды в Ленинград стали реже и короче, и добираться до Фитиаловых стало некогда. А в 2000 г. пришло известие о смерти С. Я. И как же я жалею теперь, что потерял связь с ним в последние годы!

4. Борис Викторович Сухотин

Несмотря на то, что я знал Бориса Викторовича, в сущности, мало и наши научные интересы непосредственно не пересекались, я вспоминаю его как одного из тех, кто оказал на меня в научном и человеческом плане ощутимое влияние. Меня всегда особенно привлекали люди, которые идут своей дорогой, ни на кого не оглядываясь, ни к кому не примыкая и не возглавляя никакого «движения». Таковы были Ю. С. Мартемьянов и К. И. Бабицкий, и таков же был Б. В. Сухотин, у которого эта черта проявлялась особенно ярко – у него была в лингвистике собственная ниша, его работы сильно отличались от всех других известных мне лингвистических исследований и в отношении предмета, и в отношении метода.

Когда я прочел его первую статью о лингвистической дешифровке, мне прежде всего бросилась в глаза чрезвычайная ясность мысли и, в частности, ясное представление о границах возможностей математического моделирования фактов языка. Сильное впечатление произвело также свободное владение математическим аппаратом, значительно более сложным, чем тот, который использовали другие «новые лингвисты». При этом аппарат был в точности такой, какой был строго необходим для решения поставленной задачи, без всяких «математических излишеств», нередко встречавшихся в работах лингвистов, недавно познакомившихся с началами некоторых математических дисциплин, не входивших в школьную программу. А важность задачи, которую он поставил, не вызывала сомнений. Эта статья, как и следующие работы Б. В. о лингвистической дешифровке, была убедительным свидетельством того, что лингвистика может стать в определенных четко выделяемых пределах точной наукой, не переставая при этом быть наукой гуманитарной.

Сейчас я не могу припомнить, когда и как познакомился с самим Б. В. и было ли это до или после знакомства с его работами. Но хорошо помню, что мы с ним много беседовали о лингвистической дешифровке (и не только о ней) в Москве и в Новосибирске, куда он приезжал в командировку, и разговаривать с ним всегда было очень инте-

А. В. Гладкий

ресно. Когда он попросил меня выступить в качестве официального оппонента на защите его кандидатской диссертации, я, разумеется, охотно согласился и быстро написал отзыв. Диссертацию Б. В. успешно защитил в конце 1966 или начале 1967 г., но я на защите не был: что-то неожиданное,— не помню точно, что,— помешало мне приехать в Москву.

После этого я виделся с Б. В., к сожалению, редко. Последний раз мы случайно встретились, если не ошибаюсь, в 1987 г. в Ленинской библиотеке и долго разговаривали. А в 1991 г. я узнал о его смерти. Ему было 54 года.

5. Исаак Иосифович Ревзин

В моей научной биографии И. И. Ревзин занимает совершенно особое и притом очень важное место. Среди лингвистов, с энтузиазмом взявшись в конце 50-х за изучение математики, он был одним из самых старших. Одним из главных его научных интересов, наряду с теорией перевода, было математическое моделирование естественного языка — направление, начало которого было положено работой О. С. Кулагиной, опубликованной в 1958 г. в первом выпуске «Проблем кибернетики». В 1962 г. вышла его книга «Модели языка». Увидев ее в книжном магазине, я ее купил, но читать не стал: уже при беглом просмотре было видно, что она изобилует ошибками. Видно было, однако, и то, что в ней есть интересные идеи, хотя автор не сумел их должным образом реализовать. А вскоре в новосибирский Институт математики, где я тогда работал, пришло официальное письмо из Института славяноведения с просьбой дать отзыв о книге И. И. Ревзина «Модели языка», представленной в качестве диссертации на соискание степени доктора филологических наук. (Незадолго до того при защите диссертаций стали требовать, кроме отзывов оппонентов, отзыв «ведущей организации» с двумя подписями — руководителя организации и рецензента.) Написать отзыв было поручено мне, и тут уж пришлось прочесть книгу внимательно. Отзыв получился совершенно уничтожающий. Но когда я показал его директору института Сергею Львовичу Соболеву, он сказал: «Я такой отзыв не подпишу. Если вы считаете, что книга не годится в

Из воспоминаний о коллегах

качестве докторской диссертации, – дайте отрицательный отзыв, но не в таком тоне. Кроме того: вы признаете, что в работе есть и положительные стороны, есть интересные идеи – скажите о них подробнее. Может быть, стоит дать автору шанс развить их и изложить аккуратно, чтобы в итоге получилась полноценная диссертация?» Подумав, я понял, что Соболев прав, и переработал отзыв, сохранив при этом все замечания, касавшиеся конкретных ошибок.

Через три или четыре месяца во время конференции в Москве И.И. Ревzin представился мне (раньше мы не были знакомы) и сказал, что хочет поговорить о моем отзыве. После заседания мы долго разговаривали. Начало разговора не сулило ничего хорошего: он был уверен, что на самом деле ошибок в книге нет, на все мои замечания у него были опровержения, и я не надеялся, что его удастся переубедить. Но это удалось: И. И. понял все мои объяснения и признал несостоятельность своих опровержений. Расстались мы дружелюбно, обменялись адресами, и с тех пор И. И. стал присыпать мне рукописи своих работ по математическому моделированию языка. Я внимательно читал их, критиковал, указывал ошибки (которых, впрочем, было теперь несравненно меньше – автор стал работать гораздо более тщательно). Через некоторое время он представил новую диссертацию; ее опять послали в новосибирский Институт математики, и я с чистым сердцем написал положительный отзыв.

В каком году И. И. защитил диссертацию, я точно не помню – кажется, в 1965-м. Но хорошо помню, что именно в 1965 г. прочел рукопись его новой книги «Метод моделирования и типология славянских языков» (опубликована она была в 1967 г.), и среди предложенных в ней моделей две показались мне особенно интересными: модель синтаксической структуры предложения и модель грамматических категорий падежа и рода. Обе они были набросаны «широкими мазками», и синтаксические связи не отделялись в них от линейного порядка слов (что вообще было характерно для большинства работ раннего периода развития «формальной лингвистики»). Мне к тому времени необходимость разделения этих отношений была уже ясна, и внезапно, как бывает и при решении математических задач, в голове возникли идеи конструк-

А. В. Гладкий

ций, которые можно было получить, отправляясь от набросков Ревзина, если рассматривать синтаксические связи и линейный порядок раздельно. Своими соображениями я тут же поделился с И. И. – он был тогда в командировке в Новосибирске. Одна его фраза мне запомнилась: когда я сказал, что разработка конструкций, необходимых для формального определения понятий падежа и рода существительного, займет, вероятно, несколько лет, он заметил: «Если бы у меня была такая идея, я бы сразу опубликовал».

Сокращенный вариант моей статьи о формальном определении понятий падежа и рода существительного вышел в 1969 г. в «Вопросах языкоznания», полный – в 1973 г. в сборнике «Проблемы грамматического моделирования» под ред. А. А. Зализняка. Определением рода я больше не занимался, а о падеже продолжал думать, так как первоначальная конструкция меня в ряде отношений не удовлетворяла. В 1973 году возникла идея усовершенствованной конструкции; потом я время от времени к ней возвращался, обдумывал, несколько раз рассказывал в самых разных аудиториях, но опубликовать решился только в 1998 году. Работа над другой конструкцией – новым аппаратом для описания синтаксической структуры предложения, который я назвал системами синтаксических групп, – тоже продолжалась долго. Первое изложение ее «математической части» появилось в 1969 г. в будапештском продолжающемся издании «Computational linguistics». Лингвистическая часть долго не поддавалась – об этом я рассказал выше. Первое ее изложение вышло в 1980-1981 гг. в дебреценском журнале «Slavica»; потом обе части вошли в мою книгу «Синтаксические структуры естественного языка в системах автоматизированного общения».

О научном значении этих конструкций судить, разумеется, не мне, но в моих научных занятиях (не только лингвистических) они стоят, по моему субъективному ощущению, на первом месте. И я никогда не забывал, что идеями обеих конструкций обязан И. И. Ревзину. (Благодарен я, само собой, и С. Л. Соболеву – если бы не он, разговор с И. И., скорее всего, или не состоялся бы, или кончился бы совсем иначе.)

Исаак Иосифович умер в 1974 году в результате осложнения после операции, прожив всего 50 лет. И вот о чем я часто думаю, когда его

Из воспоминаний о коллегах

вспоминаю. Некоторые лингвисты того круга, с которым я сблизился в начале 60-х гг., не принимали его работ по моделированию всерьез и смеялись над ними. Главным предметом насмешек, иногда довольно злых и притом публичных, были те же злополучные «Модели языка». Нетрудно себе представить, как И. И. от этого страдал. Между тем в те годы появлялось немало лингвистических работ куда более низкого уровня с использованием или претензиями на использование формального аппарата, но ни одна из них не вызывала подобной реакции. В чем тут дело, я, честно говоря, не понимаю; могу высказать только одну гипотезу: некоторые особенности стиля И. И. делали его формулировки удобным объектом для пародирования.

Говорят, что работы И. И. были неглубокими, поверхностными. Доля истины в этом есть: ему не хватало гармонии между «генератором» и «селектором»,² эффективность второго уступала производительности первого, и в результате нетривиальные идеи часто терялись среди тривиальных. Но мне представляется гораздо более важным тот факт, что нетривиальные идеи у него были. При этом он был лишен тщеславия и обладал не часто встречающимся в «ученом мире» умением признавать свои ошибки. Все это, по моему убеждению, дает основание считать, что он сыграл далеко не последнюю роль в создании той особой атмосферы, о которой я говорил в начале этих воспоминаний.

² На важность гармонии между «генератором» и «селектором» первым обратил внимание, по-видимому, И. А. Мельчук. С достоверностью могу утверждать, впрочем, только то, что сам я воспринял эту идею от него.

**Борис Дмитриевич Тихомиров
(25.05.1933-07.08.1999)**

7 августа 1999 г. мы простились с Борисом Дмитриевичем Тихомировым – человеком, чье имя хорошо известно отечественным и многим зарубежным исследователям в области автоматизации чтения текстов и машинного перевода; человеком, заслужившим глубокое уважение всех, кто жил и работал рядом с ним, как своим творческим отношением к работе – нередко требовавшей от него неординарных научных решений и самоотверженной организационной деятельности, – так и своими высокими человеческими качествами.

Борис Дмитриевич Тихомиров родился в Москве 25 мая 1933 г. После семилетки он поступил в Энергетический техникум и в 1953 г. закончил его с отличием, что позволило ему без экзаменов поступить на физ-фак МИФИ. В институте появился в это время новый для тех лет факультет электронно-вычислительной техники, на который вскоре и перешел Борис Дмитриевич. После его окончания в 1959 г Борис Дмитриевич был направлен по распределению на московский завод счетно-аналитических машин (САМ), где проработал около семи лет, вначале в должности инженера, с 1962 г. – в должности заведующего лабораторией. Он участвовал как в создании аппаратного обеспечения для электронно-вычислительной техники, прежде всего транзисторных запоминающих устройств, так и в разработке программных средств для автоматического чтения текстов.

В 1966 г. Борис Дмитриевич перешел в Конструкторское бюро промышленной автоматики, где стал вплотную заниматься проблема-

Борис Дмитриевич Тихомиров

ми распознавания образов. Основным предметом его разработок этого периода было участие в создании читающего автомата «Север-3», а затем оптического читающего устройства ЕС-5035. В этих рамках он создавал методы и алгоритмы основных этапов идентификации письменных знаков, в том числе рукописных.

В 1968 г. Б.Д.Тихомиров защитил диссертацию на соискание ученой степени канд. технических наук по теме «Исследование и разработка универсальной системы автоматического чтения текстов при машинной обработке научно-технической информации» и был переведен с должности старшего инженера КБПА на должность старшего научного сотрудника, а с 1971 г. стал начальником лаборатории математического обеспечения. К этому времени относятся такие его работы в области методологии распознавания образов, как создание интерактивного алгоритма построения плоскости, разделяющей два множества; описание изображений рукописных цифр с помощью сегментов и их отношений; разработка цифровых методов для вычисления меры сходства в процессе автоматического чтения, методов построения многослойной системы эталонов для читающего устройства, методов анализа контурных изображений, использования систем признаков при их классификации и др.

В 1974 г. Борис Дмитриевич перешел на работу во Всесоюзный центр переводов (ВЦП) при ВНИТИ и ГКНТ СССР в качестве заведующего лабораторией математического обеспечения машинного перевода (МП), затем в 1980-1981 г. работал заместителем директора ВЦП, после чего вернулся к руководству лабораторией математического обеспечения МП, а в 1989 г. возглавил Отдел машинного перевода ВЦП.

Б.Д.Тихомирову принадлежит около 60 научных публикаций, в том числе на английском и немецком языках. Однако основные научные достижения Бориса Дмитриевича содержатся не в текстах его статей и отчетов, а в созданных им самим или под его руководством программных продуктах.

Б.Д.Тихомиров дал новую жизнь системе англо-русского машинного перевода АМПАР, начало разработкам которой было положено еще И.К. Бельской – автором первого отечественного эксперимента по МП 1955 года. В 1974-1978 гг. вместе со своими сотрудниками Борис Дмит-

Л.В. Драмбян, О.Б. Малевич, Е.К.Семенова, З.М.Шаляпина

риевич создал математическое обеспечение системы АМПАР для современных ему компьютеров, которое получило высокую оценку специалистов в области МП, в том числе зарубежных. В частности, Кристиан Буате, руководитель гренобльской Группы исследований по автоматического перевода GETA, посетивший ВЦП в конце 80-х гг. и подробно ознакомившийся с математическим обеспечением данной системы, отметил, что ряд реализованных в ней решений настолько удачны и оригинальны, что их имеет смысл использовать в разработках GETA.

Одним из важных достижений Б.Д. Тихомирова явилась реализация так называемого языка стандартных операторов в системе АМПАР, который задает инвентарь основных типов лингвистических операций, требуемых при анализе и преобразовании текстовых цепочек и позволяет разработчикам лингвистического обеспечения системы задавать в этих терминах сколь угодно сложные процедуры обработки различных грамматических конструкций и лексических сочетаний. Он предложил также исключительно удачный вариант мнемоники для языка стандартных операторов, идеи которой были в дальнейшем использованы при разработке экспериментальной системы японско-русского автоматического перевода ЯРАП. На мнемонику данного типа опирается язык ЯЗОП/пп для описания процедур предпереводческой обработки как средства обеспечения аварийного анализа и начального этапа межъязыкового перехода в этой системе.

К числу научных результатов Б.Д.Тихомирова относится также создание многоцелевого программного и технического обеспечения для автоматического словаря, рассчитанного на использование одновременно как в системе МП, так и человеком-переводчиком, и разработка на этой основе автоматизированного рабочего места переводчика. В этих рамках Борис Дмитриевич, в частности, исследовал принципиальные возможности использования блоков интер- и постредактирования при промышленном МП и, в частности, разработал программную реализацию модуля интерредактирования в системе АМПАР.

В 80-е годы Б.Д. Тихомиров начал новый перспективный проект – построение многоязычного семейства систем машинного перевода СПРИНТ, в которое должны были войти, помимо англо-русской, также

Борис Дмитриевич Тихомиров

русско-английская, немецко-русская и японско-русская системы. Под его руководством был разработан комплекс программно-технологических средств для построения такого семейства систем. В том числе в рамках работ по созданию японско-русской системы, которые велись в тесном сотрудничестве с Институтом востоковедения РАН, Борис Дмитриевич разработал оригинальные программные и лингвистические средства для ввода и отображения на экране компьютера текстов, содержащих символы восточных письменностей. Им была впервые создана система формализованного описания японской графики, позволявшая вводить знаки японского письма не только специалистам, знакомым с японским языком и с методами классификации японских иероглифов и знаков слоговых азбук, принятыми для их упорядочения и поиска в словарях, но и пользователям, которые не обладают никакими предварительными знаниями в этой области и воспринимают японские графические символы только как сложное переплетение линий.

Исследуя принципиальные особенности применения машинного перевода в системе научно-технической информации и информационного обслуживания, Б.Д. Тихомиров использовал результаты своих исследований и в качестве материала для математического моделирования семиотических процессов вообще.

Сама тематика научных и инженерных разработок Б.Д. Тихомирова показывает, что он никогда не был исследователем-одиночкой: задачи, которыми он занимался, требовали согласованных усилий многих специалистов. И одно из важных качеств Бориса Дмитриевича – это умение работать в коллективе и с коллективом. Он умел так поставить задачу и разбить ее на отдельные модули, что самостоятельные действия каждого сотрудника естественным образом сливались в общий результат. Четкое аналитическое мышление, целеустремленность и прекрасные организаторские качества Б.Д. Тихомирова дополнялись и усиливались и такими его свойствами, как жизнерадостность перед лицом трудностей, способность в зародыше погасить возможный конфликт, шуткой снять намечающееся напряжение, вдохнуть веру в свои силы. Каждый мог обратиться к Борису Дмитриевичу со своими проблемами, зная, что получит искреннее сочувствие, и продуманный совет. Все,

Л.В. Драмбян, О.Б. Малевич, Е.К.Семенова, З.М.Шаляпина

кто работал под его руководством, помнят эту атмосферу доброжелательности и внимания друг к другу, повышавшую и настроение и работоспособность.

В 1995 г. ввиду прекращения финансирования научные подразделения ВЦП были расформированы, что привело к потере многих созданных к этому времени программных и лингвистических продуктов. Однако Б.Д. Тихомиров до конца своей жизни делал все, чтобы обеспечить научную преемственность и воспитать новое поколение специалистов, которое могло бы усвоить и развить теоретические и методологические достижения его 40-летней подвижнической деятельности в области автоматизации обработки текстов. С 1996 г. до конца жизни он работал доцентом кафедры лингвистики Педагогического Университета им. Н.К. Крупской, передавая свой богатейший опыт и знания студентам этого университета.

Коллегам и близким Бориса Дмитриевича Тихомирова еще долго будет не хватать и его высокого профессионализма, и его человеческой мудрости, а его жена и дети до сих пор горюют о любимом муже, отце, друге.

Л.В. Драмбян, О.Б. Малевич, Е.К.Семенова, З.М.Шаляпина

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АРХИВОВ

К истории количественных методов сравнения переводов с оригиналом

Публикация вторая¹

От публикатора

В 2001 году в «Московском лингвистическом журнале» (том 5, № 2) была впервые опубликована статья Александра Моисеевича Финкеля (1899–1968) «О точности стихотворного перевода». В предисловии к публикации вкратце рассказывалось об обстоятельствах обращения ученого к проблеме оценки лексической близости оригинала и перевода. Там же говорилось и о месте А. М. Финкеля в истории внедрения количественных методов в отечественную науку о переводе.

Ниже вниманию читателя предлагается еще одна статья А. М. Финкеля. Хотя в ее заглавии проблемы оценки точности не упомянуты, они занимают в статье центральное место. Если статья «О точности...» была первой, в которой ученый предложил использовать числовые меры близости, то статья «“Ночная песня странника” Гете в русских переводах» – его последнее обращение к этой проблематике и многое здесь будет ново даже для тех, кто читал предыдущую публикацию. А для тех, кто впервые знакомится с данным циклом исследований, лучше начать именно со статьи о переводах «Ночной песни...».

¹ Подготовка данной публикации проведена при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80429 «Инструменты филологического и лингвистического исследования...».

С. И. Гиндин

Не останавливаясь детально на анализе методики А.М.Финкеля и на ее соотношении с более известной методикой М.Л.Гаспарова², укажу здесь только четыре важных отличия «“Ночной песни” ...» от работы «О точности ...». Во-первых, измерение лексической близости перевода и оригинала здесь предстает как решающее звено общей оценки точности перевода, а не просто как один из многих возможных аспектов такой оценки.

Во-вторых, применяемая для измерения система коэффициентов в новой статье упрощена и минимизирована.

В-третьих, для испытания методики выбран на этот раз едва ли не самый трудный пример — когда среди русских переводов присутствует безусловный шедевр («Из Гете» М.Ю.Лермонтова), который побеждает «конкурентов» независимо от своих качеств как перевода.

В-четвертых, и это самое главное, наряду с оценкой степени близости для всего текста в статье о переводах «Ночной песни...» проводится такой же расчет для каждой из композиционных частей текста. Именно подобная детализация сравнения позволяет А.М.Финкелю невольно скорректировать полемически заостренное превознесение брюсовского перевода: при общей высокой близости к немецкому оригиналу неудача в передаче второй части во многом обесценивает и перевод в целом.

Статья печатается по машинописи, предоставленной мне в свое время вдовой ученого Анной Павловной Финкель. Тексты переводов выверены по авторитетным научным изданиям. Числовые данные, представленные в оригинале статьи в виде списков, сведены в таблицы. К авторским номерам разделов присоединены (в угловых скобках) заголовки, характеризующие основное содержание каждого раздела. Примечания публикатора помечены, в отличие от авторских, инициалами С.Г.

С. И. Гиндин

² Основные отличия обеих методик были конспективно указаны в: Гиндин С.И. О количественных методах оценки близости перевода к оригиналу // Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов»: Тезисы докл. и сообщ. М., 1988. С. 28-30.

A. M. Финкель
«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

В переводах из Гете мы хотим видеть Гете,
а не его переводчика; если бы сам Пушкин
взялся переводить Гете, мы и от него потребо-
вали бы, чтобы он показал нам Гете, а не себя.

В. Г. Белинский¹

1 <Проблема оценки переводов>

Вопрос о том, на основании каких критериев определяется каче-
ство стихотворного перевода, до сих пор не может считаться решенным.
Решению его препятствуют по меньшей мере два обстоятельства. Пер-
вое из них – это оперирование такими невыразительными и весьма
субъективными понятиями, как «дух произведения», «торжество
духа над буквой» и т.п., причем обычно упускается из виду, что «дух»
этот не бесплотный, а находит свое воплощение в проявлениях кон-
кретных, рационально постигаемых, – в лексике, семантике, синтак-
сисе и т.п. Поэтому сводить оценку переводов к эмоционально насы-
щенным словам, не конкретизируя их в фактах лингвистических и лите-
ратурных, значит заранее закрыть путь к познанию и обречь себя на го-
лый субъективизм.

Второе не менее отрицательное обстоятельство – это подмена
оценки перевода как воспроизведения заранее данного чужого произ-
ведения оценкой его как некоего самостоятельного произведения, как
бы не зависящего от оригинала. А между тем это далеко не одно и то

¹ Белинский В. Г. [Рец. на кн.:] Стихотворения А.Н. Струговщика, за-
имствованные из Гете и Шиллера. Полн. собр. соч. Т. 9. М.–Л., изд. АН СССР,
1956. С. 277.

А. М. Финкель

же. Оценивать перевод и сравнивать между собой разные переводы лишь по их внутренним литературным достоинствам без наложения на оригинал является в корне неправомерным.

В настоящей работе мы стремимся избежать обеих этих ошибок и ставим задачу установить объективные критерии в оценке переводов.

2 <Материал исследования>

Объектом наших наблюдений являются четыре перевода стихотворения Гете «Ночная песня странника», известного русскому читателю по знаменитому переводу Лермонтова «Горные вершины».

Три других перевода принадлежат И.Анненскому, В.Брюсову и Б.Пастернаку – поэтам, переводческая деятельность которых была значительной, плодотворной и поучительной.

Стихотворение Гете в оригинале звучит так:

1. Über allen Gipfelen
2. ist Ruh',
3. in allen Wipfeln
4. spr'est du
5. kaum einen Hauch.
6. Die Vugelein schweigen im Walde.
7. Warte nur, balde
8. ruhest du auch.

В русском прозаическом переводе этому соответствует:

1. Над всеми вершинами
2. Тишина (покой)
3. Во всех макушках (вершинах деревьев)
4. Не ощутишь (едва ощутишь)
5. Почти никакого дуновенья.
6. Птички молчат в лесу.
7. Подожди только (лишь), скоро
8. Отдохнешь (успокоишься) и ты.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

В стихотворных переводах этому соответствует:

Лермонтов

1. Горные вершины
2. Спят во тьме ночной;
3. Тихие долины
4. Полны свежей мглой;
5. Не пылит дорога,
6. Не дрожат листы...
7. Подожди немного,
8. Отдохнешь и ты.

Анненский

1. Над высью горной
2. Тиши.
3. В листве уж черной
4. Не ощутишь
5. Ни дуновенья.
6. В чаще затих полет...
7. О, подожди!.. Мгновенье –
8. Тиши и тебя... возьмет.

Брюсов²

1. На всех вершинах
2. Покой;
3. В листве, в долинах
4. Ни одной
5. Не дрогнет черты;
6. Птицы спят в молчании бора.
7. Подожди только: скоро
8. Уснешь и ты.

Пастернак

1. Мирно высятся горы.
2. В полусон
3. Каждый листик средь бора
4. На краю косогора
5. Погружен.
6. Птичек замерли хоры.
7. Погоди: будет скоро
8. И тебе уgomон.

² Следует иметь в виду, что А.М. Финкель приводит и подвергает анализу отредактированную версию брюсовского перевода, публикуемую в советских изданиях Гете, начиная с вышедшего под редакцией А.Г. Габричевского и С.В. Шервинского 1-го тома «юбилейного» «Собрания сочинений» Гете (М.-Л., ГИХЛ, 1932. С. 143). Эта версия лексически и пунктуационно несколько отличается от опубликованной самим Брюсовым (см.: Брюсов В.Я. Собр. соч. Т. 3. М.: Худ. лит., 1974. С. 491). Отметим, в частности, что обращение в 7-й строке у Брюсова, как и позднее у Пастернака, дано в форме «Погоди!». О других отличиях, влияющих на ход анализа, см. приложения 21 и 27. – С.Г.

А. М. Финкель

Эти переводы, кроме перевода Пастернака, уже подвергались критическим оценкам и в отдельности, и в сопоставлении друг с другом, и ознакомление с этими оценками является весьма поучительным.

В свое время А.А. Фет писал: «Лермонтов перевел известную пьесу Гете «*Über allen Gipfeln*»; но уклонился от наружной формы оригинала. Что ж вышло? Две различные пьесы, одинаковые по содержанию, но не имеющие по духу, а затем и по впечатлению на читателя, ничего общего. Гете заставляет взор наш беззаботно, почти весело, скользить по высиям гор и вершинам неподвижных дерев. Утешение: *Ruhest du auch* приходит к вам почти неожиданно и застает вас под влиянием объективного чувства. У Лермонтова с первого слова торжественная тишина осени заставляет предчувствовать развязку»³.

Прямой оценки здесь нет, но отклонение лермонтовского перевода от оригинала показано отчетливо.

В 1914 году была опубликована статья А.Сидорова⁴, вторая главка которой посвящена анализу «Горных вершин» как перевода. Хотя в этом разборе имеется несколько тонких замечаний, однако вся статья в целом субъективна до крайности, и в ней весьма отчетливо проявляются те недостатки, о которых мы говорили в начале. Подчеркивая, что «формально Лермонтов перевел стихотворение Гете плохо» (с. 41), А.Сидоров тут же утверждает, что «перевод Лермонтова оправдан и возносим превыше всего, потому что он существует сам по себе как дивное стихотворение одинаковой важности с гетеевым – одинаковой с ним ценностью» (с. 40–41), т.е. оценку перевода подменяет оценкой лермонтовского стихотворения самого по себе. Восхваляя лермонтовский перевод за то, что «германский пафос Гете так переведен пафосом русским, – что на веки веков «Горные вершины» Лермонтова останутся для переводчиков недосягаемым образцом» (с. 41), на свой же вопрос – «Значит ли это, что этого должен стараться достичь переводчик?» – А.Сидоров дает

³ Фет А.А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Отечественные записки, 1856, т. CVI, № 6. Отдел 2-й. С. 29.

⁴ Сидоров А.А. Гете и переводчик // Труды и дни издательства «Мусагет». М., 1914, тетрадь 7.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

ответ отрицательный: «Нет... Пафос явится сам, если переводчик и перевод его к тому предназначен» (с. 41).

Спорить с такими чуть ли не мистическими высказываниями трудно, но соглашаться с ними еще труднее.

Ряд замечаний о наших переводах находим и в советской критической литературе.

В. М. Жирмунский в известном своем труде⁵ характеризует эти переводы каждый в отдельности без непосредственного сопоставления и без сравнительных оценок. Отмечая, что «для поэтического развития Лермонтова Гете не мог иметь большого значения», и указывая, что «байроническое разочарование молодого Лермонтова питалось отчасти сентиментальной меланхолией “Бертера”» (с. 438), В.М. Жирмунский продолжает: «Разочарованием и меланхолией проникнуты и «Горные вершины» (1840), переделка стихотворения Гете «Ночная песня странника» («Wanderers Nachtlied»),.. значительно отступающая от оригинала не только в развитии темы и метрической форме, но в особенностях по общему эмоциональному колориту» (с. 439). Ниже, на с. 605, в связи с характеристикой перевода Анненского, он вновь говорит, что эти стихи Гете вдохновили Лермонтова на «байронически окрашенные «Горные вершины»». Итак, подчеркиваются и значительные отступления лермонтовского перевода от оригинала («переделка), и байронический его тон.

Перевод Брюсова охарактеризован Жирмунским лишь со стороны музыкально-ритмической: «Брюсов достигает необыкновенной близости к подлиннику в переводах сложной музыкально-ритмической формы, например, в стихотворениях «Ночная песня странника» или «Король Фульский», которые до него не воспроизвелись в размере подлинника» (с. 602) как пример приводится перевод «Ночной песни». Хотя вслед за этим Жирмунский отмечает, что «...Брюсов осложняет и искажает эмоциональный тон оригинала», однако в качестве примера называет не «Ночную песню», а «Свидание и разлуку»; переносить эту оценку и на «Ночную песню» оснований нет. Перевод Анненского охарактеризован только со стороны содержания, причем весьма кратко: «В «Ночную

⁵ Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л.: Худ. лит., 1937

А. М. Финкель

песню странника»... он неожиданно вкладывает ужас близкой смерти, типичный для упадочных настроений его собственной лирики» (с. 605).

Более подробному анализу подвергнут перевод Лермонтова в работе А.В. Федорова⁶. Никаких сравнений лермонтовского перевода с иными А.В. Федоров не делает, но самый перевод проанализирован им весьма тщательно. Не будем приводить здесь этого анализа (нужные выдержки даются ниже); общая же оценка Федорова сводится к следующему: «Стихотворение «Горные вершины» озаглавлено «Из Гете», т.е. дано как переводное. Но перевод... очень далек от немецкого текста во всех отношениях» (с. 160); «...элементы, заданные лирической пьесой Гете, совершенно отступают на задний план, и стихотворение, озаглавленное «Из Гете», становится одной из оригинальнейших и характернейших вещей Лермонтова» (с. 161).

Весьма отчетливо и трезво сформулировал отношение между гетевским оригиналом и лермонтовским переводом Е.Дунаевский⁷.

«Качества лермонтовского стихотворения, – писал он, – не подлежат спору... Можно ли требовать чего-нибудь иного? Да, можно.

Стихотворение Гете, написанное им на стене лесной сторожки, это поэтический документ, нечто оказавшееся в минуту непосредственного созерцания и переживания. Язык краток, без поэтических приемов и округлений.

Über allen Gipfeln ist Ruh' –
это не поэтическое описание, а простая формула констатации, передающая акта созерцания. Конец –

Warte nur, balde
ruhest du auch –

отличается краткой драматической выразительностью. Ритмический рисунок стихотворения резко отличается от типичного для лирики Гете мелодического ритма: стихотворение не поется.

Таков оригинал. Перевод Лермонтова совершенно отбрасывает все эти характерные черты. Вместо краткой передачи созерцаемого – раз-

⁶ Федоров А.В. Творчество Лермонтова и западные литературы // Литературное наследство, 1941. Т. 43–44. С. 129–226.

⁷ Дунаевский Е. Искусство перевода // Лит. учеба. М., 1938, № 8. С. 22–50.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

вернутое поэтическое описание... Ритм – ярко песенный... Последние два стиха в трехстопном песенном хорее гармонически построенного правильного четверостишия звучат безмятежным лиричным покойем – вместо драматического «обрыва» концовки оригинала (и это несмотря на совершенно точную пословную передачу!).

Лермонтов написал замечательное песенно-лирическое стихотворение – на тему из Гете; но перевода гетевского стихотворения здесь нет... Поэтические задания оригинала и перевода различны.

Итак, не будем отнимать у Лермонтова авторского права на пре-
восходное песенно-лирическое стихотворение, но не будем отнимать и
у «поэтического документа» Гете права на адекватный перевод <...> и
самый гениальный художественный пересказ не выполняет функций
художественного перевода» (с. 23–24).

В иной тональности звучат оценки М.Шагинян. В своей книге о Гете⁸ М. Шагинян сопоставляет переводы Лермонтова, Анненского и Брюсова с оригиналом, правда, отрывочно, и дает им оценки. «Лермонтов сделал свой гениальный перевод строго-ритмически, с выдержаным метром. Но он отбросил птичек в лесу, отбросил верхушки дерев, заменив их просто листьями, ввел образ долин, полных влаги, не пылящей ночной дороги, – и эти замены образов природы оправдывают у него и вырывание ритма оригинала» (с. 34).

«В.Брюсов стремился соблюсти внешнюю точность ритмического рисунка... Но у Брюсова исказилась нежная и добрая интонация Гете, потому что точность ритмически соблюдена, а образы искажены. Вместо дуновенья в верхушках дерев – искусственное сопоставление леса и долин; вместо примолкших птичек в лесу – более суровые птицы в молчании бора. И тяжеловесное слово “только” вместо лермонтовского “немного” совсем разрушает очарование» (с. 35).

Трудно понять, почему введение Лермонтовым «долин, полных влаги» (кстати, у Лермонтова они полны не влагой, а свежей мглой) и «не пылящей ночной дороги» оправданы сами и оправдывают изменение ритма, а у Брюсова те же долины оказались искажением образа; почему даже отброшенные Лермонтовым «птички в лесу» не искажают кар-

⁸ Шагинян М.С. Гете. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950.

А. М. Финкель

тины, а брюсовские «птицы в молчании бора» оказались «суровыми»; почему немецкое *nur* «только» не омрачает «нежной и доброй интонации», а его русский эквивалент (только) «совсем разрушает очарование».

При таком подходе оценка перевода Анненского строится всего на одной детали: «Полет в чащे лесов, где можно только перепархивать с дерева на дерево, а не летать, – вообще фальшивый образ», а потому в переводе Анненского «уже нет ни ритмической, ни образной точности» (с. 35). А отсюда и генеральный вывод: «Сравнивая три перевода, начинаешь понимать, как велика связь содержания образа с его ритмическим выражением в поэтической речи и насколько лермонтовский перевод, казалось бы, наименее точный, – все же верней передает настроение оригинала, чем переводы Брюсова и Анненского» (с. 35).

Во всех этих мнениях и оценках нет ни объективности, ни рационального обоснования, ни беспристрастности, – все они насквозь субъективны и подчинены одной цели: постулировав, что лермонтовский перевод лучше всех, принижать во что бы то ни стало все иные и таким путем «доказать», что лермонтовский перевод лучше всех.

В еще более обнаженном виде этот ничем не сдерживаемый субъективизм проявился в оценках А.М. Арго⁹.

Он также сопоставляет эти переводы, исходя из той же презумпции, что перевода лучше лермонтовского быть не может. Отсюда торжественное вступление: «Лермонтовский перевод... является ярчайшим образцом торжества духа над буквой в поэзии». В чем это проявляется? «Будто бы все другое: вместо ломаного стиха подлинника чистые правильные трехстопные хореи, лексика другая. Другие поэты – также выдающиеся – И.Анненский, В.Брюсов пытались приблизить переводное стихотворение к первоисточнику, но при этом у них получалось калькирование, переводная картинка без живого образа великого старца, который, взойдя на любимую гору, оглядел с ее вершины всю свою прожитую жизнь» (с. 22).

Приведя затем тексты переводов Анненского и Брюсова, Арго заключает: «В таком виде переводы этого стихотворения дают понятие о

⁹ Арго А.М. Десятая муза. М.: Сов. Россия, 1964.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

том, что представляет собой подлинник, а Лермонтовский перевод воссоздает его со всей поэтической прелестью и глубиной философской мысли» (с. 23).

Завершается это обобщением: «Когда Лермонтов пытается создать близкий к подлиннику перевод, подавляя свой самобытный поэтический темперамент, это к добру не приводит – получается (“Перчатка”) сухо и маловыразительно. Когда он, пренебрегая буквальностью, воссоздает дух произведения, он творит в полном смысле слова гениальные стихи (“Горные вершины”)» (с. 23–24).

Здесь все вызывает недоумение. «Ночная песня странника» написана Гете в 1780 г. в Ильменау, где ему довелось случайно заночевать. Было ему тогда 31 год – возраст отнюдь не старческий. Место случайного ночлега вряд ли можно назвать «любимой горой». Поэтому образ «великого старца, который, взойдя на любимую гору и т.д.» является сусальным, фальшивым, отнюдь не доказывающим точности перевода¹⁰. Кстати, у Лермонтова его нет. Слова же «переводная картинка» не более, чем плохой каламбур.

Противопоставление перевода, дающего понятие о подлиннике, переводу, воссоздающему его, лишено содержания: одно лишь понятие о подлиннике-стихотворении дает прозаический перевод его; перевод же стихотворный – даже самый неточный – всегда так или иначе воссоздает оригинал. Таким образом, противопоставлять в этом отношении разные стихотворные переводы нельзя. Здесь должен быть поставлен иной вопрос – как оригинал воссоздан. Но как раз этого вопроса Арго перед собой не ставит. Поэтому так поверхностен его вывод: когда Лермонтов стремился быть точным, он оказывался плохим переводчиком, а когда пренебрегал точностью, становился гениальным. Даже если это не претендует на всеобщий закон, относясь лишь к одно-

¹⁰ Гете действительно за год до смерти, будучи 80-летним стариком, вторично навестил Ильменау, но стихов, сочиненных за 50 лет до этого, вторично не сочинял, а только вспомнил, процитировал, заплакал, сказал: «Да, отдохнешь и ты» – и отбыл. Но все это к переводам не имеет никакого отношения. Образ же «великого старца» взят, конечно же, из известного стихотворения Баратынского.

А. М. Финкель

му Лермонтову, все же это достаточно странно. Объясняется же эта странность тем, что все слова, которыми оперирует Арго, – дух, буква, буквальность, близость, выразительность – употреблены в расплывчатых, неопределенных, произвольных значениях.

Вот такого рода оценкам, а еще более «методологии», на которой они основаны, и следует противопоставить анализ научный, объективный, опирающийся на критерии, разумом постижимые и разуму доступные.

3 <Композиция стихотворения Гете>

Мы исходим из следующих двух положений, отчетливо, хотя и не впервые, сформулированных В.В. Ивановым¹¹.

Первое: «...если при переводе обычного научно-технического текста должно остаться неизменным значение этого текста, то при поэтическом переводе неизменной должна остаться поэтическая модель (или поэтический смысл) стихотворения» (с. 371), где «под поэтической моделью текста понимается его поэтическое значение, несводимое к значению подстрочника, потому что в поэтическую модель входит не только непосредственное содержание стихотворения, в какой-то мере поддающееся прозаическому пересказу, но и модель структуры стихотворения» (с. 370).

Второе: «...подобно тому, как значение языковой единицы не зависит от индивидуальных особенностей отдельных говорящих, поэтический смысл стихотворения не зависит от личного восприятия того или иного читателя» (с. 372).

Отсюда следует, что:

1) поэтическая модель, или поэтический смысл – это единство поэтического содержания и поэтической формы, и от личного восприятия читателя она не зависит, будучи явлением объективного порядка;

2) определяя степень адекватности стихотворного перевода, одинаковое внимание нужно уделять всем его компонентам, причем взя-

¹¹ Иванов Вяч. Вс. Лингвистические вопросы стихотворного перевода// Труды Института точной механики и вычислительной техники. М., 1961. Вып. 2. С. 369–395.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

тым не изолированно, а в их взаимосвязи, под углом зрения места каждого из них в системе всех выразительных средств произведения; анализ по необходимости вынужден их расчленять, но и расчленения, нельзя забывать о внутренней их связи и взаимодействии.

В чем же заключается тот поэтический смысл «Ночной песни странника», который существует объективно и не зависит от индивидуальных восприятий читателя, в том числе и переводчика?

Пожалуй, наиболее, <верно,> хотя и весьма кратко, он сформулирован С. Тураевым: «Стихотворение весьма характерно для веймарского периода творчества: оно сочетает конкретность образа, мастерство деталей с философской обобщенностью. Это и картина ночной природы, и выражение успокоения, примирения, душевного равновесия»¹².

Содержание стихотворения развивается у Гете как бы по спирали, ведущей от природы к человеку, что выражено в четырех предложениях.

Первое дает самый широкий план: *Над всеми вершинами тишина*; второе суживает его и конкретизирует объем леса: *Во всех макушках (ни в одной макушке) не ощущишь никакого дуновения* с подчеркнутым повторением слова *allen* («всех» – «всем»); третье предложение повторяет тему замолкшего леса, индивидуализируя ее в образе птиц: *птички молчат в лесу*; и, наконец, последнее переводит эту тему к человеку и переносит ее из плана тишины физической в план психологический – покоя, умиротворения, создавая многосмысленную гармонию мира внутреннего и внешнего.

Весь понадобившийся для этого текст и весь кроющийся под ним подтекст выражены у Гете двадцатью знаменательными словами и четырьмя служебными, чему в русском прозаическом переводе соответствует 20 знаменательных и два служебных (отпадают artikel и связка).

Этой сдержанности количественной соответствует и сдержанность лексико-семантическая: в стихотворении нет слов, выходящих за рамки обычной литературной лексики, нет явно выраженной эмоциональности (лишь слово *Vuglein* является уменьшительно-ласкательным), нет образности и метафоричности, нет эпитетов. Поэтичность и глуби-

¹² Тураев С.В. Комментарии // Гете И.В. Избранное. М.: Детгиз, 1963. С. 497–498.

А. М. Финкель

на стихотворения построены на ином – движении, мысли, интонации, ритме, мелодии.

Следовательно, чтобы показать русскому читателю это стихотворение и этого Гете, переводчики должны были средствами русского языка создать столь же скромной и столь же многосмысленный текст, с тем же движением мысли от природы к человеку, с тем же равновесием частей, с той же интонацией стиха. Были ли у русского языка и русского стиха такие возможности? Были и во времена Лермонтова, были и у Брюсова, Анненского и Пастернака. Однако перевод никогда не является механическим перенесением слов и фраз одного языка в другой. Переводчик прежде всего читатель, и у него не может не быть своего личного восприятия, отражающегося, конечно, в его переводе. Неадекватность перевода по отношению к оригиналу и несовпадение различных переводов является следствием расхождения между личным восприятием переводчика и поэтическим смыслом оригинала. То, о чем писал поэт Л.Мартынов – «Любой из нас имеет основанье добавить, беспристрастие храня, в чужую скорбь свое негодованье, в чужое тление своего огня»¹³, – упирается в очень трудный вопрос – где кончается «беспристрастие» и начинается «пристрастие». Но так как и то и другое находит свое выражение в словах, их значениях, их эмоциональной окраске, в их сочетаниях, ритме, интонации, сохранении одного, отбрасывании иного, вплоть до собственного присочинительства, – то ответ на все эти вопросы может дать только строгий анализ всех этих отношений.

Что же мы видим в наших переводах?

4 <Измерение лексической близости текстов>

Точность перевода определяется прежде всего тем, насколько лексический состав перевода соответствует лексическому составу оригинала. Это находит свое выражение в таких показателях:

- а) сколько слов перевода словарно совпадает с оригиналом;
- б) сколько слов перевода является в той же мере синонимичными оригиналу;

¹³ Мартынов Л.Н. Проблема перевода. (Вместо предисловия // Мартынов Л.Н. Поэты разных стран. М.: Прогресс, 1964. С. 7.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

в) сколько слов перевода внесено переводчиком от себя.

Все это может быть выражено в показателях количественных, и как раз с этого мы и начнем. <Рассмотрим сначала общее число знаменательных и служебных слов в различных переводах.>

Таблица 1

	Знаменательные	Предлоги	Междометия	Всего
Прозаический перевод	19	3	—	22
Лермонтов	19	1	—	20
Анненский	18	3	1	22
Брюсов	19	4	—	23
Пастернак	17	5	—	22

Таким образом, количество знаменательных слов (вместе с междометием) у всех переводчиков, кроме Пастернака, такое же, как в оригинале. Однако само по себе это почти ничего не значит, ибо лексическая точность перевода определяется показателями не просто арифметическими, а лексико-семантическими. Поэтому сопоставление следует произвести по указанным выше трем группам¹⁴. Здесь же показатели таковы (берем только знаменательные слова):

Таблица 2

	Всего знаменательных слов¹⁵	Из них со словами подлинника:		
		совпадает	синонимичны	вставки
Лермонтов	19 (100%)	6 (32%)	2 (10%)	11 (58%)
Анненский	19 (100%)	7 (37%)	2 (10%)	10 (58%)
Брюсов	19 (100%)	12 (63%)	3 (16%)	4 (21%)
Пастернак	17 (90%)	5 (29%)	2 (12%)	10 (59%)

¹⁴ Т.е. в зависимости от степени соответствия слов перевода словам подлинника. – С.Г.

¹⁵ В этом столбце процентное соотношение исчислено по отношению к общему числу знаменательных слов в подлиннике и прозаическом переводе, в остальных столбцах – по отношению к числу знаменательных слов в соответствующих поэтических переводах. – С.Г.

А. М. Финкель

Из того, что количество всех слов в переводах (кроме Пастернака) совпадает с количеством слов оригинала, следует, что количество слов, переводчиками опущенных, совпадает с количеством вставленных от себя (у Пастернака их опущено 12).

Приведенные цифры позволяют сделать некоторые интересные выводы. Хотя ни качество поэтического произведения, ни качество его перевода одними только лексическими показателями не определяется, однако они все же являются ведущими, а потому их свидетельство значит очень много. Поэтому никаких сомнений не может вызвать заключение, что из переводов тот точнее (показатель качественный), в котором лексических соответствий оригиналу больше, а пропусков и вставок меньше (показатель количественный). Таким образом, мы вправе сделать вывод, что перевод Брюсова, сохранивший 63% лексики оригинала и подменивший 21% ее, значительно точнее в этом отношении, чем перевод Анненского (сохранено 37% и подменено 53%), а тем более, чем переводы Пастернака и Лермонтова, сохранившие вдвое меньше (29% и 32%) и подменившие почти втрое больше (59% и 58%).

В свете этих показателей такие слова, как «дух и буква», «воссоздание и калькирование», теряют всякий смысл: близость к оригиналу – пока только в плане лексическом – всегда может быть исчислена и измерена, приобретая тем самым характер вполне объективный, лингвистический, а не психологический.

Но все же ограничиваться только этим нельзя. Как ни четки показатели цифровые, их одних мало. Необходим не менее требовательный, не менее точный анализ смысловой. К этому мы и переходим.

5 <Как переведена первая часть>

Самый широкий план гетевской картины, хотя и занимает две стихотворные строки, в то же время самый немногословный:

Над всеми вершинами // Тишина

В переводе Лермонтова эта картина расширена до целой строфы и вместо трех знаменательных слов охватывает целых десять:

*Горные вершины
Спят во тьме ночной*

*Тихие долины
Полны свежей мглой.*

Со всей решительностью и категоричностью мы отмечаем как праздный и не имеющий к нашему анализу никакого отношения вопрос: чья картина живописнее – Гете или Лермонтова, оправданы или нет внесенные переводчиком образы; такие вопросы не только ничего не проясняют, а наоборот, затемняют суть дела¹⁶. Вопрос должен быть поставлен иначе: какие изменения претерпел гетеевский текст в переводе и к чему это привело? Изменения же, как мы видим, весьма значительны: гетеевское определение к слову *вершины* – *все* (как уже говорилось, повторяющееся и несущее большую смысловую нагрузку) опущено, а вместо него дан плеонастический эпитет *горные*; краткое и сдержанное *тишина* – слово несущее основную, лейтмотивную нагрузку, – заменено широкой картиной иного тона – *спят во тьме ночной*, хотя у Гете ни о сне, ни о ночи не говорится (упоминается лишь в заглавии и звучит в подтексте). Тем самым то, что в оригинале намеренно скрыто, приглушенено, в переводе раскрыто, обнажено.

Вторая половина строфы – *Тихие долины // Полны свежей мглой* – вообще ничему гетеевскому не соответствует (если не считать, что тихие как-то перекликается с *ist Ruh*) и является собственным творчеством переводчика. Как бы ни расценивать эти строки, они выходят за границы перевода. К тому же они создают подчеркнутую антитезу, у Гете отсутствующую, что уже было отмечено А.В. Федоровым.

Увеличив объем текста¹⁷ более, чем втрое, Лермонтов привнес от себя девять слов, а с оригиналом совпадает лишь одно; все остальное

¹⁶ Яркий образец этого видим у А. Сидорова: «У Гете появляется “du”; у Лермонтова этого вовсе нет, зато (?! – А.Ф.) у него “свежая мгла”; у Гете – птицы спят (точнее, молчат – А.Ф.).., у Лермонтова этого образа нет, потому что он не нужен (у него спят горные вершины), и взамен его – зрительные образы – описание ночи столь живописное, столь непосредственно ощущаемое глазом, которого нет у Гете» (с. 40). Все-таки вряд ли нужно доказывать, да еще таким путем, что Лермонтов тоже был хороший поэт.

¹⁷ Под «текстом» в данном случае имеются в виду лишь первые две строки оригинала и их русские соответствия. К этому же отрезку относятся и все оценки, даваемые ниже в данном параграфе. – С.Г.

А. М. Финкель

изменено, заменено, переделано так, что исчезает не только понятие точности, но и само понятие перевода.

Как бы в противовес этому перевод Пастернака – *Мирно высятся горы* – скат до скучности, а к тому же изменен угол зрения: центр тяжести у него перенесен на горы, которые почему-то *высятся*, словно это Альпы или Гималаи, а понятие тишины или покоя заменено иным: *мирно* – это скорее «дружелюбно, миролюбиво», а значение «тихо, спокойно» возникает лишь во вторую очередь.

Таким образом, и перевод Пастернака Гете не показал.

Переводы Анненского и Брюсова в этом отношении несравненно точнее. У Анненского – *Над высью горной // Тиши*, где лишь одно слово оригинала – всеми – заменено тем же эпитетом, что и у Лермонтова – *горной*. Можно отметить, что и слово *высь* не вполне адекватно немецкому *Gipfel*: русское *высь* (которому в немецком языке соответствует *Höhe*) не столь конкретно и значение «горные вершины» приобретает лишь во множественном числе (см., напр., статьи «Высь» в словарях русского языка АН ССР).

Однако все эти расхождения не очень велики, так что перевод Анненского является достаточно близким.

Еще ближе перевод Брюсова: *На всех вершинах // Покой*. Замена предлога *над* предлогом *на* в данном случае никакой роли не играет, даже если согласиться с А. Сидоровым, что у Гете «покой над всеми вершинами» – образ космический.

Совершенно очевидно, что с точки зрения лексико-семантической перевод Брюсова и по содержанию, и по эмоциональному тону наилучший.

6 <Насколько передана вторая часть>

Второе предложение, вторая часть картины – лес – дан <в оригинале> так:

Во всех макушках // Ты не ощущишь // Почти никакого дуновения.

Лермонтов, продолжая свое пейзажное описание, передал это в двух строках: *Не пылит дорога // Не дрожат листы.*

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

Первое предложение принадлежит Лермонтову, у Гете его нет. Второе же не переводит Гете, а пересказывает его, причем буквально в двух словах, из которых *листы* более или менее соответствуют *макушкам*, а *не дрожат* заменяет *ты не ощутишь почти никакого дуновения*. Анафорическое *allen* опущено.

Брюсов передал эти строки также тремя строками: *В листве, в долинах // Ни одной // Не дрогнет черты*, однако точность их воспроизведения далеко уступает предшествующей <части его перевода>.

Только слово *ни одной* действительно равнозначно немецкому *kaum einen*; *листве* не точнее передает нем. *Wipfeln*, чем лермонтовское *листы*. Привнесенное же Брюсовым *в долинах* создает такую же отсутствующую у Гете антитезу, как и в первой строфе Лермонтова. Но, пожалуй, наиболее тяжелыми являются слова *Не дрогнет черты*. Слово *черт* настолько многозначно, что теряет всякую определенность и означает неизвестно что. Вдобавок для поэтического текста, в данном окружении, слово это чересчур сухо, прозаично. В сочетании же с глаголом *не дрогнет* все это выражение скорее вызывает образ холодного, бесстрастного, хладнокровного или бесстрашного человека, у которого в минуту опасности или волнения не дрогнет ни одна черта лица, и вовсе не вяжется с образом уснувшего ночных леса. Такова объективная семантика этих слов.

Повторяющееся *allen* опущено и Брюсовым.

Таким образом, и оба слова-заменителя, и оба привнесенные переводчиком заметно отклоняются от оригинала, и строки эти переведены Брюсовым не точнее, чем Лермонтовым.

Значительно ближе переведены они Анненским: *В листве уж черной // Не ощущь // Ни дуновенья*.

Слов в его переводе столько же, сколько и у Брюсова – семь, но они больше соответствуют оригиналу. Слова *не ощущь ни дуновенья* приближаются к оригиналу максимально; о слове *листва* мы только что говорили; единственное, что Анненский внес от себя, – это эпитет *уж черной*, эпитет многозначный. Он впитал в себя два смысла: с одной стороны, конкретизацию наступающей ночи, когда все теряет окраску и листва становится черной; с другой же – это то предчувствие

А. М. Финкель

близкой смерти, которое скоро зазвучит в последней строке. Но если элиминироваться от этого подтекста, то придется признать, что текст – картина засыпающей ночной природы, успокоившейся листвы – воспроизведена с точностью чуть ли не предельной.

Не то мы видим в переводе Пастернака. Он прежде всего неадекватен объемно и занимает четыре строки, а к тому же ритмо-мелодика и рифмовка этих строк совершенно не такая, как у Гете. Картина же, нарисованная переводчиком, еще более отклоняется от гетевской, чем у Лермонтова: все макушки превратились в Каждый листик средь бора на краю косогора; отсутствие дуновенья стало полусном, в который погружен этот каждый листик; созданный переводчиком бор помещен им на им же сочиненный край косогора, – короче говоря, с гетевским лексиконом здесь совпадает лишь одно слово – предлог *в*. На Гете все это не похоже.

7 <Переводы третьей части>

Последняя деталь картины природы – *Птички молчат в лесу*, несмотря на ее простоту и краткость, передана еще более многообразно.

Лермонтов вообще опустил ее, заменив совершенно иной картиной, у Гете отсутствующий, – *Не пылит дорога*.

Анненский перевел эти три слова тремя же – *В чащѣ затих полет*, но оригиналу адекватно лишь одно из них – *в чащѣ*. М.Шагинян поставила в вину переводчику неточность натуралистическую: в чащѣ можно лишь перепархивать с дерева на дерево, а отнюдь не летать. Подобный упрек бьет мимо цели, и бульших упреков заслуживает Анненский за ошибки переводческие.

Слово *затих* было бы синонимично слову *молчат*, если бы оно также относилось к птицам. Но поскольку оно относится к слову *полет*, означает оно иное: «прекратился». Внесение же слова *полет* нарушает гетевский образ: в оригинале говорится о замолкших звуках и наступившем молчании, а в переводе – о прекратившемся движении. И хотя и то, и другое относится к птицам, все же это далеко не одно и то же.

Точнее и ближе перевод Брюсова: *Птицы спят в молчании бора*, однако и он не безукоризнен. У Гете птицы молчат, у Брюсова спят. Но

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

если *спят* действительно означает «молчат», то *молчат* не обязательно означает «спят», так что Брюсов сузил это понятие. Изменяет картину и перенос молчания от птиц к бору: молчание бора может означать не только сон птиц, но и многое другое – прекращение скрипа деревьев, шелеста листвы, звуков животных и др. У Брюсова ночная тишина оказалась гипертрофированной – и лес молчит, и птицы спят. Но все же брюсовский перевод к оригиналу близок.

Еще ближе, пожалуй, перевод Пастернака – *Птичек замерли хоры* – он столь же краток, как оригинал, а сочетание *замерли хоры* имеет характер не более поэтический, чем слово *спят*.

Если сопоставить переводы этой части¹⁸ стихотворения, то лексические данные здесь весьма показательны. Из тринадцати слов¹⁹ выводы напрашиваются сами.

Таблица 3

	Со словами подлинника		
	совпадают	синонимичны	внесены от себя
Лермонтов	1	2	10
Анненский	5	2	5
Брюсов	7	2	4
Пастернак	2	2	9

Самыми трудными для перевода оказались последние строки: *Подожди только; скоро // Отдохнешь и ты.*

Трудность здесь не так текстовая (она не больше, чем раньше), как подтекстовая. Ведь именно с этими строками связывается философски обобщающий смысл всего стихотворения, и здесь субъективные читательские восприятия находят для себя наиболее благоприятную почву.

Конечно, слова *успокоишься, отдохнешь*, как и немецкое *ruhest*, могут иметь (и часто имеют) значение «умрешь». Вспомним последнее посещение Гете Ильменау, где он придал этому слову, очевидно, такое значение.

¹⁸ Имеются в виду первые шесть строк стихотворения. – С.Г.

¹⁹ У Анненского всего 12 слов.

А. М. Финкель

Но какой бы смысл этому слову здесь ни придавать, задача переводчика как раз в том и состоит, чтобы найти столь же многозначное и столь же содержательное русское слово, прямо о смерти не говорящее, но такого понимания не исключающее и допускающее его. Невыполнение этого в любом случае будет означать победу субъективного восприятия над объективным смыслом.

Здесь как раз перевод Лермонтова превосходен: стихи *Подожди немногого, // Отдохнешь и ты* передают гетеевский текст с максимальной близостью как внешней, так и внутренней. Этому не мешает даже то, что слово *немногого* относится у Лермонтова к глаголу подожди, в то время как у Гете его эквивалент *balde* относится к глаголу *ruhest* «отдохнешь». Если же считать, что лермонтовское *немногого* является передачей гетеевского *nirg*, то придется признать, что *balde* осталось без перевода. Возможно, впрочем, что лермонтовское *немногого* охватило и *nirg*, и *balde*. Итак, шесть гетеевских слов переданы Лермонтовым пятью, причем все они строго эквивалентны оригиналу.

Что касается внутреннего смысла этих слов, то иногда встречается несколько одностороннее их толкование. А.В. Федоров, например, трактует их так: «Последние два стиха переданы... с величайшей словесной (даже словарной) точностью... но всему стихотворению в целом они подводят иной смысловой и тематический итог: если у Гете мотив покоя в последнем стихе (“*ruhest du auch*”) может быть воспринят в прямом своем значении (в значении отдыха, который ожидает путника...), то мотив отдыха в последнем стихе у Лермонтова явно метафоричен, – это здесь синоним смерти... последние два стиха, в точности совпадающие с подлинником, как будто выполняют функции эпиграфа, поставленного не в начале, а в конце» (с. 161).

То же говорит и И. Серман, утверждая, что Лермонтов придал двум заключительным строкам иной смысл – предсказание смерти»²⁰.

Подобные утверждения не представляются нам убедительными. Аргументация же, что «такое изменение смыслового эффекта обусловлено переменой всего эмоционального тона стихотворения, достигнуто и ритмом, и строфой, и ритмо-сintаксическими средствами, и под-

²⁰ Лермонтов М.Ю. Полное собр. соч. Т. I. М.: Гослитиздат, 1947. С. 351.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

бором образов» (Федоров, с. 161), подтверждением такого толкования служить не может.

Никакого «иного смысла – предсказания смерти» Лермонтов здесь от себя не придавал. Более того: то, что его стихотворение начинается словами *Горные вершины спят*, то, что дорога не пылит, а листы не дрожат, как раз усиливает в словах *Отдохнешь и ты* значение сна и покоя и ослабляет значение смерти.

Весьма показательно, что этим словам А.Сидоров дает совершенно противоположное толкование: «Слова “*Warte nur, balde ruhest du auch*” звучат как формула – как пророчество – как обещание – чуть не как приказание или угроза. А у Лермонтова – нежная музыка... И его последние слова нежное утешение, сладкое обещание» (с. 41).

Столь различные толкования потому и возможны, что слово *отдохнешь* не однозначно, и объективно существующая его многозначность – такая же, как и в немецком *ruhest* – прекрасно Лермонтовым использована.

В. Брюсов пытался достичь максимальной ясности и перевел эти строки так: *Подожди только: скоро // Уснешь и ты*, где ни одно слово оригинала не осталось непереведенным. Однако, переведя нем. *ruhest* русским *уснешь*, Брюсов допустил семантический промах, не выразив в достаточной степени двоензначности гетеевского глагола. Конечно, и русское *уснешь* употребляется в значении «умрешь», причем, возможно, даже чаще и в большей степени, чем *отдохнешь*. Но то, что в предшествующем предложении *Птицы спят в молчании бора* глагол *спят* употреблен в своем прямом, не допускающем инакотолкования значении, придает то же прямое, недвусмысленное значение и глаголу *уснешь*, так что значение «умрешь» исчезает почти совершенно. Возможно, что Брюсов намеренно перевел немецкое *ruhest* русским *уснешь* – мол, птицы спят, и ты также уснешь, подчеркивая тем самым полный параллелизм²¹. Но в результате этого слово *уснешь* стало несравненно более

²¹ «Намерения» подчеркнуть параллелизм у Брюсова заведомо не было, поскольку в оригинальной версии его перевода (см. примеч. 2) значится: «Птицы дреют....». Вариант *спят* принадлежит, очевидно, А.Г. Габричевскому и С.В. Шервинскому. – С.Г.

А. М. Финкель

однозначным, чем его немецкий прототип, и в переводе потускнел гетевский философско-поэтический подтекст – двоезначность и психологизм заключительного предложения. Правда, в этом отношении брюсовский перевод мало чем отличается от лермонтовского.

Перевод Анненского резко отличается от иных. В нем семь слов, но из них с оригиналом совпадают лишь два, а остальные пять внесены им от себя. Но в них как раз гипертрофировано и чрезмерно подчеркнуто значение второго плана, иначе говоря, подтекст обнажен и сделан текстом. Перевод Анненского таков: *О, подожди!.. Мгновенье – Тиши и тебя... возьмет*. Характеристика В. М. Жирмунского (переводчик «неожиданно вкладывает ужас близкой смерти») основана на переводе именно этого предложения – предшествующие строки для этого основания не дают.

Особенности перевода Анненского проявились не только в плане лексико-семантическом, но и в плане синтактико-интонационном.

Со стороны лексико-семантической обращает на себя внимание последняя строка – *Тиши и тебя... возьмет*. Слово *возьмет* здесь может означать не только «захватит» в смысле, так сказать, физическом, но и «владеет, охватит» в смысле психологическом; но в этом смысле глагол *возьмет* употребляется главным образом применительно к тяжелым душевным переживаниям, отрицательно направленным²².

При таком отрицательно направленном сказуемом отрицательную направленность приобретает и подлежащее, так что слово *тиши* начинает обозначать не только отсутствие звуков, умиротворение, даже «нстанет покой», а и «вечный покой», т.е. «смерть»; тогда все предложение приобретает зловещий смысл, чему в данном тексте способствует и слово *мгновенье*, которое здесь звучит также резче и тревожней, чем *немного и скоро*.

Этот тревожный тон находит подкрепление и в синтактико-интонационных особенностях данных строк: гетевская фраза (то же у Лермон-

²² См. у В.В. Виноградова (Русский язык. М.–Л.: Учпедгиз, 1947. С. 26): «Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, зависимость берет, ужас берет, раздумье берет, охота берет* и некоторые др. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т.п.».

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

това и Брюсова) звучит в тонах спокойных, ровных, и пауза между *balde* и *ruhest* – пауза обычного анжамбемана, не резкая, а спокойная, мирная. Не то у Анненского. Введенное им междометие *O!* и восклицательный знак после *подожди* резко отделяют эти слова от последующих и придают им характер предостерегающий и тревожный. Слово *мгновение*, как только что было сказано, усиливает эту тревогу семантически, а тире и многоточие, т.е. пауза между *тебя* и *возьмет* – интонационно. Фраза спокойная и мирная стала вскриком, угрозой, весьма далекой от гетеевской.

Перевод Пастернака изменяет тональность оригинала не меньше, чем Анненского, но в направлении совершенно противоположном – не трагическом, не тревожном, а упрощающем, фамильярном. Переведено это так: *Погоди: будет скоро и тебе угомон*. Количество слов перевода в точности соответствует оригиналу, каждое слово нашло свое воспроизведение. Но все это совершенно обесценивается из-за абсолютно необъяснимого и не находящего никакого оправдания просторечного сочетания *будет и тебе угомон*. И само слово *угомон*, и все сочетание, в которое оно входит, имеют настолько просторечный, разговорный и вдобавок национально окрашенный характер, что введение его в текст гетеевского стихотворения, да еще в качестве заключительного аккорда, снижает весь тон. Транспонировка Анненского имела какое-то основание – пусть неприемлемое, но объяснимое; транспонировка Пастернака и неприемлема, и необъяснима.

9 <Общая лексико-семантическая оценка>

Оценивая переводы со стороны лексико-семантической и опираясь на использованные выше показатели количественные и качественные, смысловые (изменение или утрата многозначности, образности, эмоциональности), мы вправе сделать такие выводы:

а) из всех сравниваемых переводов ближе всех к оригиналу перевод Брюсова; хотя и он не лишен известных недостатков, что и было показано, однако перевешивают положительные стороны. Субъективная окраска в его переводе проявляется в наименьшей степени;

А. М. Финкель

б) весьма далек от оригинала перевод Лермонтова. Хотя перевод двух последних строк у него превосходен, однако остальные шесть настолько субъективны и настолько отклоняются от оригинала, что даже не могут быть названы переводом – это не перевод, а самостоятельное стихотворение на похожую тему;

в) перевод Пастернака не более близок к оригиналу, чем лермонтовский, а субъективность его – в смысле образности, и в смысле эмоциональной окраски, и по своему тону – делает его более далеким от стихотворения Гете, чем все остальные;

г) перевод Анненского, также заметно окрашенный субъективно, все же является переводом. Дело в том, что интенсивность субъективной окраски перевода Анненского не столь сильна, как у Лермонтова (это мы видели и на показателях количественных), и проявляется лишь в заключительных строках;

Таким образом, направленность субъективной окраски у каждого переводчика различна: у Лермонтова – описательна, элегична, несколько меланхолична; у Анненского – трагична; у Пастернака – проста, даже упрощена. Ни то, ни другое, ни третье не соответствует тональности Гете. Чему отдать предпочтение – это дело вкуса, объективной оценке не подлежит и в нашу задачу не входит.

д) оценки и характеристики Шагинян и Аро тоже суть проявление субъективных и притом предвзятых читательских вкусов и объективного основания под собой не имеют.

Рассмотрим теперь, как воспроизведены в переводах иные стороны стихотворения Гете.

10 <Передача интонационно-синтаксических особенностей>

Говоря о синтаксисе следует помнить, что в отношении его слово «воспроизведение» приобретает иное содержание, чем тогда, когда речь идет о лексике и семантике. Синтаксические конструкции каждого языка имеют свой индивидуальный характер, и переводчик не может выйти за синтаксические рамки своего языка. Калькирование же синтакси-

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

ческого строя оправдывает себя редко. О каком же воспроизведении в таком случае может идти речь? В качестве ответа приведем следующие слова Г.А. Гуковского: «Стихи, вообще говоря, несут в себе потенцию двух родов членения речи и в то же время объединений и соотношений смыслов и слов... С одной стороны – это синтаксис, синтаксическое деление и объединение словесных и смысловых групп; с другой стороны – это деление на стихи, строфы, полустишия, то есть стиховое членение, имеющее, конечно... не фонетический, а в первую очередь семантический характер и создающее особые условия сопоставления и взаимопроникновения смыслов...»²³.

Следует также помнить, что «интонация, реализованная в синтаксисе, играет в стихе роль, не менее важную, чем ритм и инструментовка... <...> в синтаксисе, рассматриваемом как построение фразовой интонации, мы имеем дело с фактором, связывающим язык с ритмом»²⁴.

Поэтому, рассматривая, как воспроизведена в наших переводах синтаксическая структура оригинала, главное внимание мы направим именно на то, в какой мере перевод воспроизводит «сопоставление и взаимопроникновение смыслов» и реализованную в синтаксисе интонацию.

Четыре предложения, составляющие стихотворение Гете и размещенные им в восьми строках, не однотипны. Разная их структура, разное размещение главных и второстепенных членов, разное их членение, разное количество слогов в каждом стихе – все это создает то взаимопроникновение смыслов, ритмы, движение тонов, которые должен воспроизвести перевод, даже если абсолютно совпадающих структур в ряде случаев и не будет.

Первое предложение Гете занимает два стиха (*Über allen Gipfeln // ist Ruh'* – «Над всеми вершинами // Тишина») и построено так, что в первом стихе расположена обстоятельственная группа, а сказуемое и подлежащее отнесены во второй стих, в конец предложения, так что пони-

²³ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. Саратов. Изд. Сарат. ун-та, 1946. С. 38–39.

²⁴ Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха. Пб.: Опояз, 1922. С. 6. (Подчеркнуто А.Финкелем. – С.Г.)

А. М. Финкель

жение интонации припадает на слово *Ruh* – «тишина», ставшее тем самым наиболее весомым.

Расширение всей картины в переводе Лермонтова и объем понадобившейся для этого лексики повлекли за собой изменение синтаксиса, ритма и интонации: первый стих заняла группа подлежащего, а второй – группа сказуемого, так что понижение голоса приходится не на подлежащее и не на сказуемое, а на во всех отношениях второстепенный член предложения – слово *ночной*.

Несравненно точнее все это воспроизведено в переводе Анненского, а в особенности Брюсова (*На всех вершинах // Покой*), где размещение всех слов, темп, ритм и акценты полностью совпадают с оригиналом.

Сильнее всех отклоняется от оригинала Пастернак: в его переводе это предложение занимает всего одну строку, состоящую из трех слов, каждое из которых несет на себе тяжелое ударение. Отсюда совершенно иная интонация, не похожая на гетеевскую.

Второе предложение занимает у Гете три стиха и построено так: 3-й стих – группа обстоятельства, 4-й сказуемое и подлежащее, 5-й – группа дополнения. Таким образом, главные члены обрамляются группами второстепенными и интонационно подчеркнутыми оказываются слова *Wipfeln* («макушки») и *Hauch* («дуновение»), причем на последнее падает понижение голоса. После этого следует пауза, а за ней стих 6-й, заключающий картину природы. Синтаксически и интонационно – это повествовательное предложение с типичной структурой Подлежащее – Сказуемое – Обстоятельство (*Die Vögel schweigen im Walde*), чем достигается спокойный умиротворенный тон, то «объективное чувство», о котором говорил Фет.

Эти два неравновеликих предложения Лермонтов передал тремя с совершенно иным построением, иной мелодикой. Строки 3–4 построены как абсолютно параллельные строкам 1–2, и в них повторяется то же размещение групп подлежащего и сказуемого, с тем же ритмом, той же интонацией. Стихи 5–6 также построены одинаково, и каждый является самостоятельным предложением с инвертированным порядком слов (*Не пылит дорога, // Не дрожат листы*). Эти три стиха (4, 5, 6)

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

отделены друг от друга паузами, размещение и количество которых совершенно не такие, как у Гете.

Структурные и ритмико-интонационные отступления здесь столь же значительны, как и лексические и образные, что в свое время отметили А.Сидоров и А.Федоров.

У Анненского и Брюсова это воспроизведено точнее. Стихи 3–5 у Брюсова несколько отступают от оригинала (вместо личного предложения дано безличное отрицательное), однако размещение акцентов осталось тем же. Перевод Анненского еще ближе и сохраняет размещение сказуемого и зависящих от него слов. Отступает от оригинала внесение обособленного определения *уж черной*. Стих 6-й не только лексически, но и ритмико-сintаксически передан Брюсовым точнее, чем Анненским.

Совершенно иной характер все это приобрело в переводах Пастернака. Второе предложение занимает у него четыре стиха (2–5), причем подлежащее со своими пояснительными словами (*Каждый листик средь бора*) находится в 3-м стихе, а его сказуемое (*погружен*) – в 5-м, а дополнение к сказуемому (*в полусон*) – во 2-м. Стих 4-й занят обстоятельственной группой (*На краю косогора*), относящейся к слову *бора* из 2-го стиха. Вся эта структура совершенно не похожа на гетевскую ни синтаксически, ни интонационно. Стих 6-й, заключающий картину природы, в этом отношении значительно к оригиналу ближе, несмотря даже на иной порядок слов.

Последние две строки характеризуются побудительным предложением (*Warte nur*), паузой после него в середине стиха и анжамбеманом от стиха 7-го к 8-му.

Мы уже говорили, что в переводе Анненского эти строки не только лексически и семантически, но и структурно-сintаксически резко расходятся с оригиналом и имеют совершенно иной интонационный и ритмический характер.

Переводы этих строк у других наших переводчиков и в этом отношении к оригиналу ближе. Разница лишь в том, что Лермонтов и здесь сохраняет плавное течение фразы, так что весь 7-й стих отдан побудительному предложению, никакого анжамбемана нет, границы стиха и

А. М. Финкель

предложения совпадают, и пауза приходится не на середину 7-го стиха, а на конец его.

Брюсов и Пастернак воспроизвели это точнее: есть анжамбеман, есть пауза посреди 7-го стиха, соблюдены тот же ритм, тот же темп, та же интонация.

А. Сидоров тонко отметил одну характерную деталь: «...стихотворение Гете написано без разделения на строфы... что придает ему поразительную схожесть с медленной речью <...> А у Лермонтова: нежные трехстопные хореи – уже не медлительная речь, а музыка. Пришли слова – и словно томно закружились в тихом танце» (цит. соч., с. 40). Если приложить это замечание к переводам Анненского и Брюсова, то придется признать, что в их переводах, как и у Гете, не тихий танец, а та же медленная речь. Перевод Пастернака занимает как бы промежуточное положение.

Таким образом, и²⁵ под углом зрения синтаксико-интонационным ближе всех к оригиналу перевод Брюсова, а дальше всех перевод Лермонтова. Трудно поэтому понять, на чем основаны суждения Шагинян и Арго, что у Лермонтова изменение ритма оправдано, а у Брюсова соблюдение ритмического рисунка искажает интонации Гете. Суждение это в такой же мере ошибочно, как и пристрастно.

11 <Метр и рифма>

Метрическую схему оригинала с надлежащей точностью не воспроизвел никто. Не будем ставить вопроса – должен ли переводчик к этому стремиться, – на этот счет существуют разные мнения²⁶.

²⁵ Данный оборот речи употреблен не вполне обоснованно, так как в плане лексико-семантическом, как было показано самим А.М. Финкелем в пункте 9, «далше всех» от подлинника не перевод Лермонтова, а перевод Пастернака. Да и в плане интонационно-синтаксическом пастернаковский перевод, хотя и не транспонирован, в отличие от лермонтовского, из говорной системы в напевную, по количеству продемонстрированных А.М. Финкелем отклонений вряд ли может быть сочен существенно более близким к оригиналу. – С.Г.

²⁶ См. по этому поводу: Томашевский Б.В. Стих и язык. М.: Изд. АН СССР, 1958; Поэзия и перевод. Л.: Сов. писатель, 1963; Жирмунский В.М.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

В какой мере метрическая схема оригинала соблюдена в наших переводах, можно показать в таблице 4.

Таблица 4

Тексты № стихов	Количество слогов в стихе								Всего слогов	В т.ч. удар- ных слогов
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		
Оригинал	6	2	5	3	4	8	5	4	37	18
Лермонтов	6	5	6	5	6	5	6	5	44	24
Анненский	5	1	5	4	5	6	7	6	39	16
Брюсов	5	2	5	3	5	9 ²⁷	7	4	41	17
Пастернак	7	3	7	7	3	7	7	6	47	18

У Гете стих неравносложный, что проявилось и в неодинаковом количестве ударений в каждой строке. У Лермонтова стих равносложный – трехстопный хорей – и потому в каждой строке по три ударения, на каждом нечетном слоге. Таким образом, метрическая схема Лермонтова совершенно иная, и с гетевской совпадает лишь первая строка, очевидно, задавшая тон всему избранному Лермонтовым размеру.

Все остальные переводчики сохранили неравносложный стих, однако с оригиналом не совпадающий, причем расхождения у каждого свои. Точнее всех перевод Брюсова: в то время как у Анненского с оригиналом совпадает стих III-й, у Пастернака ни один, у Брюсова совпадают стихи II-й, IV-й и VII-й (в последних двух несколько иное расположение ударений).

У Пастернака обращает на себя внимание настойчивое повторение в стихах I–III–IV–VI и VII семисложной структуры с тремя ударениями, а в стихах II и V – трехсложной с ударением на последнем слоге; это придает его переводу строфический характер, более сложный, чем у Лермонтова, однако от оригинала столь же далекий.

Характер и следование рифм покажем в таблице 5.

Стихи и перевод // Русско-европейские литературные связи. Л.: Наука, 1966. С. 423 и далее. Там же и литература <вопроса>.

²⁷ В оригинальном варианте брюсовского перевода (см. примечания 2 и 21) в этом стихе 10 слогов. – С.Г.

Таблица 5

<i>Стихи</i>	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Оригинал	Ж	М	Ж	М	М	Ж	Ж	М
Лермонтов	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Анненский	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Брюсов	Ж	М	Ж	М	М	Ж	Ж	М
Пастернак	Ж	М	Ж	Ж	М	Ж	Ж	М

Возможно ли более точное воспроизведение гетевской метрики? Вероятно, возможно. Но если даже, как в данном случае, этого нет, все же это не означает, что все переводы в этом отношении одинаковы. Очевидно, и здесь тот перевод лучше, в котором отклонений от оригинала меньше и отклонения эти незначительны. Дело не в абстрактно-педантическом принципе эквиритмии, а в тех связях, которые существуют между размером стиха и эмоциональным тоном стихотворения. Очень хорошо сказано по этому поводу у Б.В. Томашевского: «Почти каждый размер имеет несколько аффективных вариантов, и, однако, каждый размер ограничен возможностями, только ему свойственными. Если два стихотворения одинакового размера и могут самым своим ритмом вызывать разные настроения, то никак невозможно обратное, чтобы два стихотворения, писанные разными размерами, обладали одинаковой аффективной окраской. Каждый размер многозначен, но область его значения всегда ограничена и не совпадает с областью, принадлежащей другому размеру»²⁸.

И хотя «так называемые “эквиритмические” переводы иной раз вместо сходства подчеркивают только различие стихотворных средств разных языков»²⁹, однако бывает это лишь «иной раз» и меньше всего относится к переводам с немецкого языка на русский.

Как же обстоит дело с нашими переводами?

Замена Лермонтовым неравносложного стиха на трехстопный хорей привела к тому, что в его переводе на семь слогов больше, чем в оригинале, а вся мелодия стиха стала совершенно иной. В еще боль-

²⁸ Томашевский Б.В. Стих и язык. С. 33. (Выделено нами.)

²⁹ Там же. С. 60.

«Ночная песня странника» Гете в русских переводах

шай мере это проявилось в переводе Пастернака, где на 10 слогов больше, чем у Гете.

Ближе – и в количестве слогов, и в размещении их по стихам, и в количестве ударений – перевод Анненского, однако совпадения с оригиналом нет, как нет его и в расположении рифм.

Точнее соблюдено все это у Брюсова, хотя полного соответствия нет и у него (расположение и характер рифм те же, но слогов больше).

Из всего этого следует, что и в отношении метрическом, как и во всех других, наиболее близким является перевод Брюсова, а наиболее далекими переводы Лермонтова и Пастернака. Поэтому не может не вызвать удивления такое утверждение Л.И. Тимофеева: «...перевод Лермонтовым “Горных вершин” Гете... весьма далек от ритма подлинника, но исключительно глубоко уловил его внутреннее содержание... Интонационная структура гетевского стихотворения, основанная на повторении самостоятельных и параллельных по интонации частей, фиксирующих отдельные моменты жизни природы, и завершающаяся эмоциональным подъемом – обращением, полностью уловлена Лермонтовым»³⁰.

Согласиться с этим невозможно. Как только что было показано, в переводе Лермонтова ничего этого нет, и интонационная структура гетевского стихотворения Лермонтовым не передана, о чём давно уже говорили и Фет, и Сидоров, и Жирмунский, и Федоров. Все, что говорит по этому поводу Л.И. Тимофеев, несравненно тоньше уловлено и воспроизведено В.Я. Брюсовым.

* * *

Значение выводов, к которым мы пришли, состоит, как нам кажется, в первую очередь в том, что они основаны на методах, максимально свободных, думается нам, от какого бы то ни было субъективизма и предвзятости, т.е. на методах объективных, следовательно – научных. Иных путей для определения качества и достоинства переводов в прин-

³⁰ Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. М.: Гослитиздат, 1958. С. 130–131.

А. М. Финкель

ципе быть не должно. Они требуют, конечно, уточнения, развития, усовершенствования, но только при опоре на них возможно преодоление субъективистского подхода и всех вытекающих из него произвольных оценок и бездоказательных суждений.

Декабрь 1966 г.

*Публикация, подготовка текста и примечания
С. И. Гиндина*

Ф. Ф. Зелинский о русском стихе и сопоставительной метрике

Последняя работа Фаддея Францевича Зелинского

Образ и труды великого классического филолога Тадеуша Зелинского¹ (1859-1944) хорошо известны в России. Рискну даже высказать утверждение, что они там известны лучше, чем в Польше, где уже ушло из жизни поколение его учеников и в целом то поколение интеллигенции, на которое Зелинский мог оказывать непосредственное влияние. На этом фоне явление, которое мы наблюдаем в России, означает, что у нас в Польше время повторного открытия культурных достижений Зелинского еще не наступило. За 1993-2003 годы появилось – прежде всего, усилиями петербургского издательства «Алетейя» – одиннадцать переизданий трудов Зелинского. В словаре «Русские писатели. 1800-1917» (т. 2. М., 1992) статью, а вернее, философский этюд, о нем написал Сергей Аверинцев. Хорошим введением в биографию Зелинского может служить и предисловие к «Римской Республике».²

Вероятно, большой неожиданностью для античников и историков науки станут материалы, которые увидят свет в этом году в варшавском издательстве «DiG». Подготовленное к изданию Центром исследований античной традиции Варшавского университета, это

¹ Сохраняя авторское распределение русского и польского имен Зелинского в заглавии и тексте предисловия, редакция позволила себе дать фамилию ученого всюду в русском ее написании. – Ред.

² Лукьяненко О. Вертикаль жизни (наброски к биографии Ф.Ф.Зелинского) // Зелинский Ф.Ф. Римская Республика / Пер. с польск. СПб.: Алетейя, 2002. Там же помещено «Приложение к биографическому очерку о Ф.Ф. Зелинском, написанное его дочерью Ариадной Фадеевной».

П. Мицнер

издание будет включать опубликованную по немецкой рукописи «Автобиографию» Зелинского (написана в 1924 году) и «Дневник (dziennik) 1939-1944». Содержащая очень много ценных сведений о научной жизни России, Германии и Польши – трех научных отечеств ученого, – эта публикация даст картину формирования и развития личности, по сути говоря, так и не узнавшей старости. Автор «Из жизни идей» умер 84 лет от рода, продолжая работать буквально до последних дней, не поддаваясь обстоятельствам и употребляя все напитки богов (включая вино и пиво).

Вернемся, однако, назад во времени. По приезде из охваченной революцией России Зелинский обосновался в Варшаве. Важнейшим направлением его исследований стала история религии. Рукопись очередного тома из большого цикла «Религии античного мира» («Religii kultury antycznej»), озаглавленная «Религии Римской империи» («Religii Cesarstwa Rzymskiego»), сгорела вместе со всей библиотекой и архивом профессора во время бомбардировок Варшавы в сентябре 1939 года. Он сам был тогда частично парализован. После капитуляции Тадеуш Зелинский с дочерью Вероникой выехал в Шондорф в Баварии, где постоянно проживал его старший сын Феликс. В его планы входило ехать дальше и осесть в Риме в Приюте Св. Станислава, но на это немецкие власти не дали разрешения. Так он был вынужден последние годы жизни провести в этом городке, окруженный общим уважением и доброжелательностью его жителей. Быстро восстановил силы и вернулся к работе. Воссоздал благодаря своей исключительной памяти и окрестным библиотекам «Religii Cesarstwa Rzymskiego» и написал следующий, столь же обширный том «Античное христианство» («Chrześcijactwo antyczne»). Для болонского журнала «Scientia» подготовил статью «La Cosmogonie de Strasburg» (v. XXXV, 1941). Восстановил по памяти свои юношеские стихи, написанные по-немецки, и объединил их в том «Juvenilia». Вел постоянный домашний семинар, посвященный чтению «Божественной комедии», переписывался с коллегами и учениками на родине.

Последняя работа Фаддея Францевича Зелинского

Тадеуш Зелинский умер 8 мая 1944 года³. Похоронили его в Шондорфе, рядом с умершей в 1942 году дочерью.

Заботу о его рукописях взял на себя его сын Феликс. После войны ученики Зелинского безуспешно пытались заинтересовать варшавские издательства последними томами «Religie nowiata antycznego». Столкнувшись с равнодушием, Феликс понял, что польские архивы – не лучшее место для бумаг отца, и выбрал Ленинград. Там, в Архиве Российской Академии наук и пребывают рукописи и другие материалы, относящиеся к жизни и творчеству Тадеуша Зелинского (фонд 977).

В 1999-2000 годах издательство «Адам Маршалек» в Торуни наконец-то издало (по копиям, хранящимся в Польше) «Chrzeszczanstwo antyczne» и «Religii Cesarstwa Rzymskiego» (в такой последовательности), переиздав также предшествующие тома данного цикла.

Наследием Зелинского активно занялась Ханна Геремек. В 1997 г. появилась ее работа «Тадеуш Зелинский и театральная жизнь России: материалы к биографии»⁴. В 1999 г. она издала в Центре исследований античной традиции сборник статей Зелинского «Kultura i rewolucja: Publicystyka z lat 1917-1922». Х.Геремек намеревалась опубликовать также и «Дневник», но этому помешала ее безвременная кончина в июле 2004 г. Работу довел до конца автор этих строк, используя уже опубликованные Ханной Геремек результаты исследований.⁵

В результате регулярных ежедневных записей в Дневнике между 5 и 15 февраля 1944 года возникли и публикуемые ниже «Заметки...». Сегодня уже трудно установить, что заставило старого филолога вернуться к своим давним интересам, не лежавшим к тому же на главном направлении его исследований. Зачем он прибег к русскому языку, со-

³ С.Аверинцев в своем биографическом очерке приводит ошибочную дату 5 апреля.

⁴ Geremek H. Tadeusz Zielinski a życie teatralne Rosji. Materiały do biografii // Siew Dionizosa. Inspiracje Grecji antycznej w teatrze i dramacie XX wieku w Europie Środkowej i Wschodniej. Rekonwersja / Redaktorzy J. Aker i Zbigniew Osicki. Warszawa 1997.

⁵ Geremek H.. Nieznany dziennik Tadeusza Zielińskiego z okresu drugiej wojny światowej: Przyczynki do biografii, „Przegląd Historyczny” 2003, z.3.

П. Мицнер

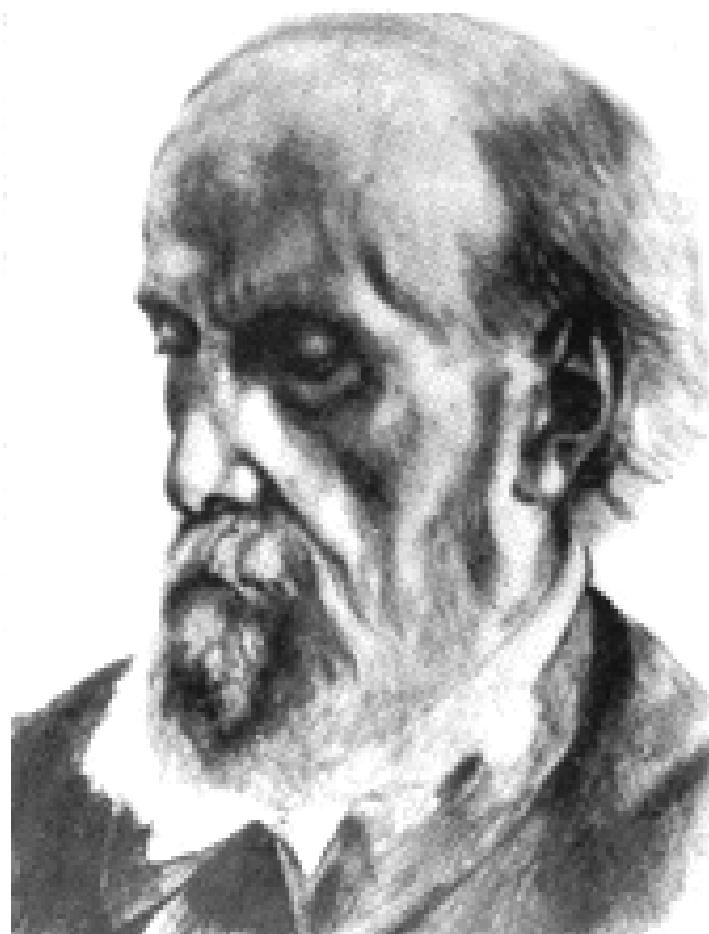
здав себе такие трудности в передаче текста на пишущей машинке с латинским шрифтом?

Ханна Геремек, помимо материалов, непосредственно связанных с «Дневником», передала мне и машинописный оттиск «Заметок...». Это текст на русском языке, напечатанный, как уже упоминалось, на машинке с латинским шрифтом, занимает 14 заполненных с 2-х сторон листов формата в половину обычного машинописного. В машинописи имеются авторские рукописные поправки и добавления, в конце текста можно различить подпись (кириллицей): Ф. Зелинский. Вмешательство публикатора, помимо «обратного перевода» из латиницы в кириллицу, свелось к раскрытию (в угловых скобках) некоторых сокращений и к исправлению мелких неточностей в польских и английских цитатах (сверенных с авторитетными изданиями) – нельзя забывать, что Зелинский в тех трудных обстоятельствах часто цитировал по памяти.⁶

Перед нами последняя работа великого филолога, ученого, чьи свершения в равной степени принадлежат как польской науке, так и российской и немецкой. А может просто – науке вообще.

Петр Мицнер
профессор Университета
им. Кардинала Ст. Вышиньского,
Варшава

⁶ В редакции «Московского лингвистического журнала» была произведена контрольная сверка с ксерокопией источника публикации, любезно предоставленной проф. П. Мицнером. Кроме того, цитаты из русских текстов, приводившиеся автором по памяти, выверены А.С. Красниковой по авторитетным современным изданиям: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 1-5; Толстой А.К. Собр. Соч. в 4-х тт. / Под ред. И. Ямпольского. Библиотека «Огонек» Издательство «Правда» М.:1969. Т.3. Все названия произведений и периодических изданий, в оригинале приводимые курсивом и без кавычек, даются прямым шрифтом и в кавычках. Напротив, все языковые примеры набраны в публикации курсивом. – Ред.*

Портрет Ф.Ф.Зелинского, нарисован в Шондорфе дочерью Вероникой.

Ф. Ф. Зелинский

**Заметки в области русской просодии и метрики
(специально белого стиха)**

|

Еще будучи студентом, я, странствуя по холмам и долинам Тюрингенского Леса, интересовался наречием местных жителей – довольно некрасивым, к слову сказать, как и все средненемецкие наречия. Особое мое внимание привлекла система дней недели: вместо *Montang* – *Mantich*, вместо *Dienstag* – *Deinschtich*, вместо *Donnerstag* – *Dunnerschtach*, вместо *Freitag* – *Freitich*... И так: во всех двусложных ослабление второго слога (*-tich* вместо *-tag*), но в единственном трехсложном – сохранение коренного звука *a*. Чем это объяснить? Исключительно тем, что только здесь на нем покоится ударение, хотя и побочное: *Dъnnerschtach*, между тем как в прочих примерах соответственный слог *– tag* стал безударным: *Mbntich* и т.д.

Но ведь то же явление мы наблюдаем и в латинском языке (должен заметить, что согласно теории, которую я считаю правильной, главное ударение в этом языке первоначально покоилось на первом слоге; много позднее я в своих ритмических исследованиях – *Das Clausegesetz in Ciceros Reden* – доказывал, что в эпоху Цицерона слова типа *familia*, *mulieres* еще имели ударение на четвертом слоге с конца, т.е. на первом). Возьмем сложные глаголы *ago*: *bbigo*, *sъbigo*, но *circumago*; сложные глаголы *lego*: *colligo*, *eligo*, но *intellego* (*neglego* – особ статья, так как *nes* не предлог). И тут звуки *a* и *e* были спасены от ослабления (т.е. превращения в *i*) там, где на них покоилось ударение, хотя и побочное.

Таково просодическое значение побочных ударений; конечно, все это можно бы и подробнее развить, но для нашей метрической темы и

Заметки в области русской просодии и метрики

сказанного довольно. Деля таким образом слоги слов на полноударные, полуударные и безударные, я не хочу сказать, что их разнообразие этим делением исчерпывается. Нет. Возьмем стихи Пушкина:

Недоумения полна
Остановилася она.

Главное ударение в первых словах покоится несомненно на слогах – *ме* и *–ви*; побочные, коих в этих длинных словах по два, если их читать на прозаический лад, - на *не-*, *о-* и *тя - ся*. Но позволительно утверждать, что и остальные слоги не совсем безударны: *в – доу-* и – *стано-* второй слог все-таки не так глух, как первый. Принимая во внимание также и это, можно будет среди побочных ударений еще отличать второстепенные ударения от третьестепенных; тогда мы получим такое их обозначение:

Нйдоумйния полна
Остановилася она.

И, пожалуй, даже этим предел еще не достигнут. Помню, какой то шутник раз обогатил русскую речь словом *выкарабкавшимся*; полагаю, что при внимательном просодическом анализе на нем могут оказаться даже четвертостепенные ударения. Но практического значения для метрики подобные тонкости не имеют, и нам достаточно будет признать наряду с главными ударениями еще существование и действительную силу также и побочных, и в зависимости от этого, деление слогов на полноударные, полуударные и безударные.

II

Переходя от просодии к метрике, установим прежде всего основное различие между дактило-анапестическими размерами с одной стороны и ямбо-хореическими – с другой. Развличие основано на отношении – в количественном стихосложении древних, которое легло в основу нашему, тоническому, – арсиса к тезису. В дактило-анапестических размерах арсис, будучи в основе долгим, равняется двум морам (единицам времени), тезис, состоящий в основе из двух кратких слогов, тоже двум, так что арсис и тезис по весу равны; поэтому древне этот род

Ф. Зелинский

(*genos*) размеров называли «равным» (*genos ison*). В ямбо-хореических размерах, напротив, арсис, будучи долгим и, следовательно двуморным, по весу дважды превышает тезис, в основе состоявший из одного краткого слога, и, следовательно одноморный; здесь, поэтому, мы имеем «род двойной» (*genos diplasion*). При переходе от количественного стихосложения к тоническому арсису стала соответствовать ударная, тезису – неударная часть «стопы», при чем, однако, отношение этого метрического ударения, или *iktusa*, к просодическому, или *akcentu*, – удержим пока эти термины – еще не было предрешено. Оно-то и составит тему нижеследующих заметок.

Тут первым делом бросается в глаза коренное различие между дактило-анапестическими и ямбо-хореическими размерами; его касается нижеследующий Закон: побочные ударения, будучи допустимы в арсисе ямбо-хореических размеров, принципиально недопустимы в арсисе дактило-анапестических. Исключениями являются, по необходимости, имена собственные, но и они только под условием, чтобы побочное ударение предшествовало главному.

Сначала поясню этот закон, а потом постараюсь его обосновать. Пояснить же его буде всего легче на неудачной попытке его нарушить.

Такую попытку сделал еще в эпоху моей молодости некто Краузе, задумавшись дать русской публике новый перевод «Илиады» – надеясь однако, что не всей. Он у него начался следующим образом (цитирую по памяти, не ручаясь за точность):

Злобу, богиня, воспой Пелевича Ахиллеса
Гибельную, что бесчисленных бед стала Грекам причиной –
после какого начала читатель, разумеется, терял охоту продолжать чтение. Оригинальность нового перевода заключалась в обоих словах: *Пелевича* и *гибельную*, в которых иктус стопы пятой первого и второй второго стиха падает на побочные ударения -ча и -ю, при чем нарушается закон, о котором идет речь: недопустимость этого нарушения обладающий слухом читатель – переводчик им, очевидно, не обладал – может проверить на себе.

Исключения, сказал я, составляют по необходимости имена собственные; эту необходимость испытал *m.pr.* [*tanu propriae* – П.М.] я при

переводе послания Лаодамии Протисилаю (см. мои «Баллады- послания» Овидия в издании Сабашникова). Вот его первый стих:

Прттисилбю привет шлет за море Лаодамия.

В обоих именах собственных закон нарушен, но соблюдено условие, оправдывающее это неизбежное нарушение: в обоих второстепенное ударение (*Пртт, Лб-*) предшествует главному (-лб-, -мъ-) – между тем как <у> Краузе в имени *Пелейевича* главное ударение (-лй-) предшествует побочному (-ча), что – как докажет читателю его слух – недопустимо.

Перехожу теперь ко второй части моей задачи – обоснованию нашего закона. Оно, по-моему, заключается в следующем: побочное ударение, будучи много слабее главного, не в силах вынести тяжесть следующего в дактило-анапестических стихах двуморного тезиса. Это объяснение хорошо и тем, что оно объясняет заодно и допустимость побочных ударений в арсисе ямбо-хореических размеров: там ведь тезис легкий, одноморный, так что этот вес будет по силам также и слабому побочному ударению. Правда, можно бы заметить, что Краузе совершил над своими двумя словами и другого рода насилие: перемещение побочного ударения, которое при естественном чтении поконится на предпоследнем слоге, а не на последнем: *Пелейевича и гъельную*. Но с этим перемещением нетрудно бы было примириться: оно вообще допустимо, как мы это увидим в главе о «переломах» (анакласах) ниже. Если же мне возразят, что данное мною обоснование не сознается читателем как таковое, то я отвечу: считаю почти несомненным, что оно не сознается и поэтами. Но я не раз в своей научной деятельности выводил наружу таинственные законы, которым творцы – поэты или прозаики – следовали, не отдавая себе в них отчета; самый яркий пример – открытые мною ритмические законы ораторской прозы; и в этом заключается причина, почему эти мои открытия встречали, несмотря на свою очевидность, такое упорное сопротивление со стороны незнакомых с психологией ученых.

Еще одна заметка по поводу нашего закона. Недопустимость побочных ударений в арсисе дактило-анапестических размеров повела к тому, что употребление многосложных слов подверглось в них сильно-му ограничению: в сущности поэты пользуются вполне беспрепятствен-

Ф. Зелинский

но только от одно- до четырехсложных. Уже с пятисложными возникают затруднения: годятся только те, которые имеют ударение (главное) на третьем слоге, и их надо вставлять между двумя полноударными слогами. Встречаются они поэтому крайне редко: в «Песни о вещем Олеге» Пушкина на сто стихов только три примера: «Щадят победителя годы», «И взор омрачилися думой» и «В твое позлащенное стремя». Слова же длиннее пяти слогов не встречаются вовсе. В этом отношении ямбо-хореические размеры гораздо свободнее – почему можно сказать, что они и у нас стоят ближе к разговорной речи, что про них уже и древне заместили, хотя и по другой причине.

III

Так как я коснулся дактило-анапестических размеров и следовательно гексаметров, то я позволю себе дать здесь место своим наблюдениям также и по этой части. Я выше намекнул на свой перевод «Баллад-посланий» (в подлиннике: «Heroides») Овидия; именно этот перевод заставил меня интересоваться теорией гексаметра вообще и русского гексаметра в частности.

Как известно, этот гексаметр состоит из шести дактилей, следовательно – кроме последнего, усеченного – стоп четырехморных; именно в строгом соблюдении этой четырехморности заключается его правильность. Но в обоих древних языках он бывает не только правилен, но и разнообразен; это разнообразие обуславливается возможностью стяжения обоих кратких слогов в один долгий и, стало быть, замены дактиля спондием; эта возможность зависит от количественного характера античного стихосложения и автоматически теряется при переходе от количественного принципа к тоническому. Ее сохранили поэтому только те из новейших языков, которые, подобно чешскому, венгерскому, финскому, – сохранили также и свой количественный характер; отсюда следует, что от русского гексаметра – как и немецкого, итальянского и т.д. – этого разнообразия требовать нельзя. И притом, заметьте, от русского еще менее, чем от немецкого. В немецком, благодаря особенностям его словообразования, можно еще сказать, что слова вроде: *Tatkraft*,

Заметки в области русской просодии и метрики

Heilkunst и т.п. имеют спондеический характер; в русском никакие спондеи невозможны.

Когда Гнедич переводил «Илиаду», он имел перед собой дилему: либо, сохраняя правильность гексаметра, пожертвовать его разнообразием, либо создать новое, искусственное разнообразие, чередуя дактили с хореями, как единственными стопами,ющими до некоторой степени соответствовать греческим спондеям. Но хорей, в отличии от спондея, стопа не четырех-, а трехморная; чередуя с ним дактили, терялась правильность стиха. Если к этому еще прибавить неопределенность ударений во многих кратких, особенно двусложных словах (о ней речь будет ниже), то получится стих, в котором разобраться бывало нередко мудрено, почему переводчик считал нужным приходить на помощь читателю, проставляя щедрой рукой требуемые по его замыслу ударения.

Чуткое ухо Жуковского не могло примириться с этим искусственным разнообразием, оккупленным такой ценой: переводя «Одиссею», он в значительной степени восстановил нарушенную Гнедичем правильность. Менее заботливо отнесся он к своему переводу «Ундины» Фукэ: его беспечный стих немногим отличается от Гнедичевского. Ибо это тоже надо иметь ввиду: этот Гнедичевский гексаметр с его произвольным набором дактилей и хореев был для читателя, правда, труднее, но для писателя много легче того строгого, почти чисто дактилического, которым Жуковский переводил «Одиссею».

Наследие Жуковского принял Пушкин. Целых поэм он гексаметром не писал, но в мелких стихотворениях пользовался им нередко. Каково же было его отношение ко Гнедичевской дилемме? Тут никакого сомнения быть не может: он пошел по стопам Жуковского. Хорей, т.е. вообще односложные тезисы, встречаются у него редко. Из примеров особенно поучителен тот, который мы находим в эпиграмме в честь Дельвига («Загадка» при посыпке ему бронзового сфинкса):

Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?

Стих этот также и с точки зрения правильности безупречен: односложное слово *грек*, будучи полноударным, вместе с предыдущим слогом составляет спондей, и это единственная возможность «воспроиз-

Ф. Зелинский

водить» спондей в русском стихосложении. В том же роде и мой выше-приведенный стих из баллады-послания Овидия:

Протесылаю привет шлет за-море Лаодамия.

Редкость таких примеров понятна. Ближе прочих к ним приходит переведенный из Ксенофана:

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают, –

в своем первом слове, поскольку в этом слове слог *-сты* может быть принят за дифтонг и, следовательно, за долгий; но тут уже третья стопа *-пол сте-* доказывает, что Пушкин с тем, что я называю «весом» слогов не считался.

К слову сказать: не знаю, как к нему относятся новейшие поэты – я их с этой точки зрения не рассматривал, и у меня здесь под рукой их произведений нет. Все же мне кажется, что пренебрегать этим различием веса слогов не следует, и что мало-мальски чуткий слух должен признать неблагозвучным стих Ал. Толстого:

Скачи, князь, до вражьего стану

ввиду положения в тезисе анапеста полноударного односложного слова *князь*. Реформатор немецкого гексаметра граф Платен в своем «романтическом Эдипе» насмешки ради приводит жалобу поэта, обижающегося на критику за то, что она забраковала употребленное им в качестве дактиля слово *Holzklotzpflock*; *-чи, князь, до* Толстого в том же качестве, конечно, менее разительно, но по существу не очень от него удаляется.

Возвращаясь к теме, скажу, что линия развития Гнедич – Жуковский – Пушкин повелительно указывает на исключение хореев как условие дальнейшего существования гексаметра в русской поэзии. А было бы жаль, если бы он дал себя упразднить: раз приобщенный, он получил свой особый характер, и его опала была бы незаменимой утратой. Замечу напоследок, что Пушкин раз тоже воспользовался Гнедичевскими гексаметрами но с явно пародической целью – в эпиграмме на Юхельбекера; отсюда видно, какого он был о них мнения.

Вопрос о допустимости спондеев-хореев в тоническом гексаметре сказанным, думается мне, разрешен, но это разрешение при всей своей логичности и необходимости нас мало удовлетворяет: все таки чув-

стуется, что мы, спасая его правильность, пожертвовали его разнообразием, а с ним одной из его несомненных красот. Тем бережнее, однако, должны мы относиться к тем его красотам, которые без особого труда могут быть сохранены также и в тонической его форме. А к этим красотам относятся его цезуры с их последствиями.

Приведу тут прежде всего поясняющие примеры. Беру их из начала второй песни «Энеиды», приставляя для более легкой ориентировки читателя иктусы:

Cynticijre omnis intinti ue yra teibant;
Inde tory pater Ainebēs sic yrsus ab blto:
Infandym, regina, jubis renovbre dolorem...

В этих трех стихах мы имеем все три законные цезуры гексаметра: в первом – мужскую пятитрехполовинную (*semiquinaria, penthktimkres*), во втором – мужскую же семиполовинную с прибавлением, в виде побочной, мужской трехполовинной после *tory* (*semiseptembria, hephthktimkres, с semitemaria, trithktimerks*), наконец – женскую после хорея третьей стопы (*kata triton trochaion*). Правда, вместо этой женской можно здесь также признать мужскую семиполовинную после *jubes* и трехполовинную после *infandum*, и многие отдают также этому делению предпочтение; ну что ж, тогда вместо этого стиха придется сослаться на следующий немного ниже

Praecipitat suadentque cadentia sidera somnos

Все это давно всем известно и никаких сомнений не возбуждает. Зато вот что менее известно и от многих скрывается.

В чем заключается причина существования именно этих трех цезур и исключения иных – например после третьего дактилия:

Infandum nunc, hospita, centis mente dolorem?

Отвечу – в качестве ли первого, не знаю – но с полной уверенностью – обращением внимания на общее качество всех законных цезур, отсутствующее в предположенной незаконной. Это качество состоит в том, что благодаря каждой законной узуре нисходящий ритм первой половины гексаметра:

Cynticijre omnīs –
Inde torypater Aйнебс -
Infandъm, regina –

во второй его половине сменяется ритмом восходящим:

intentique yra tenebant
sic yrsus ibaldo
jubes renovare dolyrem,

между тем как в предложенной цезуре после третьего дактиля обе половины:

Infandum nunc, hyspita
certis verita dolyrem

получили бы ритм нисходящий. Вот именно это правильное чередование восходящего ритма с нисходящим составляет одну из красот античного гексаметра – как греческого, так и латинского; а так как она без особых труда может быть сохранена и в новейшем тоническом гексаметре, то ее сохранить должно, и стих Пушкина (из эпиграммы 1835 г.: *Юношу горько рыдая...*):

Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея
несмотря на прочие его достоинства, отмеченные Белинским, придется признать метрически неправильным.

Отмечу по этому поводу, что Мицкевич в своего «Конрада Валленрода» вставил довольно длинный рассказ, своего рода эпос в эпосе, которому он дал заглавие: «Повесть вайделота». Этот рассказ написан стихом, который поэт считает и называет гексаметром; он ссылается при этом, помнится – опять «помнится» – на одного польского метрика, которого я здесь получить не могу. Начало его такое:

Sk№d Litwini wracaj№? Z nocnej wracaj№ wycieczki.
Wioz№ iupy bogate w miastach i zamkach zdobyte.

Стихи, как видит читатель, совсем такие же, как и приведенный только что стих Пушкина; и рассказ красив, также и с точки зрения формы, но гексаметров я в нем признать не могу, так как в его стихах не достает полнообразного чередования ритмов, которое, как мы убедились, составляет особенность и своеобразную прелест подлинного античного гексаметра.

Но это все – мимоходом; главный предмет настоящих заметок – белый стих. Повод к тому, чтобы интересоваться им, подал мне опять перевод – а именно перевод всего Софокла, который вместе со статьями о нем стал моим главным трудом на русском языке (вышел в трех томах все у того же Сабашникова в 1914 г. и сл.). Технику же белого стиха, которым я перевел диалогические части драм поэта (лирические переведены в принципе размерами подлинника), я изучил преимущественно на драмах Пушкина и трилогии Ал. Толстого, привлекая для сравнения – очень поучительного – английский белый стих Шекспира и немецкий Шиллера.

В последних годах моего пребывания в Петербурге возникла для объяснения некоторых особенностей русского белого стиха теория, которую можно назвать «теорией пеонов». В основу ее легло наблюдение, что этот стих вовсе не является пятиударным, каковым его принято считать, что число его ударений может быть гораздо меньше. Так в пушкинском стихе:

И летопись окончена моя

мы их насчитываем всего три. Такие же слова, как окончена, состоят из одного ударного слога и трех неударных, т.е. по терминологии количественного стихосложения, из одного долгого и трех кратких, каковые стопы у древних метриков называются пеонами; отсюда термин. Нетрудно однако убедиться, что сама основа этой теории неправильна. Она упускает из виду существование и действие побочных ударений, о коих у нас была речь в первых главах. Принимая же во внимание также и их, придется сказать, что в цитируемом стихе все-таки пять ударений:

И летопись окончена моя,

а именно три главных и два побочных; а что побочные ударения в арсице ямбо-хореических стихов – в отличие от дактило-анапестических – допустимы, это мы установили и обосновали выше (см. гл. II).

Тем не менее я полагаю, что с этой поправкой теорию пеонов можно будет принять – но только без той замысловатой системы квадратиков, треугольников и т.д., которою ее иллюстрировал ее автор (забыл

Ф. Зелинский

его имя) и в которой я никакой пользы не усматриваю. Присмотримся же к ней ближе.

Так как пеон состоит из трех кратких и одного долгого, то в зависимости от места, занимаемого этим последним, мы различаем четыре рода пеонов. Принимая далее во внимание, что в силу принципа количественного стихосложения два кратких слога равняются одному долгому, мы можем свести каждый пеон к трехсложной стопе, что мы ради наглядности и сделаем в нижеследующем перечне, оговариваясь однако, что это сведение не имеет значения для нашего тонического стихосложения:

пеон первый, равный	кretику
пеон второй, равный	палимвакхию
пеон третий, равный	вакхию
пеон четвертый, равный	кretику

Встречаемость, однако, этих четырех разновидностей в русском белом стихе не одинакова, как не одинаково и их, так сказать, прикрепление к тем или другим стопам. В этом последнем отношении особенно стеснительно правило, которое Пушкин себе поставил в «Борисе Годунове» – обязательность цезуры после второй стопы. Приведем примеры.

П е о н п е р в ы й :

Произнести монашеский обет,
Монастыря вид новый принимал,
Бунтовщиком Чернигов осажден,
Предупредить желал бы казни я.

Встречается реже прочих и прикреплен, как показывают приведенные примеры, к началу стиха, в котором он в зависимости от «Пушкинского правила» охотно заполняет первую часть, до мужской цезуры. Обыкновенно он состоит из одного четырехсложного слова, но это не обязательно – в нижеследующем стихе:

Он побежден. Какая польза в том?

его составляют два слова, из которых первое – проклитическое, безударное (о таковых см. ниже).

Заметки в области русской просодии и метрики

Пеон второй:

Спасителя смиренно умоляют
Найдет мой труд смиренный, безымянный.

Этот, наоборот, прикреплен к концу стиха; а впрочем и он встречается сравнительно не особенно часто. Составлять его из цельного слова необязательно; в стихе:

Когда нибудь монах трудолюбивый
он составляет только часть такового.

Пеон третий:

Спасителя смиренно умоляют
Еще одно, последнее сказанье

Этот по своему положению свободнее прочих и своей встречаемостью их превышает. В начале стиха, по Пушкинскому правилу, он возможен наравне с первым, так как побочное ударение перед цезурой допускается.

Пеон четвертый:

Счастлив! А я, от отроческих лет
Опальные возрадуются кости
Пускай их спесь о местничестве тужит.

При соблюдении Пушкинского правила законным местом этого пеона будет третья и четвертая стопы, чем ограничивается его встречаемость. Совпадение с цельным словом, как показывает второй пример, необязательно.

Такова общая схема теории пеонов; изложив ее, перейдем к наблюдениям частного характера. Предпошлю им замечание, что я лишен возможности установить, мною ли впервые они сделаны, или нет, ничуть не дорожка поэтому «приоритетом», предоставляю каждому забрать то, что он сочтет своим.

V

Начну с коренного различия между английским и немецким белым стихом, с одной стороны, и русским – с другой. В первых двух побочное ударение в пятой стопе допустимо; в последнем, русском – безусловно недопустимо. Приведу примеры той допустимости:

Horatio says, ‘tis but our fōntass
Shall I strike at it with my rōrtisan?
This present object made probbitn
Upon the witness of these ḡyntelmin
That he is open to incytinincy.
Versammelt sind die Paris? Die Pairs? Die M̄chtigun
Gestehen? – Nicht der Ruhm des V̄terlandes
Den Feinden Frankreichs ist es f̄rchterlmch
Er gr̄ssste freundlich zuch den Nhedrigstun
Ich selbst f̄r sie mit meiner Fyrstenihre

Как видит читатель, тут собраны заключительные побочные ударения различных родов; для стихов с мужским окончанием можно бы их набрать еще много дюжин, для женских окончаний я привел только один пример из Шекспира и два из Шиллера – и действительно, там они скорее – редкость. Но это объясняется тем, что и соответственные слова – особенно в английском языке – встречаются не особенно часто.

Итак, в английском и немецком белом стихе побочные ударения в пятой стопе равноправны с главными, тут царит полная свобода – различия между стопами нет. Напротив, в русском белом стихе пятая стопа изъята из общего правила: в ней допускаются только главные ударения. И если нам иногда кажется, что поэт допустил исключение – мы можем быть a priori уверены, что на проверку исключение окажется мнимым. Вот примеры:

Как было мне тебя не баловать?
Тут приворот. А как по твоему?
Кто то тебе и брату прибыльнее

В первом примере на нынешний манер предпочтительнее ударять: *бловать* (помню, когда я еще был молодым человеком, покойный Лео-

нид Николаевич Майков меня поправил, когда я в разговоре с ним употребил ударение *баловбть*). Но в этой нынешней манере оказывается наблюдаемая и в других явлениях «пролетаризация языка», как я ее называю, про Пушкина же мы можем быть уверены, что он произносил это слово с ударением на последнем слоге. То же придется допустить и для Ал. Толстого по отношению к обороту: *по твоемэ*. А коли так, то и *прибыльннее* не может оставаться единственным исключением: как это не затруднительно, а придется простить тому же Толстому непривычное ударение: *прибыльнье*. Колебания в ударениях – в русском языке не редкость: в словаре Даля можно найти этому не мало доказательств.

VI

Затем поговорим о разнице между проклитическими и энклитическими словами. Термины заимствованы с греческих грамматиков: они называют «проклитическими» такие слова, которые в речи тяготеют ко следующим и почти сливаются с ними, «энклитическими» – такие, которые так же относятся к предшествующим. При этом проклитические слова совсем теряют свои ударения, почему они называются также *атона*, т.е. безударными, между тем как для энклитических существуют особые правила, довольно тонкие и сложные. Оба рода встречаются также и в русском языке, к проклитическим словам принадлежат предлоги, затем отрижение *не* и другие, к энклитическим – частицы *же*, *ли*, *то* и другие. Но для наших целей нет надобности ограничиваться одними безударными словами. Слово *князь* несомненно полноударное, а между тем оно чувствуется как проклитическое в стихе

Князь Курбский от царского гнева бежал
сливаясь со следующим за ним именем собственным, и как энклитическое в уже цитированном выше стихе

Скачи, князь до вражяго стану,
сливаясь с предыдущим несмотря на стоящую между ними по grammatischen соображениям запятую.

На этом различии между проклитическими и энклитическими словами основан закон русского белого стиха, любопытный и до сих пор,

Ф. Зелинский

кажется, незамеченный – закон, соблюдаемый вышеназванными поэтами бессознательно, но тем не менее строго. Введу его развитие анекдотом о стихотворце, которого лишь с натяжкой можно причислить к поэтам. А именно: рассказывают, что Тредьяковскому однажды пришлось чествовать одой свою государыню и он начал ее стихом:

Да здравствует днесь императрикс Анна!

Но – рассказывают далее – наградой за усердие была ему – порка, а это потому, что он осмелился императрицу назвать: *императрикс*. Он оправдывался, вероятно, тем, что *императрикс* – слово латинское, торжественное, вполне гармонирующее с торжественностью обстановки, но понятно, что это соображение не особенно подействовало на душу вдвойне варварскую того полицмейстера. При всем том, сожалея об его участи, нельзя не признать, что приведенный из его оды стих был довольно неблагозвучным. С этим, полагаю я, согласятся все. Причину же его неблагозвучия я усматриваю в том, что он нарушает закон, который я имею в виду и который гласит так:

Закон. В тезисе белого стиха недопустимо после побочного удара – полуударное энклитическое слово – причем безразлично, стих ли это подлинно белый, или рифмованный, чего я в данном случае не знаю.

Действительно, нарушения этого закона я у настоящих поэтов, к которым принадлежат Пушкин и Ал. Толстой в исследованных мною их трагедиях не нашел ни одного; чтобы убедить в этом читателя и заодно точнее иллюстрировать мой закон, приведу те стихи, которые наиболее приближаются к запретному. Вот группа первая:

Народ! Наруд! В Кремль! В царские палаты!
Ужасное, не приведи Бог, время
Позолотит все, что тебе пригодно
Пожалуй, я речь поведу, бояре
Ты в ней попрбл все, что имело разум
Тебя царь просит оставаться с ним
Пришли тебя к царю звать – Быть не может...

Тут мы имеем и односложный полноударный тезис, и нередко энклитический, но предшествует ударение не побочное, а главное, а при таком условии этот тезис становится допустимым. А вот вторая группа:

Заметки в области русской просодии и метрики

А выручил князь Шуйский. Молодец!
Что ведает князь Шуйский. Говори!
Он врезался. Тьмы сабель молодца
Всех радостей, всех обольщений жизни
Сбирать волхов и на-душу брать грех
И добрые все вести к нам пришли
Отважные мне навевали сны
Феодорыч. Дочь вздумал, не спросясь
Басманова царь не послал опять

Тут, наоборот, предшествует ударение побочное, но занимающее тезис слово – проклитическое, а не энклитическое, так что закон опять не нарушен. Впрочем в седьмом примере слово *мне* – безударное, так что его можно отнести также к следующей группе, третьей:

Отважные мне навевали сны
Великих Лук уж взорваны им стены
Великая в обычае есть сила
Торговья, вишь, льготы англичанам
Не спрашивай! Не спрашивай нас, царь!
Богоотступников я выдам церкви
Да подговаривать вас, бедных дур
Часы бегут, и дорого мне время
Уверены ль мы в бедной жизни нашей

А тем более допустим после побочного ударения такой односложный тезис, который проклитический и безударный, как в нижеследующих примерах:

На некое был послан послушание
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
По совести мне правду объяви

Возвращаясь после этих примеров к стиху Тредьяковского, можно будет с еще большей уверенностью сказать, в чем заключается причина этой неблагозвучности: полновесное слово *днесъ* всей своей тяжестью легло на предшествующее ему ударение, которое, будучи побочным, а не главным, было слишком слабо, чтобы эту тяжесть вынести. Будь то ударение главным и, стало быть, сильным, как в первой группе,

Ф. Зелинский

или тяготей оно не к нему, а к следующему слову, будучи не энклитическим, а проклитическим, как во второй, или, наконец, будь оно не тяжелым, полноударным, а легким, полуударным или безударным, как в третьей, – то и изъяна в стихе бы не было.

VII

Такова эта теория побочных ударений – или теория пеонов, если угодно будет, с моими поправками, удержать этот термин. Перехожу теперь ко второй главной теории, которой посвящаю нынешний очерк – к теории переломов, каковым слово я перевожу греческий термин *anaklasis* (от глагола *anaklao* – ‘переламываю’). И прежде всего поясню греческий термин.

В греческой метрике «переломы» ограничиваются одним родом размеров, о котором не было речи до сих пор, – ионическим. Его основная стопа – так называемый *ionicus a minori*, состоящий из двух кратких и двух долгих, нелегко дающийся передать по русски. Соединяя две такие стопы, получаем основной стих в области этих размеров – ионический диметр

○○— — ○○—
ite Bakchai, ite Bakchai

В нем следует обратить внимание на столкновение второго долгого первой стопы с первым кратким второй. Вместе взятые, эти два составляют, разумеется, хорей; так вот, греческая метрика на основании музыкальных особенностей, нам в точности неизвестных, но родственных тому явлению, которое в нашей музыке называется «синкопой», – разрешает замену этого хорея ямбом, при чем ионический диметр превращается в так называемый «преломленный» стих, *anakl̄fmenos*

○○— ○— ○—
chalepon to m̄ philksai

Музыкальную сторону этого процесса мы выяснить не можем, но сам он несомненный, так как *anakl̄fmenoi* в перемешке с чистыми ионическими диметрами встречаются и в классическую эпоху – в «Вак-

Заметки в области русской просодии и метрики

ханках» Еврипида например – и в ту, из которой нам сохранены подражания Анакреонту, так называемые *Anakreonteia*. Замечу по этому поводу, что заимствованный из последних стих:

Узнаю коней ретивых,
обязанный своей популярностью, кажется, не столько Пушкину, сколько Стиве из «Анны Карениной», является примером такого *anaktomenos*, и что его первые три слога составляют анапест, а не полтора хорея.

Итак, сущность метрического «перелома» состоит в замене хорея ямбом и, следовательно, также ямба хореем; его же значение легче изучить на польской метрике, которая, по моей теории, по крайней мере в значительной части на нем построена. Возьмем для примера строфу баллады Мицкевича «Нѣwitezianka». Она состоит из двух двустиший форм:

Jakiⁱⁱ to chiopiec pikn^y i miody,
Jakaⁱⁱ to obok dziewica?

в которых первый стих представляет собой соединение не двух «адониев» (т.е. усеченных дактилических диметров) с обязательной цезурой между ними, второй – усеченный дактилический триметр:

—○○—○ —○○
—○○—○○—○

Но сравните с выписанным первым стихом соответствующий ему в той же строфе третий:

Brzegami sinej Nѣwitezzi wody
—○—○ —○—○—○

Тут оба раза вместо адониев стоят усеченные ямбические триподии, т.е. оба раза вступительный хорей заменен ямбом. В иных случаях замена состоялась только в одном из обоих адониев, между тем как другой оставлен адонием:

Miody jest strzelcem w tutejszym borze
—○○—○ ○—○—○

В этой строфе, повторяю, факт перелома несомненен. Но раз это так, то мы имеем право допустить его и в других случаях, где он не только очевиден, и таким образом перестроить польскую метрику с силабического принципа, на котором ее принято строить, на принцип (крипто) то-

Ф. Зелинский

нический. Тогда окажется, например, что стихом, которым написан «Конрад Валенрод», и «Гражина», был не неопределенный «одиннадцатисложный» стих (*jedenastozgioskowiec*), а катаlectический ямбический триметр.

Straszliwa īmija wkradia sīk do sadu
Niewiasta z wdzikkwy a bohater z ducha

и, равным образом, стихом, которым написан «Пан Тадэуш» не столь же неопределенный «тринадцатисложный» стих (*trznaśtozgioskowiec*), а гиперкаталиктический ямбический триметр, но с переломами, свобода которых сдерживалась лишь обязательными в обоих цезурами, пятипольвинной (*pethkmitkres*) в первом, семиполовинной (*hephthkmitkres*) во втором:

Litwo, Ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie.

Находясь еще в Варшаве, я на основании названных поэм собрал богатый статистический материал, доказывающий правильность моего положения – о коренном тоническом принципе, просвещивающим, так сказать, через внешнюю оболочку силлабического; этот материал погиб в пожаре моей квартиры вместе со всем прочим, и я его уже восстановить не могу. Поэтому задуманная мною «Польская метрика» написана мною не будет; я должен ограничиться настоящим кратким эскизом. Но одно недоразумение, в котором я не повинен, я желал бы при этом случае устраниТЬ. В одном моем фельетоне, помещенном в газете «Gazeta Polska», – не припомню его заглавия, – я позволил себе намек на развитую здесь теорию переломов. Корректор по недоразумению, вызванному невнимательным чтением, пояснил непонятное для него выражение «перелом» в скобках словом «н̄sedniywka» (т.е. цезура), чем совершенно исказил мою мысль и вдобавок приписал мне нелепую претензию на открытие давно уже до меня открытой цезуры. Если бы удалось отыскать этот фельетон и было бы признано желательным перепечатать его среди моих статей в сборнике «Z ī ucia idei», то я очень просил бы устраниТЬ это недоразумение, вычеркивая введенное корректором слово «н̄sedniywka».

А теперь, после этого экскурса в область польской метрики, возвращаемся к русской.

VIII

В русской метрике роль перелома – т.е. замены хорея ямбом – менее значительна, чем в польской, что стоит в связи со строже в ней выдержаным тоническим принципом; но все же он и в ней не совсем отсутствует. В белом стихе, нас здесь особенно интересующем, мы можем его наблюдать в двух, а может быть и в трех формах, Первая – это слабый перелом; он со своей стороны может быть двух степеней. Вторая – это перелом средний; эти две, как мы увидим сомнений в своей доступности не представляют. Представляет таковые зато третья форма, перелом сильный; тем не менее поговорить придется и о ней ввиду ее, как мы увидим, теоретической возможности и попыток ее практического осуществления.

Итак, во первых, слабый перелом; он состоит в перемещении побочного ударения слов, обладающих также и главным ударением. Таковы преимущественно слова сложные:

Когда, свершив сыноубийство, царь
Чем в мирную новоизбранный царь
Клятвопреступники! Христопрода́вцы!
Когда нибудь монах трудолюбивый
Перебывало у царя – Бояре!

Вместо ямбического начала «сыноубийство» и т.д., требуемого стихом, мы имеем в этих примерах начало хореическое; перелом, стало быть, на лицо. Тут возникает вопрос, возможен ли он вообще также и независимо от белого стиха. Как быть, например, со словом «интернационал»? Его естественные побочные ударения наряду с главным на последнем слоге, конечно: «интернационал». Но когда переводили с французского посвященный ему гимн, условия напева потребовали ударений: «с интернационалом». Во французском оригинале никакой наряжки не было: там *L'intumationble* звучит вполне естественно. Ну а по русски впечатление получилось смешное.

Как бы то ни было, но до сих пор мы имеем первую степень слабого перелома: для нее характерна наличие незыблемого главного уда-

Ф. Зелинский

рения при перемещающимся побочном. Есть однако слова – и их даже довольно много – про которые можно сказать, что они по своему положению в стихе или речи главного ударения вовсе лишены и обладают одним только побочным: если в них происходит перемещение этого побочного ударения, то получается вторая степень слабого перелома. Примеров тому много:

Или еще пред паном Вишневецким
Или хитрить с придворным езуитом
Через послов союз свой предложил
Чтобы врагам и внутренним и внешним
Между рядов безмолвных он проходит
Сейчас явлюсь перед тобой – и душу
А вы кого против меня пошлете?
Велику скорбь или великий праздник...

Во всех этих случаях стих требует ямба, но разговорное ударение дано хореическое, и оно, конечно возобладало.

В противоположность к этому слабому перелому средний имеет дело с главным ударением; его встречаемость ограничивается первой стопой стиха, да и то при условии, чтобы в ней тезис был образован отдельным односложным словом:

К нам подошла б от Сокола подмога
Ждал из Литвы, а сам дрожит от гнева
Речь подведет; он всех нас лучше скажет
Царь – государь! Дозволь тебе сегодня...

Примеров не особенно много, что вероятно объясняется стеснительностью поставленного условия; все же они доказывают законность этого среднего перелома в отличие от сильного, к которому мы переходим теперь. Сильный же сводится – согласно своему античному образцу – к простой замене начального ямба в белом стихе – хореем.

У Шекспира примеров этой замене много; приведу, не исчерпывая их числа, встречающиеся в первом акте «Гамлете»:

Thereto prick'd on by a most emulate pride
Unto our climature and countrymen

Whether in sea or fire, in earth or air
Taken to wife: nor have we herein barred
Visit her face too roughly. Heaven and earth!
Season your admiration for a while
Armed at point exactly? Cap-a-рй
Virtue itself scapes net calumnions strokes
Costly thy habit as thy purse can buy
Neither a borrow er nor a lender be...

Таково отношение Шекспира к этой разновидности перелома; как видит читатель, допускаются все виды двухсложных начальных стоп, от самых легких хореев до приближающихся к спондею. Теперь перейдем к Шиллеру; переход этот поучителен. Берем первые два акта из «Смерти Валленштейна»:

Strafbar erschein'ich? Und kann die Schuld
Aufrichtig, Oberst Wrangel – ich war stets
Mitspielen kann? Ich kцnn' das Gleiche tun
Also zu tun an eurem Herr und Kaiser
Ausweg sich fdnde – jetzt noch will ich ihn
Fluchwьrd'ger Argwohn! Unglьcksel'ger Zweifel!
Unwьrdig deiner wirst du nie mich sehn...

Примеров на два акта не особенно много, но все же заслуживает внимания факт, что среди них нет ни одного настоящего хорея – все только спондеи, допускающие по крайней мере побочное ударение на втором слоге, даже в *strafbar*, *bism*. Другими словами, сильного перелома, превращающего начальный ямб в хорей, Шиллер не признает.

А коли так, то неудивительно, что не признает его также и русский белый стих. Он в этом отношении строже даже Шиллеровского, так как допускаемые Шиллером начальные спондеи по-русски, как мы уже видели, невозможны.

По этому поводу я должен покаяться. Не зная об этом и находясь под влиянием Шекспира, я в своих ранних переводах из Софокла – правда, очень редко – позволял себе начать стих с хорея. Так в «Аянте» 836:

Зову и вас, что в девственности вечной
Вечно блюдете все деяния смертных

и еще 849:

Старцу-отцу и матери несчастной.

В первом примере нетрудно было переставить слова: «блудете вечно»; но мне не хотелось пожертвовать красивым, как мне казалось, хъязмом: «в девственности вечной – вечно блудете». Продолжая перевод и изучая одновременно вышеназванные русские трагедии, я убедился, что в них сильный перелом не встречается; не считая себя вправе выступать законодателем, я в позднейших переводах и сам его избегал.

Но помню, в десятых годах один из молодых русских поэтов – кажется, это был Ал. Блок – в одном кратком драматическом эскизе, заглавия которого я не припомню, разрешил себе эту вольность – хорей вместо ямба в первой стопе белого стиха. Критика тогда почтительно отнеслась к этому новшеству – и действительно, этому поэту более моего пристало выступать законодателем. Но нашел ли он с этой своей попыткой подражателей, этого я не знаю.

Итог во всяком случае пока следующий: в английском белом стихе – вольность полная, в первой стопе кроме законных ямбов – и хореи, и спондеи; в немецком Шиллера – спондеи, но не хореи; в русском Пушкина и Ал. Толстого – ни спондеев, ни хореев. В этом развитии наблюдается все-таки некоторая стройность – и поэтому им стоило заняться вкратце в рамках этого эскиза – и стоило пожалуй заняться подробнее, расширяя рамки, т.е. привлекая и другие драмы, и других поэтов.

IX

Развитие белого стиха – обработка нашей темы привела нас сама собою к этому неизбежному вопросу. Имея кое что сказать о нем, соединяя его с вопросом о цезурах, о которых у нас еще речи не было.

Откуда произошел белый стих? – Помню – к сожалению мне не раз в этой статье, как и вообще в произведениях моей старости, приходится ссылаться на мою ставшую уже очень безнадежной память – еще будучи в Петербурге, я прочел статью какого то медиевалиста, в которой доказывалось, что этот стих, в своей полной, женской форме одиннадцатисложный, произошел из тоже одиннадцатисложного стиха, ко-

Заметки в области русской просодии и метрики

торым написана «Divina commedia» Данте. Мне тогда эта теория показалась очень убедительной: действительно,

To be or not to be – that is the question
Amor condusse noi ad una morte

это тот же стих. Но конечно, это сходство еще не решает вопроса: тут требуются еще другие доказательства зависимости, доказательства литературно-исторического характера, которыми я, не будучи медье瓦листом, не располагаю. Говорю поэтому об этой теории скорее в желательном наклонении (*optativus*) или залоге (*desiderativum*).

Но – откуда же произошел этот одиннадцатисложный стих Данте? Продолжая пользоваться той же оговоркой, обращаю внимание на следующее.

Среди всех строф, которые, главным образом, благодаря Горацию, вошли в состав римской лирики, находилась в особенно выгодном положении сафическая, и вот почему. Все остальные были, так сказать, прикреплены к количественному стихосложению и при тонической скандинировке обязательно должны были утратить свой поэтический характер. Действительно, возьмите Алкееву строфию или любую из асклепиадовых, попробуйте прочесть их без иктусов, сохраняя лишь грамматическое ударение,— получится чистейшая проза. Одна только сафическая также и при тоническом произношении сохранит требуемую от поэзии равномерность ударений и произведет впечатление поэтической строфы. В самом деле, возьмем знаменитую оду «Integer vitae»:

Integer vitae scelerisque purus
Non eget Mauris jaculis neque arcu
Nec venenatis gravida sagittis,
Fusce, pharetra.

Ее метрическая схема при количественном произношении будет следующая:

Попробуем теперь отвлечься от количества и прочесть строфу с соблюдением одних только прозаических ударений:

Пропал ли поэтический характер? Нет, он сохранился, ударения только переменились, но равномерность осталась; вместо порядка: хорей, спондей, дактиль, два хорея – получится такой: дактиль, за ним четыре хорея. Лучшее доказательство этой равномерности и, стало быть поэтичности – то, что наша ода именно в своем тоническом виде была скомпонована в новейшей музыке, а равно и то, что она в этом виде была приобщена к новейшей поэзии – чаще всего, кажется, польской.

Теперь прошу сравнить с этой тонической формой сафической строфы нижеследующую терцину Данте – начало эпизода о Франческе да Римини:

Siede la terra, dove nata fui
Su la marina, dove'l Po discende,
Per aver pace co' seguaci sui

(Инф. V 97). Сходство полное; но всего замечательнее то, что это вдобавок – терцина, т.е. трехстишье; можно прямо сказать, что терцина Данте возникла из сафической строфы путем пропуска ее четвертого краткого стиха, адония, нарушающего плавное течение собственно сафических стихов и поэтому обреченного на исчезновение при их превращении из лирических стихов в эпические. Это совпадение до того убедительно, что мне не верится, что я первый его заметил; не имея возможности это проверить, ограничусь сообщением здесь своего наблюдения с повторением моего заявления, что я ничуть не дорожу приоритетом и предоставляю каждому забрать то, что он сочтет своим.

Такова красавая схема развития, обнимающего два с половиной тысячелетния и соединяющего Сафо, стихотворицу шестого века до Хр., с белым стихом наших дней; его отдельные этапы: 1) количественный стих Сафо; 2) количественный сафический стих Горация; 3) тонический сафический стих раннего средневековья; 4) эпический стих Данте; 5) драматический белый стих Шекспира, Шиллера, Пушкина и т.д. По-

Заметки в области русской просодии и метрики

ставим теперь вопрос, который я связал с вопросом о развитии этого стиха,— вопрос об его цезурах.

У Сафо нет еще обязательной цезуры, как нет и требования, чтобы вторая — по обычному счислению — стопа была спондеем:

Poikilothron'athanat'Aphrodita,
Pai Dios doloploke, lissomai se.

Гораций второе требование исполняет строго, цезуры же после пятого слога придерживается необязательно:

Mercuri, facunde – nepos Atlantis

но все же ее видимо предпочитает: в оде «*Integer vitae*» она соблюдена во всех стихах, и при переходе с количественного принципа на тонический осталась в силе. Но в стихе Данте всякая обязательность цезуры отпала: выше я ради наглядности выбрал такую терцию, в которой она имеется в полном соответствии с Горацием, но должен заявить, что это соответствие необязательно. То же относится и к драматическому стиху Шекспира и Шиллера; но при переходе на русскую почву отношение к делу меняется, Собственно, оно меняется уже раньше, на немецкой почве, но об этом загадочном явлении позвольте сказать несколько позже.

Написанные белым стихом произведения Пушкина по вопросу о цезурах распадаются на две резко отделенные друг от друга группы: одну составляет в величавом одиночестве «Борис Годунов», другую — все прочие драматические сочинения с «Русалкой» во главе. А именно: в «Борисе Годунове» поэт, как известно, обязательно придерживается цезуры после второй стопы:

Еще одно последнее сказанье

Он сам сознается в этой — не то слабости, не то силе — в одном шутливом стихотворении:

Признаться вам, я в пятистопной строчке
Любую цезуру на второй стопе.
Иначе стих то в яме, то на кочке

(«Домик в Коломне» XII). Это, разумеется, тоже всем известно. Но хотелось бы знать: по собственному ли почину поэт набрел на эту идею, или следовал какому нибудь образцу? Образец же был на лицо — и какой еще!

Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nell'eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente.

Вот где стих действительно оказался «на кочке», и притом три раза под ряд! Что Пушкин его знал, не подлежит никакому сомнению: его знают даже те, что о Данте вообще никакого понятия не имеют, Пушкин же ему даже «подражал» в 1832 г. ... хотя, надобно сознаться, не особенно почтительно.

Но дело оказывается на поверку еще много сложнее. Бы ли Пушкин – первым применившим правило цезуры на второй стопе по крайней мере – к драматическому белому стилю? Нет, даже этого сказать нельзя. Сделал это задолго до него, тот немецкий поэт, который первый пересадил шекспировский белый стих на немецкую почву, – Мартин Опиц, глава первой силезийской школы (XVII в.). Это во всяком случае делает ему честь: Шекспир тогда еще не был открыт континентальной Европой, в ней царил французский классицизм, а с ним и «александрийский» стих. Но что мог знать Пушкин об Опице? Или должны мы здесь признать простое случайное совпадение? Пускай пушкинисты отвечают на этот вопрос; я в него здесь углубляться не могу. Сочинения Опица у меня здесь под рукой не имеются, даже сведеньем об его цезуре я обязан производному источнику.

Пристрастие Пушкина к этой цезуре в «Борисе Годунове» не доставило ей победы: он и сам ей изменил в своих других поэмах, писанных белым стихом. Ввиду этого, к слову сказать, и я не счел нужным себя с ею связывать в своих переводах из Софокла. Была у меня тут и причина эстетическая. Что лучше, строгость ли цезуры на второй стопе или беспечное чередование «кочки» с «ямой»? Это, в сущности, дело вкуса; что касается меня, то я, несмотря на насмешки поэта, даю в этом отношении вольности его «Русалки» предпочтение перед строгостью его национальной трагедии. Благодаря этой вольности получились четыре «типа» белого стиха: первый – с мужской цезурой (именно той, о которой была речь) и мужским окончанием, второй – тоже с мужской цезурой, но женским окончанием, третий – с женской цезурой (в середине третьей стопы) и мужским окончанием и четвертый с женскими и цезу-

рой и окончанием; будем их отличать сиглами м-м, м-ж, ж-м, и ж-ж. Вот примеры из «Русалки»:

1. м-м: Я счастлив был. Безумец! И я мог
2. м-ж: Авось опять его сегодня встречу
3. ж-м:-м: Невольно к этим грустным берегам
4. ж-ж: Оставьте пряжу, сестры. Солнце село!

Если угодно, можно от первых двух типов еще отличить те, в которых цезуре предшествует не главное, а побочное ударение – перед цезурой это допускается, в окончании, как мы видели, нет. Тогда получатся еще два второстепенные типа, а именно:

- 1а. м-м: Свободного свободная любовь
- 2а. м-ж: Любимую, хоть горестную повесть.

Кроме этих стихов с мужской или женской цезурой встречаются и бесцезурные; их, однако, мало – много меньше, чем ввиду естественных условий следовало бы ожидать, – из чего мы вправе заключить, что поэт избегал их как неблагозвучных. Приведу и им примеры.

Все здесь напоминает мне былое
И к нам переселиться... Что я вижу!

Угодно теперь немного статистики? Я посчитал встречаемость отдельных типов (не отличая в м-м и м-ж приведенных выше разновидностей) в первой сцене «Русалки», в ней на 112 стихов приходится: типа м-м – 26 стихов; типа м-ж – 40; типа ж-м – 15; типа ж-ж – тоже 15; бесцезурных с женским окончанием – 14; с мужским – 2.

Представляют ли эти числа интерес для исследователя? Еще не знаю и поэтому прошу читателя не торопиться с отрицательным ответом. Дело вот в чем. Во второй своей книге, посвященной ритму ораторской прозы Цицерона («Der constructive Rhythmus in Ciceros Reden», 1914) я подсчитал взаимное соотношение в речах оратора ритмических групп, обозначенных буквами *V(erae), L(icitae), S(elektae), M(alae) и P(essimae)*. Результат оказался ошеломляющий. Во всех речах, а их сохранилось 57, – одно и то же соотношение! Ну что ж, это объясняется, может быть общими законами встречаемости в латинской речи? Беру для проверки речь, приписываемую Цицерону, но несомненно ему не

Ф. Зелинский

принадлежащую, декламацию против Саллустия, подсчитываю здесь соотношение – получились совершенно другие числа, даже не приближающиеся к тем. А так как примененная мною метода подсчета – я дал о ней представление читателю, анализируя целиком одну из сравнительно кратких речей, – исключает всякую возможность обмана и самообмана, то придется признать, что мною открыта в этом соотношении «ритмическая печать личности» (*die rhythmische Persönlichkeitsmarke*) Цицерона. А это и само по себе интересно, и обещает немаловажные практические плоды. Дайте мне страниц восемь Тейбнеровского текста – и я, подсчитав соотношение ритмических фигур, скажу вам с уверенностью, имеете ли вы тут текст Цицерона перед собой или нет. Эту мою «ритмическую печать личности» сравнивали поэтому не без основания с открытым приблизительно в тоже время отпечатком (указательного) пальца – «Каиновой печатью», как ее, не вполне впрочем правильно, прозвал народ. Правда, своей практической применимостью мое открытие с тем соперничать не могло: ту же признали не только полиция, но даже преступники – они, слышу я, теперь уже стали воровать, грабить и убивать с перчатками на руках, между тем как моего открытия, несмотря на его очевидность, можно не признавать, не ощущая от этого упрямства особых практических неудобств.

Так вот – возвращаясь к теме – не исключена возможность, что и в соотношении цезурных типов заключается своего рода печать личности. В чем состояла она у Цицерона? – В тем, что оратор по отношению к ритмическим фигурам своей речи соблюдал то, что я назвал «законом постоянства» (*das Contanzgesetz*) – соблюдал, конечно, бессознательно и непреднамеренно. Итак, поставим вопрос, соблюдал ли его также и Пушкин – столь же бессознательно и непреднамеренно – по отношению к своим цезурным типам? Чтобы на него ответить, надо подсчитать эти типы – м-м, м-ж, ж-м и ж-ж сначала в прочих сценах «Русалки», а затем и в остальных белым стихом писанных драматических эскизах Пушкина. Работа скучная, что и говорить, причем сопряженная с риском и поэтому вдвойне не заманчивая. Ну, что ж, риск, говорят, дело благородное. В данном случае он состоит в том, что поэт никакого «закона постоянства» не соблюдает, числа в «Моцарт и Сальери» даже не при-

Заметки в области русской просодии и метрики

ближаются к тем, которые дал «Скупой рыцарь». Это значит, что вся работа была ни к чему. Досадно, но делать нечего: где наше не пропадало! – Но ответ может получиться и положительный, постоянство может оказаться налицо, числа во всех драматических опытах приблизительно совпадают. Тогда и награда есть. Все же проверка была необходима. Подсчитаем типы в «Смерти Иоанна Грозного»: если тут числа окажутся другие, то мы вправе будем сказать, что нами открыта «печать личности» для Пушкина. А это и само по себе интересно, и не лишено даже практического значения. Как известно, несколько десятилетий тому назад было предложено русской публике мнимое продолжение «Русалки» Пушкина. По отношению к нему голоса разделились: большинство критиков отвергло его подлинность, но такой тонкий ценитель поэзии, как Ф.Е.Корш, например, ее признал. Так вот, если исследование цезурных типов даст положительный результат, то и этот вопрос будет благополучно – или злополучно – разрешен.

Но от меня этой работы уже требовать нельзя: я знаю по собственному опыту, что она втягивает человека, и моей жизни на нее уже не хватит.

Подготовка текста и публикация П.Мицнера

Недостающее звено в истории русского стиховедения

Деятельность Ф.Ф. Зелинского охватила и связала между собой две совершенно различные эпохи русского стиховедения. Напечатавший свое первое обширное исследование [Зелинский 1883] в один год с книгой [Голохвастов 1883] и за десятилетие с лишним до публикаций о русском стихе Ф.Е. Корша [Корш 1896-1897, 1898], свои наиболее известные работы по ритмике [Зелинский 1906, 1913, 1922] Зелинский опубликовал уже в годы, когда в стиховедении активно работали представители символистского и футуристского поколений стиховедов, научные «дети» и даже «правнуки» Корша.

Но резонанс публикаций Зелинского был, в общем, невелик. Причин тому было две. Во-первых, главным предметом его изысканий была ритмика прозы, остававшаяся в целом (несмотря на ряд блестящих пионерских работ о ней) все же на периферии научных интересов эпохи. Во-вторых, почти все опубликованное Зелинским было либо впрямую посвящено античному стиху (см. его учебные комментарии и рецензии, перечисленные в указателе [Штокмар 1934, с. 55, 58-59]) и прозе, либо иллюстрировалось на античном материале, как в общетеоретических по своей направленности публикациях о ритме прозы [Зелинский 1906, 1922]. А масштабный переворот 1910-х – 1920-х годов в стиховедении и поэтике и, что особенно важно – в общественном отношении к этим дисциплинам [ср. Гиндин 1989] в принципе мог быть осуществлен только на материале родного языка и родной словесности.

Недостающее звено в истории русского стиховедения

Правда, одну статью, посвященную русскому стилю, Зелинский все же опубликовал – «Русский элегический дистих» [1913]. Но уже ее заглавие показывает, что она посвящена сравнительно частному явлению. А из краткого введения к статье явствует, что даже к этому явлению автор подходит не столько как исследователь-историк, сколько как переводчик-практик, формулирующий правила, которых он сам старался придерживаться «при передаче овидиевских дистихов русскими стихами» [Зелинский 1913, с. 312].

В том же введении Зелинский упоминал, что эти правила ранее докладывались у Вяч. Иванова в «Обществе любителей изящного слова (так называемой “Академии стиха”)» [Там же]. Неожиданным образом это вполне ненаучное замечание позволяет заключить, что интересы Зелинского в области русского стихосложения, хотя и были генетически связаны с его переводческой практикой, выходили за ее пределы и касались проблем более широких и более фундаментальных, нежели отразившиеся в статье об элегическом дистихе.

Дело в том, что о выступлениях Зелинского в «Академии стиха» сохранилось еще одно мимолетное, но очень важное свидетельство. В принципиальной для него работе конца 1922 г., которой он в 1929 г. открыл итоговый сборник своих исследований, Б.В. Томашевский останавливался на роли в стихе «“побочных” ударений, или полуударений» [Томашевский 1929, с. 15-17]. И прежде, чем начать обсуждение новейших на тот момент исследований [Якобсон 1922] и [Шенгели 1923], он счел нужным сделать такое историческое примечание: «В личных беседах в “Обществе ревнителей художественного слова” Ф.Ф. Зелинский давно настаивал на значении этого явления в художественном эффекте стихотворного ритма» [Томашевский 1929, с. 15].

В статье о дистихе понятие полуударного слова существенно использовано при формулировке второго из семи предлагаемых правил. Согласно этому правилу «(односложные) ударные слова в тезисе дактиля допущены быть не могут», а «наряду с неударными словами, допускаются... и полуударные» [Зелинский 1913, с. 312-313]. Однако не случайно здесь фигурируют не полуударения Томашевского и не полуударные слоги, а именно полуударные **слова**. Следующее за процити-

С. И. Гиндин

рованным правилом авторское примечание подтверждает, что «полударными словами» Зелинский называл служебные слова, ударность которых в обычной речи выражена менее четко, чем у знаменательных слов, а в стихе зависит от занимаемой метрической позиции. После их углубленного анализа, предпринятого В.М. Жирмунским [1925, с. 105 - 120], за ними закрепилось имя *метрически двойственные слова*. Через 60 с лишком лет учет распределения метрически двойственных (полударных по Зелинскому) слов привел к интереснейшим открытиям: моделированию различий «легкого» и «тяжелого» стиха [Гаспаров 1977] и выдвижению гипотез о причинах так называемой «ретрессивной диссимиляции» иктов в двусложных размерах [Красноперова 2000, § 3.3, с. 156-180].

Однако о той иерархии слоговых ударений **внутри** одного многосложного **слова**, на важнейшую роль которой, по воспоминаниям Томашевского, устно указывал Зелинский в «Академии стиха», статья «Русский элегический дистих» не говорит ничего. Нет каких-либо сведений о публикациях по этому вопросу и в наиболее подробном указателе трудов Ф.Ф. Зелинского [Pianko 1959], в котором зафиксировано почти 200 работ за 1921-1946 гг.

Приходилось считать, что соображения Ф.Ф. Зелинского навсегда потеряны для следующих поколений. Последующее стиховедение также не уделяло побочным ударениям особого внимания. А между тем, как отмечал Б.В. Томашевский [1929, с.16], их распределение «в стихе дает специфический, затушеванный ритмический рисунок, ритмическую канву, на которой распределяются словесные ударения». И кто знает, какие открытия могли быть сделаны на этом пути... Тем более, что сегодня и лингвисты стали обращать внимание на роль побочных ударений в русской просодии, на нормативность и необходимость лексикографического отражения ряда таких ударений (ср., напр., [Каленчук, Кацаткина 1993; Борунова 2001]).

И вот сенсационная находка – последняя статья Зелинского, обнаруженная профессором Х. Геремек и подготовленная к печати профессором П. Мицнером, публикуется в этом номере «Московского лингвистического журнала». Различие побочного и главного ударений явля-

Недостающее звено в истории русского стиховедения

ется в ней (наряду с понятием «перелома») важнейшим инструментом исследования. Как должна бы интересовать ученого эта проблема, да и вообще русское стихосложение, чтобы вернуться к ним на пороге смерти, будучи оторванным от всякого научного общения и не имея ни малейших гарантий, что «Заметки...» когда-нибудь попадутся на глаза хоть одному понимающему человеку!

Слово *просодия* в заглавии «Заметок...» сигнализирует, что речь в них пойдет о языковых предпосылках особенностей русского стиха. Словосочетание *белый стих* в подзаголовке обозначает прежде всего драматический белый стих, т.е. пятистопный ямб. Но содержание статьи куда шире и подзаголовка, и даже заглавия. Здесь и подробный экскурс в историю русского гекзаметра, во многом предвосхищающий выводы исследования М.Л. Гаспарова [1975, с. 374-379], и наблюдения сравнительно-исторического характера над развитием и преемственностью гекзаметра или декасиллабических размеров в различных европейских литературах, и широко задуманные сопоставления национальных вариантов белого стиха – английского, немецкого, русского, – и это в те годы, когда российская традиция сопоставительной метрики, так сильно заявившая себя в работах Р.О. Якобсона [1923] и В.М. Жирмунского [1925], почти полностью сошла на нет! Наконец, особо надо отметить параграф о польском стихе – возможно, единственный реликт неосуществленного замысла книги «Польская метрика», о котором упоминает сам автор.

Трудно представить себе условия более неблагодарные для научной работы, чем те, в которых писались «Заметки...» (о них подробно рассказал в своем вступлении П. Мицнер). О прочитанных в свое время работах коллег Зелинскому приходится писать по памяти¹. Другие, даже впрямую связанные с его темой, как [Якобсон 1933], вообще остались ему неизвестны. Но уникальная широта знания поэзии многих эпох и народов, живое ощущение разноприродных стиховых систем, смелость и оригинальность сопоставлений придают стиховедческому за-

¹ Отсюда, кстати, и трудность создания полноценного научного комментария к «Заметкам...», подготовка которого потребует международной кооперации специалистов.

С. И. Гиндин

вещанию Зелинского немалую ценность. Думается, что и сегодня, когда стиховедение шагнуло далеко вперед, чтение «Заметок...» будет интересным и поучительным не только для историков науки.

Литература

Борунова С.Н. Взгляд на проблему побочного ударения в современном русском языке (Лексикографический аспект) // Жизнь языка. М.: Языки слав. культуры, 2001. С. 145-148.

Гаспаров М.Л. Продром, Цец и национальные формы гекзаметра// Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 362-385.

Гаспаров М.Л. Легкий стих и тяжелый стих // Ученые записки Тартуского ун-та. 1977. Вып. 420. Studia metrica et poetica. [Т.] 2. С. 3-20.

Гиндин С.И. О предыстории русской научной поэтики первой трети XX в. // Анна Ахматова и русская культура XX века. М., 1989. С. 82-84.

Голохвастов П.Д. Законы стиха русского народного и нашего литературного. СПб., 1883.

Жирмунский В.М. Введение в метрику. Л.: Academia, 1925. (Переизд. в кн.: *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975).

Зелинский Ф.Ф. О синтагмах в древней греческой комедии // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. №4. С. 133-242; №5. С. 243-309. № 6. С. 311-368.

Зелинский Ф.Ф. Ритмика художественной речи и ее психологические основания // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнозизма. СПб. 1906. Вып. 2. С. 121-128; Вып. 4. С. 233-243.

Зелинский Ф.Ф. Русский элегический дистих // *Овидий.* Баллады-послания. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. С. 312-315.

Зелинский Ф.Ф. Ритмика и психология художественной речи // Мысль. Пг., 1922. №2 (март-апрель). С. 68-86.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровне // Вопросы языкознания. 1993. №4. С. 99-106.

Корш Ф.Е. О русском народном стихосложении // Известия Отделения рус. языка и словесности / Имп. Академия наук. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 1-45; 1897. Т. 2. Кн. 2. С. 429-500.

Недостающее звено в истории русского стиховедения

Корш Ф.Е. Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» А.С. Пушкина по записи Д.П. Зуева [Часть 1-ая] // Известия Отделения русского языка и словесности / Имп. Академия наук. 1898. Т. 3. Кн. 3. С.633-785.

Краснолерова М.А. Основы реконструктивного моделирования стихосложения. СПб.: Изд. СПб. Ун-та, 2000.

Томашевский Б.В. Проблема стихотворного ритма [Изд. 2-е] // *Томашевский Б.В.* О стихе. Л.: Прибой, 1929. С. 3-36.

Шенгели Г.А. Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика / Изд. 2-е. М.; Пг.: Гиз, 1923.

Штокмар М.П. Библиография работ по стихосложению. М.: ГИХЛ, 1934.

Якобсон Р.О. Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия / Академич. Центр Наркомпроса. Сб. 2. М., 1922. С. 222-240.

Якобсон Р.О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин: Госиздат, 1923.

Якобсон Р.О. Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским // Сборникъ в честь на проф. Л. Милетичъ. София, 1933. С. 108-117.

Pianko G. Bibliografia prac Tadeusza Zielicskiego // Meander. 1959.V. 8-9. S. 437-461.

Сергей Гиндин

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Владимир Иванович Любченко (30.11.1934-22.03.2005)

22 марта 2005 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался Владимир Иванович Любченко.

Владимир Иванович родился 30 ноября 1934 г. на Украине, в гор. Черновцы. Закончив в 1952 г. с золотой медалью среднюю школу, он поступил вначале на физико-математический факультет Черновицкого государственного университета, откуда в 1954 г. перевелся на физический факультет МГУ. Окончив его с отличием в 1958 г., Владимир Иванович в течение 11 лет работал в ЦНИИ Министерства обороны, вначале младшим, затем старшим научным сотрудником, и в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам. В 1969-1978 гг. он работал в ИМЭМО АН СССР, вначале старшим, затем ведущим научным сотрудником, участвуя в исследованиях по теме «Конфликты и кризисы в развивающемся мире», а также в разработке методологии ситуационного анализа и его практического применения.

В 1978 г. В.И. Любченко перешел на работу в Институт востоковедения РАН, где стал заведовать Лабораторией системного анализа. В 1980 г. за цикл работ по международным проблемам ему была присуждена Государственная премия СССР. Продолжением исследований В.И. Любченко по этой тематике явились две написанные с его участием коллективные монографии: «Проблемы разоружения и развивающиеся страны» и «Восток: рубеж 80-х годов» (обе книги опубликованы в 1983 г. издательством восточной литературы). В 1990 г. В.И. Любченко было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «История международных отношений и внешней политики».

Владимир Иванович Любченко

Однако научные интересы В.И. Любченко не ограничивались только этой областью. В 80-е гг. он стал все более серьезно интересоваться проблемами компьютерного моделирования восточных письменностей и разработки компьютерных средств обработки текстов для задач восточной лингвистики и филологии, а с 1987 г. эта проблематика стала основным направлением его исследований.

В 1987-1990 гг. В.И. Любченко занимался проблемами компьютерной лингвистики в качестве ведущего научного сотрудника Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. В 1990 г. он перешел на работу в Институт Дальнего Востока, а через год стал доцентом кафедры восточных языков в РГГУ, где разрабатывал программное обеспечение для редактирующих и гипертекстовых систем, предусматривающих использование восточных языков, прежде всего японского и китайского, а также вел преподавательскую работу, обучая студентов-лингвистов основам программирования и методике работы с текстовыми редакторами. Все это время В.И. Любченко не прекращал своего сотрудничества с Институтом востоковедения РАН и в 1999 г. вернулся в Отдел языков народов Азии и Африки ИВ РАН на должность ведущего научного сотрудника.

В число разработок В.И. Любченко в области компьютерной лингвистики входят: информационно-поисковая система по китайским иероглифам, система управления китайскими гипертекстами TONGMING, программы рисования китайских иероглифов ZAOZI и IZUMI, адаптация этих программ для японской графической базы ZZ, редактор для японского языка WABUN, многооконная редактирующая и справочная система по японской иероглифике и лексике ИРИС. В 2003 г. система ИРИС получила премию на конкурсе работ Института востоковедения РАН.

С 1994 г. по 2003 г. В.И. Любченко был постоянным участником работ по созданию экспериментального комплекса ЯРАП для лингвистических исследований по японско-русскому автоматическому переводу. Он один из авторов коллективной монографии «Экспериментальный комплекс ЯРАП для лингвистических исследований в области японско-русского автоматического перевода: первая очередь» (Москва: ИВ РАН, 2001). В рамках этих разработок В.И. Любченко построил компонент вво-

З. М. Шаляпина

да-вывода японских текстов на экран, функционирующий в составе комплекса по настоящее время.

В.И. Любченко снискал искреннее уважение коллег не только своими глубокими познаниями в исследуемых областях и вдумчивым подходом к решению научных задач, но и готовностью всегда поделиться информацией, дать консультацию, научить пользоваться новейшими программными продуктами.

Кончина Владимира Ивановича явилась большой потерей для всех его коллег, друзей и учеников.

З. М. Шаляпина

Московский лингвистический журнал / Гл. ред. С. И. Гиндин.–
М.: Издательский центр РГГУ, 2004. Том 9. № 1. 186 с.

В номере помещены статьи по актуальным областям современного гуманитарного знания: корпусной лингвистике, лингвокультурологии, автоматизированным интеллектуальным системам. Рассмотрены проблемы русского словоизменения, коммуникативной фонетики, структура дунганского языка. Впервые введена мемуарно-биографическая рубрика «Московские лингвисты». Впервые публикуются имеющие важное методическое значение работы видных ученых прошлого: А.М.Финкеля о количественных методах сравнения переводов и Ф.Ф.Зелинского о просодии и ритмике русского белого стиха.

Выпуски «Московского лингвистического журнала» можно приобрести в магазине «У кентавра» (ул. Чаянова, д. 15), а также непосредственно в Институте лингвистики РГГУ (Миусская пл. 6, корпус 2, к. 309, 314, 315)

Иногородние читатели могут заказать журнал через отдел платных услуг Научной библиотеки РГГУ (095-250-65-79 Т.П. Самойленко)

Зарубежные библиотеки и университеты могут получать журнал в порядке книгообмена с Научной библиотекой РГГУ.

Электронная версия оглавления журнала доступна по адресу:
<http://mjl.rsu.h.ru/>

Оператор компьютерной верстки Н.Г. Семенова

Лицензия ИД № 05992, выд. 05.10.2001
Подписано в печать 03.05.2006 Формат 60x90/16
Уч.-изд. л. 12,3 Усл. печ.л. 11,6
Гарнитура Arial Тираж 500 экз. Заказ № 108

Издательский центр Российского государственного гуманитарного
университета, 125267 Москва, Миусская пл., 6